

ПРОВ. 1957

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

66

ИИМК

к. 13(7)

ИИМК ДП

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

66

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР
МОСКВА—1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

*А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов,
Л. А. Евтюхова, А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров*

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Д. Б. ШЕЛОВ

СОСТОЯНИЕ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ НУМИЗМАТИКИ
И БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ¹

Основной задачей нумизматики — вспомогательной исторической дисциплины — является исследование истории монетного дела, денежного обращения и товарного производства по данным находок монет и иным нумизматическим памятникам, которые, кроме того, нередко дают нам представление о самых различных сторонах экономической, политической и культурной жизни народов и государств, обладавших денежным обращением. В понятие нумизматики в широком смысле включается также изучение другого рода памятников — произведений медальерного дела, орденов, жетонов и пр. Мы не будем здесь касаться этих сторон нумизматической работы и тех аспектов нумизматического исследования, которые соприкасаются с историей техники, историей искусства и т. п. В задачу настоящей статьи входит рассмотрение только основных функций нумизматики, связанных с изучением экономической и политической истории, с изучением монет как памятников исторических.

Такое понимание основных задач нумизматики, включающее в себя изучение денежного обращения и товарного производства, господствует в советской исторической науке. Правда, до сих пор существует и другое мнение, сохранившееся еще от XIX в. и довольно широко распространенное среди буржуазных ученых, — мнение о том, что нумизматика — дисциплина формалистическая по своему существу и что задачу ее составляет только изучение монет с чисто внешней, формальной стороны, т. е. рассмотрение изображений (типов), надписей и т. п. Подобное представление изредка встречается и среди советских историков; в частности, сторонником этого мнения является Л. В. Черепнин². Но можно смело сказать, что для советской науки в целом такое понимание задач нумизматики — пройденный этап, и большинство нумизматов его не придерживается.

Тем не менее при теперешнем состоянии нумизматики она, по нашему глубокому убеждению, далеко не всегда способна решать задачи, выдвигаемые перед ней советской исторической наукой.

Правда, за последние годы советская нумизматика достигла довольно больших успехов во многих областях. Прежде всего следует отметить, что среди советских нумизматов господствует правильное в методологическом отношении понимание целей и задач нумизматического исследования. Все

¹ Доклад, прочитанный на сессии Отделения исторических наук АН СССР в апреле 1955 г.

² Л. В. Черепнин. Русская метрология. М., 1944, стр. 13, 14.

больше внимания уделяется изучению общих вопросов развития того или иного общества по нумизматическим данным. В монетах изучаются в первую очередь те стороны, которые дают представление об экономической и политической истории древних обществ: весовые системы, система номиналов, денежные реформы, монетное право, распространение монет, интенсивность выпусков и т. п., т. е. те данные, которые позволяют говорить о монетах как о средстве денежного обращения.

Отрадным явлением в развитии нумизматики последних лет следует считать приход в науку большой группы молодых исследователей, активно работающих сейчас в самых различных областях нумизматического знания. Значительно увеличилось количество нумизматических исследований. Самый приблизительный подсчет показывает, что за последние десять лет свыше 60 печатных работ было посвящено только одной среднеазиатской нумизматике и примерно такое же количество — античной.

Разработка вопросов античной нумизматики ведется в одном направлении — исследуются монеты государств, находившихся в древности на территории нашей страны, прежде всего Северного Причерноморья. Огромное значение имел выход в свет в 1951 г. капитального труда А. Н. Зографа «Античные монеты» — первой на русском языке фундаментальной работы по античной нумизматике, работы, в которой как бы подведен итог всему, что было сделано нумизматами-антиковедами дореволюционной России и СССР за период больше ста лет. После опубликования труда А. Н. Зографа появился ряд статей нумизматов-антиковедов, которые, используя традиции, заложенные русскими нумизматами А. В. Орешниковым, А. Л. Бертье-Делагардом, А. Н. Зографом, продолжают исследование памятников причерноморской нумизматики.

В 1956 г. вышла в свет книга Д. Б. Шелова «Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э.».

Публикация античных монет осуществляется в виде списков монетных находок из раскопок городов и некрополей или в виде издания кладов¹. Отметим, что и в этой области исследователи не ограничиваются материалами узко-нумизматического характера и проявляют все больший интерес к истории рабовладельческих обществ Северного Причерноморья, выясняемой по данным нумизматики. Рассмотрение монетных находок уже позволило внести ряд существенных поправок в наши представления об экономической и политической истории античных государств Северного Причерноморья. Меньшее значение имеет изучение монетной типологии, но и в этой области ярко выражено стремление решать на нумизматическом материале более общие вопросы; в частности, очень важно, например, выявление в типологии причерноморских монет своеобразных черт, которые определяются культурным воздействием местной, негреческой среды².

¹ Е. О. Прушевская. Анапский клад пантикапейских медных монет. ТОНГЭ, I, 1945; Л. Н. Белова. Описание монет из раскопок некрополя Херсонеса 1937 г. «Херсонесский сборник», вып. IV, Симферополь, 1948; Л. П. Харко. Тиритакский монетный клад 1946 г. ВДИ, 1949, № 2; Д. Б. Шелов. Феодосийский клад боспорских «статеров». ВДИ, 1950, № 2; В. М. Скуднова. Два клада монет из Нимфея. ВДИ, 1950, № 4; Ю. С. Крушкoл. Монеты Фанагорийского городища раскопок ГИМ 1937 и 1939 гг. СА, XV, 1951; ее же. Монеты с монограммами из Патрэйского клада 1950 г. ВДИ, 1952, № 3; К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрэе. ВДИ, 1952, № 3; А. Н. Зограф, Л. П. Харко. Монеты из раскопок Тиритак и Мирмекия в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, МИА, № 16, 1951; его же. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», 1, М.—Л., 1955; Д. Б. Шелов. Монеты синдов. КСИИМК, вып. XXX, 1949; его же. Феодосия, Гераклея и Спартокиды. ВДИ, 1950, № 3; его же. К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951; его же. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950; Л. П. Харко.

С развитием скифо-сарматской археологии в последнее время оживляется интерес к монетам скифских царей¹.

Очень важен поднятый недавно вопрос о находках римских монет на территории Советского Союза. Изучение этих находок интересно для определения уровня экономического развития племен, населявших территорию Восточной Европы в 1-й половине I тысячелетия н. э. Эта работа проводится В. В. Кропоткиным и М. Ю. Брайчевским. И хотя вопросы, связанные с обращением римских монет в Восточной Европе, вызывают сейчас оживленные споры, несомненно, что дальнейшее изучение не только позволит выяснить существование определенных торговых связей, отсутствие или наличие товарного производства у различных племен Восточной Европы, но и поможет сделать существенные выводы о передвижении племен и народов в первые века нашей эры и о политических судьбах населения Восточной Европы в эпоху «великого переселения народов»².

За последние годы много сделано в области восточной нумизматики. Следует отметить, что в этой отрасли нумизматической науки наиболее благоприятно обстоит дело с регистрацией монетных находок; в республиках Закавказья и Средней Азии организован систематический учет кладов, случайных находок и раскопочных нумизматических материалов, проводится большая публикационная работа.

В области кавказской нумизматики достигнуты значительные результаты в изучении так называемых колхидок. Опубликованы новые материалы, позволяющие утверждать, что выпуск колхидок был начат не позднее V в., а вероятно, еще в VI в. до н. э. Ведется исследование этих материалов с целью изучения социальной и политической истории Западной Грузии в древности³. Большое внимание привлекли так называемые варварские подражания, выпускавшиеся в Грузии и на Северном Кавказе в античную эпоху. Работа по их изучению была начата еще А. Н. Зографом и продолжается сейчас кавказскими исследователями⁴. В связи с новыми находками недавно вновь был рассмотрен вопрос о локализации статеров царя Аки и определено их кавказское происхождение⁵. Еще

О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах II в. ВДИ, 1950, № 1; В. П. Ш и л о в. Синдские монеты. СА, XV, 1951; П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Боспор и Рим в I в. н. э. по нумизматическим данным. ВДИ, 1953, № 3; Д. Б. Ш е л о в. Монетная система городов Боспора в VI—V вв. до н. э. МИА, № 19, 1951; его же. Денежная реформа Левкона II. ВДИ, 1953, № 1; его же. Денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, № 33, 1954; его же. Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э. М., 1956; К. В. Г о л е н к о. Датировка медных монет Пантикапея конца III в.—II в. до н. э. КСИИМК, вып. 58, 1955 и др.

¹ Л. И. Т а р а с ю к. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи. КСИИМК, вып. 63, 1956; Н. П. Р о з а н о в а. Монеты скифского царя Фардзоя. МИА, № 50, 1956.

² В. В. К р о п о т к и н. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4; его же. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3; М. Ю. Б р а й ч е в с к и й. Знахідки римських монет на території Української РСР. «Археологія», т. III, Київ, 1950; его же. Час обігу римської монети в антському суспільстві. «Археологія», т. VI, Київ, 1952; его же. О распространении римских монет у древних восточных славян. ВДИ, 1954, № 1; О. В. Ф е н і н. Знахідки римських монет у Прикарпатті. «Археологія», т. V, Київ, 1951.

³ А. Н. З о г р а ф. Распространение находок античных монет на Кавказе. ТОНГЭ, I, 1945; С. И. М а к а л а т и я. Находки колхидских монет нового типа. ВГМГ, XIV-V, 1947 (на груз. яз.); Д. Г. К а п а н а д з е. Заметки по нумизматике древней Колхиды. ВДИ, 1950, № 3; его же. Грузинская нумизматика. М., 1955.

⁴ А. Н. З о г р а ф. Распространение находок античных монет на Кавказе; Д. Г. К а п а н а д з е. О древнейших золотых монетах Грузии. ВДИ, 1949, № 3; его же. О назначении монет так называемой варваризованной чеканки, находимых на территории Грузии. ВДИ, 1953, № 1; его же. Грузинская нумизматика; С. И. М а к а л а т и я. Археологические находки в селении Ахриси (Картли). ВДИ, 1951, № 3.

⁵ Д. К. К а п а н а д з е. Новые материалы к изучению статеров царя Аки. ВДИ, 1948, № 1; его же. О достоверности имени, выбитого на статерах басилевса Аки. ВДИ, 1949, № 1; Л. П. Х а р к о. Существовал ли царь АΚΗΣ? ВДИ, 1948, № 2.

в 1950 г. в Тбилиси вышла на грузинском языке первая обобщающая работа по нумизматике Грузии, принадлежащая Д. Г. Капанадзе. В 1955 г. она переиздана на русском языке в исправленном и дополненном виде¹.

За последнее время в области древней среднеазиатской нумизматики много внимания уделяется исследованию находимых на территории Средней Азии греко-бактрийских, индо-парфянских, кушанских и иных монет, что уже позволило выделить ряд местных центров чеканки. Все большее количество монет, которые ранее были известны как безличные «варварские» подражания, связывается теперь с чеканом того или иного района Средней Азии, получает точную датировку и историческое истолкование. Все больше выясняется картина денежного хозяйства в древней Бактрии, Согде, Маргиане, Хорезме и других областях².

Много сделано по исследованию нумизматики раннесредневекового Согда, главным образом, О. И. Смирновой³. Сейчас можно думать уже о подготовке общего корпуса согдийских монет. Изучаются монеты и более поздних средневековых династий — Саманидов, Караханидов и др.⁴. Исследования ведутся не только по линии регистрации и публикации отдельных памятников, выяснения хронологии и династической истории на основании монетных данных, но изучаются также денежное обращение, денежные реформы, финансовая политика государей и другие вопросы социально-экономической истории.

Особенно много сделано Е. А. Давидович в изучении шейбанидских монет, причем на материале этого раздела поставлен ряд общих вопросов политического и экономического развития Средней Азии⁵. Привлекают внимание нумизматов и более поздние периоды истории Средней Азии. Таким образом, восточная нумизматика — среднеазиатская и кавказская — весьма полно охватывает все развитие монет на этих территориях.

Хуже обстоит дело с нумизматикой средневековой Восточной Европы и прежде всего с русской. Однако и в этой области кое-что сделано, и сделано основательно. Детально изучена монетная система Московского

¹ Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955.

² С. П. Толстов. К истории хорезмийских Сиявушидов ИАН, серия истории и философии, т. II, № 4, 1945; его же. Древний Хорезм. М., 1948; М. Е. Массон. К вопросу о происхождении «безымянного царя». Бюллетень САГУ, вып. 23, 1945; его же. Происхождение безымянного «царя царей», «великого спасителя». Труды САГУ, вып. 11, кн. 3, 1950; В. М. Массон. Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа. ВДИ, 1953, № 3; его же. Древнехорезмийская монета из собрания Музея истории АН Узб. ССР. Труды Музея истории Узб. ССР, вып. 2, Ташкент, 1954; его же. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным. ВДИ, 1955, № 2.

³ О. И. Смирнова. К хронологии правителей Согда VII—VIII вв. н. э. Бюллетень АН Узб. ССР, № 6, 1945; ее же. Согдийские монеты из раскопок в Пянджикенте. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949; ее же. Согдийские монеты, как новый источник для истории Средней Азии. СВ, VI, 1949; ее же. Монеты из раскопок древнего Пянджикента (1947 г.). МИА, № 15, 1950; ее же. Согдийские монеты собрания нумизматического отдела Государственного Эрмитажа. ЭВ, IV, 1951; ее же. Материалы к сводному каталогу согдийских монет. ЭВ, VI, 1952; ее же. Монеты древнего Пянджикента. КСИИМК, вып. 55, 1954 и КСИИМК, вып. 60, 1955; ее же. Первый клад согдийских монет. ЭВ, X, 1955 и др.

⁴ См. многочисленные статьи Е. А. Давидович, М. Е. Массона и других исследователей, опубликованные главным образом в изданиях академий наук Узбекской, Таджикской и Туркменской союзных советских республик.

⁵ Е. А. Давидович. По поводу Южнотуркменистанского клада серебряных монет Мухаммед-Шейбани-хана. Материалы ЮТАКЭ, I, 1949; ее же. К денежному обращению государства Шейбанидов. Автореферат диссертации. Л., 1949; ее же. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов. Труды САГУ, вып. 11, кн. 3, 1950; ее же. Две денежные реформы в государстве Шейбанидов. Труды САГУ, вып. 23, кн. 4, 1951; ее же. Денежная реформа Шейбани-хана. Труды АН Тадж. ССР, т. XII, 1954, и др.

государства XVI—начала XVII в. в работах И. Г. Спасского¹. Монетная система Московского государства более раннего времени исследовалась Г. Б. Федоровым². Им же проведены изучение, классификация и топографизация литовских монет³. Обстоятельно исследовано денежное обращение в Поволжье в XVII в. в связи с вопросом о так называемых мордовках⁴. В самое последнее время внимание нумизматов стали привлекать вопросы чеканки монет удельных русских княжеств⁵. Начато также изучение нумизматики Золотой Орды⁶.

Однако все эти работы не могут еще удовлетворить потребности в нумизматических исследованиях при изучении древней Руси и сопредельных областей Восточной Европы.

Если мы рассмотрим в целом положение нумизматической науки, отвлекаясь от отдельных достижений в той или иной области, то мы должны будем констатировать, что положение это в настоящее время еще далеко не удовлетворительно. Прежде всего в организационном отношении в нумизматике господствуют разброд и кустарщина, отсутствует единый центр, который объединял бы, направлял и координировал работу нумизматов, ставил бы перед ними общие вопросы нумизматической науки. Большинство советских нумизматов, занятых в различных научно-исследовательских учреждениях, в высших учебных заведениях, музеях, работает разобщенно, часто не имея даже возможности консультироваться, информировать друг друга и т. д.

Нумизматика начинается с собирания, регистрации и публикации монет, и это важнейшее звено у нас до сих пор в очень плохом состоянии. Правда, в некоторых областях регистрация монетных находок проводится весьма успешно (Е. А. Пахомов — по Кавказу, М. Е. Массон, Е. А. Давидович и др. — по Средней Азии), но в целом не выполняется самое элементарное требование, предъявляемое к нумизматической науке: не регистрируются в централизованном порядке монетные клады и находки. Значительное количество монетных находок проходит мимо научно-исследовательских учреждений и музеев, попадает в руки организаций, никакого отношения к науке не имеющих, часто поступает прямо в переплавку, иногда расходуется по рукам местного населения и пропадает для науки. Существует закон о регистрации всех нумизматических находок, которая возложена на Академию наук СССР. Но в Академии наук не существует органа, ведающего такой регистрацией, и закон остается невыполненным.

В нашей исследовательской работе тяжело сказывается отсутствие планирования и координации. Всякая наука может успешно развиваться лишь при условии известного планирования и при возможности для работников встречаться и критиковать друг друга, консультироваться, обмениваться

¹ И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. МИА, № 44, 1955.

² Г. Б. Федоров. Происхождение московской монетной системы. КСИИМК, вып. XVI, 1947; его же. Русские монеты удельного периода. КСИИМК, вып. XVII, 1947; его же. Московские деньги времени великих князей Ивана III и Василия III. КСИИМК, вып. XXX, 1949.

³ Г. Б. Федоров. Топография кладов с литовскими слитками и монетами. КСИИМК, вып. XXIX, 1949; его же. Классификация литовских слитков и монет. Там же.

⁴ И. Г. Спасский. Денежное обращение на территории Поволжья в 1-й половине XVI в. и так называемые мордовки. СА, XXI, 1954.

⁵ В. Л. Янин. О начале псковской монетной чеканки (неопубликованное открытие А. В. Орешникова). Труды ГИМ, вып. XXV—НС, ч. 1, М., 1955; В. Л. Янин и С. А. Янина. Начальный период рязанской монетной чеканки. Там же; Н. Д. Мец. Московская денга новгородского типа. Там же; Н. Д. Мец. Монеты удельного княжества Кашинского. КСИИМК, вып. 65, 1956.

⁶ С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. МИА, № 42, 1954.

опытом, информацией и пр. Нумизматика в этом отношении находится в очень странном положении. Общего координирующего органа не существует; ни в одном учреждении нумизматика не является самостоятельным объектом изучения. В музеях, где сосредоточено большинство нумизматов, научно-исследовательская работа часто совсем не ведется или находится на втором плане. Кроме того, музеи принадлежат различным ведомствам и между собой обычно связаны совершенно недостаточно. Институт истории материальной культуры, который прежде всего должен был бы выполнять функции организующего и координирующего центра, специально вопросами нумизматики занимается очень мало, и нумизматов в этом институте почти нет.

В результате такого положения в работах советских нумизматов существует много пробелов, иногда охватывающих важные области нумизматического исследования. Ряд разделов полностью выпал из поля зрения советских исследователей, например византийская нумизматика, в которой когда-то русская наука сделала очень много. В настоящее время эта отрасль почти совершенно забыта, и мы можем насчитать лишь две-три мелкие заметки и публикации¹. Совершенно не изучается денежное обращение восточных государств за пределами Средней Азии и Закавказья. Не привлекает внимания нумизматов античная нумизматика вне пределов Северного Причерноморья и Кавказа. Отсутствует разработка вопросов западноевропейской нумизматики. В настоящее время у нас нет ни одного специалиста в этой области знания; за последние годы не появилось ни одной статьи, посвященной западноевропейским монетам. Это, конечно, огромный пробел: во-первых, нумизматические памятники Западной Европы очень важны для изучения истории Западной и Центральной Европы; во-вторых, европейские монеты в огромном количестве обращались на территории Русского государства, входили в состав денежного обращения Руси, и без исследования их невозможно полное изучение нумизматики древней Руси.

Таким образом, ряд крупнейших разделов нумизматики совершенно не разрабатывается, а в тех, которыми занимаются советские исследователи, существуют значительные пробелы. Уже из перечня названных выше работ видно, что русская нумизматика изучается очень неравномерно. Сравнительно хорошо охвачен только небольшой хронологический период русской чеканки. Более поздние монеты XVII, XVIII и XIX вв. еще не нашли себе исследователя; не разрабатываются вопросы современной советской чеканки².

Даже в такой ограниченной области, как античная нумизматика Северного Причерноморья, в которой работает довольно много исследователей, и то можно констатировать очень неравномерное исследование отдельных разделов. Много сил и внимания уделяется изучению нумизматики Боспора, тогда как по ольвийской за последние годы почти ничего не издано. Только в самое последнее время изучением монетного дела в Ольвии занялся П. О. Карышковский. Что же касается Херсонеса, то изучение его монет почти прекратилось.

Одним из крупнейших недостатков в работе советских нумизматов является отсутствие разработки общих теоретических вопросов. Это отрицательно сказывается на решении многих конкретных исторических проблем.

¹ С. А. Вязигин. Византийский солид V в. с городища Новая Ниса. Изв. Туркм. ФАН, № 3, 1950; М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Труды САГУ, вып. 23, кн. 4, 1951; К. В. Голенько. Подражания византийским монетам X—XI вв., найденные на Таманском полуострове. Византийский временник, VII, 1953.

² Начало изучению советских монет сейчас положено изданием их описания С. П. Фортинским. См. С. П. Фортинский. Описание советских монет за период с 1921 г. по 1952 г. Труды ГИМ, вып. XXV — НС, ч. 1, М., 1955.

Возьмем хотя бы вопрос, о котором уже говорилось выше, — об обращении римских монет на территории Восточной Европы. В последнее время много спорят о том, насколько находки римских монет могут свидетельствовать о существовании товарно-денежных отношений у славян в эту раннюю эпоху. Существуют различные мнения, причем противники ссылаются на одни и те же материалы. Невозможность достигнуть сейчас какой-то единой точки зрения в большой степени зависит от того, что сами нумизматы еще не разработали в теоретическом плане положения о том, насколько и в каких условиях монеты могут отражать те или иные явления в экономической, общественной жизни.

Другой пример — это вопрос о правомерности привлечения нумизматических источников для определения существования или отсутствия государственной власти. Горячие споры ведутся вокруг вопроса о существовании государств у колхов и синдов во 2-й половине I тысячелетия до н. э., постулируемом именно на основании нумизматических данных. Но и здесь правомерность привлечения монетного материала теоретически не доказана, не обоснована, и поэтому обычно спорящие стороны ссылаются на одни и те же монетные данные, толкуя их каждый раз так, как больше подходит для той или иной концепции.

Сейчас назрела необходимость решения многих общих вопросов нумизматики: о значении нумизматики для исторического исследования; о том, что могут сказать монеты историку и в каком случае, какие задачи могут решаться на основе нумизматического анализа; о происхождении товарно-денежных отношений, происхождении монет, роли их в разных обществах и на различных стадиях развития, периодизации монетного дела. Наша нумизматика до сих пор пользуется периодизацией, установленной еще — в лучшем случае — во 2-й половине XIX в., а то и в 1-й его половине. Эта периодизация придерживается обычно формального принципа — династического, в то время как история уже давно ушла вперед, выдвинув новые принципы.

Важна, конечно, и разработка методики нумизматических исследований, в настоящее время почти отсутствующая; разработка отдельных конкретных вопросов истории монетно-денежных отношений в различных обществах с таким расчетом, чтобы заполнить наибольшие пробелы. Нужно также создать общие курсы нумизматики и курсы по ее разделам. Кстати, на русском языке ни одного труда общего характера, кроме устаревшей работы А. К. Маркова, нет.

Эти большие недостатки в области нумизматических исследований отражаются на общем положении исторической науки. Как правило, историки очень плохо осведомлены даже о тех вопросах, которые в нумизматической науке более или менее решены. Со стороны некоторых историков замечается известное игнорирование или незнание нумизматического материала и выводов, сделанных нумизматами. Примером могут служить отдельные капитальные издания последних лет — книги П. И. Лященко по истории народного хозяйства СССР, «История Москвы», «Очерки по истории СССР феодального периода», «История культуры древней Руси» и др., в которых нумизматика не нашла никакого отражения или нумизматические факты истолкованы неверно, в духе старых, давно отвергнутых ошибочных концепций П. Г. Любомирова, Н. П. Бауера и др.

В. Л. Янин в статье «Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в древней Руси»¹ привел примеры того, какими устаревшими понятиями оперируют многие историки в отношении нумизматики и к каким ошибкам приводит незнание нумизматического материала в решении вопросов о торговых путях, о категориях обращавшихся денежных единиц и т. д.

¹ «Вопросы истории», 1955, № 8.

Конечно, эти ошибки вытекают не только из неумения или нежелания историков пользоваться нумизматическими данными: они свидетельствуют, очевидно, и о том, что нумизматы недостаточно пропагандируют свои выводы, свою науку. Несомненно, ликвидация разрыва между историей и нумизматикой — насущная задача; осуществлением ее должны заняться нумизматы, с одной стороны, историки и археологи — с другой.

Для того чтобы резко улучшить нашу работу и вывести нумизматику на широкую дорогу исторического исследования, необходимо провести ряд мероприятий, которые позволили бы нумизматике развиваться, как и всякой науке, на определенных организационных началах.

Прежде всего нужно создать единое центральное нумизматическое учреждение, которое могло бы объединять и координировать работу нумизматов. Существующие в настоящее время формы взаимосвязи нумизматов — работа нумизматической секции на ежегодных пленумах Института истории материальной культуры и специальные доклады в Государственном Эрмитаже и Государственном Историческом музее — явно недостаточны. Сектор, отдел или кабинет нумизматики, который должен быть создан в системе Академии наук СССР, сможет созывать совещания, обсуждать важнейшие вопросы нумизматической науки, намечать общие теоретические проблемы.

Другое, не терпящее отлагательств дело, — издание каталогов наших собраний. В настоящее время даже важнейшие музеи — Эрмитаж, Исторический музей — не имеют каталогов своих монетных коллекций, а во многих периферийных музеях монетные собрания вообще находятся в неразобранном виде, научно не обработаны и не приведены в систему. Трудно требовать, чтобы местные работники, не имеющие специальной подготовки, могли разобрать эти коллекции, если нет элементарных пособий и в том числе каталогов крупных собраний.

Правда, ведущие музеи — Исторический музей, Эрмитаж, Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина — уже приступили к составлению каталогов своих монет; подготовка каталогов ведется и в некоторых среднеазиатских музеях. Однако эта работа наталкивается на большие трудности. Помимо разобщенности нумизматов, о которой говорилось выше, отрицательное значение имеет положение, занимаемое нумизматами в музеях. Составлять каталоги, естественно, должны сотрудники музеев, но они обычно поставлены в такие условия, что нормально вести подготовку каталогов не могут, — все их время занято хранительской работой.

Нельзя ограничиться только изданием каталогов; необходим переход к более высокому виду публикации нумизматических памятников — к сводным каталогам, к корпусам монет по отдельным разделам. Такая работа не под силу одному музею, здесь потребуются объединение усилий нескольких коллективов. Академия наук СССР должна оказать помощь музеям в подготовке и особенно в издании каталогов и корпусов¹.

Неудовлетворительно обстоит дело с подготовкой кадров. Очень многие из ныне работающих нумизматов — в значительной степени самоучки. Нумизматы нигде систематически не готовятся. Кое-где в университетах изредка читается нумизматический курс, но обычно охватывающий лишь один какой-нибудь раздел нумизматики: в Москве и Ленинграде в последние годы читался курс русской нумизматики, в Одессе — античной, в Ташкенте — среднеазиатской. Обычно и сама постановка такого курса целиком зависит от инициативы того или иного нумизмата, сумевшего его ввести. Ни программы, ни пособий, ни учебников не существует. И большинство

---

¹ Начало этому уже положено. В настоящее время ИИМК издает подготовленный еще А. Н. Зографом корпус монет Тире.

историков, искусствоведов, археологов, кончая университет, никакого представления о нумизматике не получает.

Необходимо ввести курсы нумизматики для студентов, специально готовящихся к работе в области истории, археологии, истории искусства, — хотя бы по специальным разделам, чтобы антиковеды, кончающие специальные отделения в университете, проходили курс античной нумизматики, слависты — русской и т. д. Кроме того, нужно предусмотреть специальную подготовку нумизматов — организовать аспирантуру при некоторых университетах и набор аспирантов по профилю нумизматики в Институте истории материальной культуры.

Таковы организационные мероприятия, которые необходимо провести в первую очередь и положить основу развития нумизматики на более высоком уровне. Самим нумизматам надо обращать больше внимания на внедрение достижений своей науки, на создание общих работ, для того чтобы нумизматические исследования нашли большее отражение, более широкое применение в общеисторических трудах. Только тогда, когда историки, археологи, экономисты, представители всех смежных дисциплин в своих исследованиях и построениях будут широко пользоваться нумизматическими материалами и выводами, сделанными на их основе, существование нумизматики как вспомогательной исторической дисциплины будет полностью оправдано, и развитие нумизматики примет должные масштабы и должное направление.

И. Г. СПАСКИЙ

АЛТЫН В РУССКОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЕ

Алтын — старинное русское счетно-денежное понятие, а также название монеты, сперва официальное, а в XIX в. — только народное. Счетное понятие старше монеты, возникшей на его основе и находившейся в обращении сравнительно недолго.

В соответствии с общеизвестным равенством алтына шести денгам слово «алтын» обычно производят от татарского «алты» — шесть или неубедительно сопоставляют с «алтун» — турецким названием золотой монеты (А. К. Марков). Наконец, было предложено признать это слово переделкой на русский лад татарского выражения «алты тыйн», т. е. шесть белок¹ (с выпадением слога «тый»). Последнее объяснение было принято В. К. Трутовским, связывавшим возникновение алтына с обращением меховых ценностей².

В. К. Трутовский, не располагая какими-либо данными, подтверждающими существование счета беличьих шкурок шестерками у татар или у русских в период появления понятия «алтын», опирался исключительно на данные современного языка казанских татар, называвших медную копейку «тыйин», т. е. белка, а 15-копеечную монету — «ун бишь тыйин», т. е. 15 белок³. Другое татарское название для пятиалтынного — «алтмышлык» [по В. К. Трутовскому, — «шестидесятник» (?)] дало повод доказывать, также без подтверждения ссылками на какие-либо документы, равенство русской денги «в старину» четырем белкам, которые — то же, что «мордки бельи» и просто «мордки». Путем весьма произвольных расчетов В. К. Трутовский пришел к утверждению о равенстве древнейшего русского алтына 1½ денгам (6 мордкам).

До В. К. Трутовского уже существовало мнение, нашедшее отражение в некоторых справочных изданиях⁴, что до середины XV в. алтын был равен трем денгам, а шестиденежным стал лишь в результате падения веса денег Московского великого княжества в правление Василия Темного. Вопрос об отношении алтына к денге в XIV и XV вв. после опубликования исследования В. К. Трутовского окончательно перешел в разряд тем-

¹ Словарь русского языка, сост. 2-м отд. АН, вып. 1, 1891.

² ИС, т. I, М., 1911, протоколы заседаний, стр. 657, 658; В. К. Трутовский. Алтын, его происхождение, история, эволюция. ТСА РАНИОН, М., 1928, стр. 131—137.

³ Ср. коми и мордовское «ур» — белка и копейка. См. Г. Старцев. Древний зырянский денежный счет. «Этнограф-исследователь», журнал этнографического кружка этноотделения геофака ЛГУ, 1927, № 1; Н. Ф. Цыганов. О древнемордовской денежной единице. Записки Мордовского научно-исследовательского института, № 9, История и археология. Саранск, 1947.

⁴ См. Новый энциклопедический словарь, изд. Брокгауза-Ефрона, т. II; БСЭ, 2-е изд., т. 2, М., 1950, стр. 154.

ных вопросов русской нумизматики, которых и без того более чем достаточно. Эволюцию алтына от полутораденежного к шестиденежному В. К. Трутовский никак не прослеживал, и положения его при ближайшем рассмотрении оказываются несостоятельными, основанными на неопознательном обращении с источниками. Прежде чем показать это, следует коснуться некоторых общих вопросов истории алтына и, в частности, вопроса о том, в какой мере счетное понятие вообще может изменяться в зависимости от весовых изменений счисляемых платежных единиц.

Счетный алтын, во всяком случае, всегда был больше денги, служил только для денежного счета и — подобно другим счетно-денежным понятиям — соответствовал известной сумме, которая могла состояться из любых подходящих для этого платежных единиц: серебряных денег, полуденег-полушек, копеек-новгородок или тех и других вместе, а в течение части XVII в. (реформа Алексея Михайловича) и XVIII и XIX вв. — из разных медных монет, причем, в связи с возникавшими иногда различными курсами серебряной и медной монеты, временами появлялись и конкретные понятия «алтын медью», «алтын серебром».

До начала XVI в., когда, предваряя введение в 1534 г. единой монетной системы Русского государства, складывается единый всеобщий денежный счет на денгу, алтын (6 денег) и рубль (33 алтына и 2 денги), алтын выступает как частное и необязательное и притом местное, а не всеобщее счетное понятие. В документах XIV и XV вв. мы встречаемся с алтыном как целым (один, два и больше, до нескольких десятков), но не в сочетании с каким-либо количеством денег, не собирающихся в полный алтын; в то же время суммы, превышающие один, два алтына, выражаются в одних только денгах — 8, 10, 13 денег и т. д., да и заменой соответствующего ему количества денег один алтын служит не всегда. Известны записи о 2, 3, 4, 5 и 6 денгах (больше 6 денег в алтыне никто не считал). Таким образом, вначале понятие «алтын», подобно другим счетным понятиям, в случае надобности, — но отнюдь не обязательно, — позволяло короче и проще выразить то или иное количество (сумму) денег.

Счет на алтын возник в Центральной и Восточной Руси в XIV в., в тот переломный период, когда здесь в денежном обращении впервые появилась новая русская монета — денга, на основе которой сложился и новый денежный счет. Роль Московского великого княжества, первым или одним из первых начавшего чеканку денги, в становлении нового денежного счета представляется наиболее важной.

В Новгороде и во Пскове, когда в них началась в 20-х годах XV в. чеканка своей денги, счет на алтын еще вовсе не применялся. В новгородском счете место излюбленной промежуточной (после денги) счетной единицы долго занимала гривна (новгородская, в 14 денег); алтын вовсе не назван в известной «Памяти как торговали доселе новгородци»¹. Во Пскове же и гривна почти не была в ходу, и счет вели обычно на любое количество денег — до рубля. Алтын получил признание в местном счете Новгорода и Пскова с начала XVI в.

Хорошо известны упоминания в новгородских документах в течение всего XVI в. московского «числа» и оговоренное или даже не оговоренное употребление московского и новгородского денежного счета вместе, одновременно. «Было семя огуречное дорого: гривенка 20 алтын, а блюдечко по гривне новгородцкая» (1555 г.)². Во Пскове в 1518 г. уже платили за «колпак сухарей по алтыну и боле»³. Но для XIV в. и большей части XV в. алтын оставался только «низовским» понятием.

¹ Д. И. Прозоровский. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865, стр. 174.

² Новгородские летописи, изд. 1879 г., стр. 88.

³ ПСРЛ, т. IV, 1848, стр. 292.

Утверждениям некоторых авторов о прямом заимствовании алтына как счетного понятия от татар вместе с денгой¹ противоречит отсутствие в татарском языке самого слова «алтын»², которое, по всей вероятности, создано в русском языке на основе татарского слова. К тому же существование татарского денежного счета на шесть единиц вообще ничем не доказано. Представляется гораздо более вероятным традиционный характер этого счета для Руси XIV в., что при происходившей перестройке денежного счета и могло вызвать создание нового термина. В этой связи представляют большой интерес изложенные в диссертации В. Л. Янина метрологические доказательства равенства куны шести веверицам³.

Наиболее ранний из документов, засвидетельствовавших появление русского счета на алтын, — это договор великого князя Дмитрия Ивановича с тверским князем Михаилом Александровичем, датированный 1375 г.⁴ Алтын назван здесь рядом с малой платежной единицей древнейшего периода — резаной; упомянуты также счетная гривна и четверть (рубля), но они по смыслу текста явно крупнее алтына. Резаной выражен платеж, который в дальнейшем выражается денгой даже в очень близких по времени документах. Сама же денга еще не упоминается и появляется в документах пятью-шестью годами позже.

«А почнут твои искати перед нас ... или перед наши наместници или перед волостели, хоженного в городе алтын, а на правду два; а дальний езд верста по резане, а на правду вдвое...». И далее: «...А з головы дати пошлина гривна, а с семьи четверть»⁵.

Первое упоминание алтына вместе с денгой находится в договорной грамоте Дмитрия Ивановича с князем рязанским Олегом 1381—1382 гг. «А пошлыны с семьи шесть денег, с пешеходов два алтына, а с одного не имати... А мыто с воза по денге, а с пешехода мыта нет»⁶. Точно так же названы алтын и денга вместе в Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1392 г.: «Сборного митрополиту имати с церкви шесть алтын, а заезда три денги, а больше того на надобе ничто»⁷.

В договорной грамоте князя Василия Дмитриевича с князем рязанским Федором Ольговичем 1402 г. говорится: «А пошлыны с беглеца с семьи 2 алтына, а с одинца алтын ... а мыто с воза и в городех и всех пошлын денга, а с пешеходца мыта нет, а иных всех пошлын с рубля алтын, а с лодки с доски по алтыну, а с струга с набои два алтына и без набои денга»⁸.

Отсутствию упоминания о денге в первом из цитированных документов (1375 г.) едва ли можно придавать непосредственно датирующее значение в отношении этой денежной единицы. Известно, как живуча бывает старая, привычная терминология. В переломные периоды она не сразу уступает новому. Для примера можно указать на договорную грамоту Василия Дмитриевича с удельными князьями 1399 г., в которой алтын, уже, как мы видели, «познакомившись» с денгой, снова выступает как величина, стоящая над платежными единицами древнейшего периода, хотя и подчиненная уже рублю: «...А на старых ти мытех имати с воза по мортке обеушной, а костки с человека мортка; а поедет на версе с торговлей, ино мортка же, а кто промытися, ино с воза промыты по штидесят,

¹ И. И. Кауфман. Серебряный рубль в России. СПб., 1910, стр. 10.

² Именно поэтому А. К. Марков и пытался производить «алтын» от «алтун».

³ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы домонгольской Руси. Автореферат диссертации (МГУ), М., 1954, стр. 14. См. статью В. Л. Янина в настоящем выпуске.

⁴ См. А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси, т. I. СПб., 1889, стр. 108, 109.

⁵ СГГД, I, № 28 (датирована 1368 г.).

⁶ СГГД, I, № 32.

⁷ СГГД, I, № 36.

⁸ ААЭ, I, № 9.

а заповеди шестьдесят одинако, колько бы возов не было... А с лодки пошлин с доски по два алтына... , а струга алтын, а тамги и осмничего от рубля алтын... , а пошлины с семьи три алтына, а с головы алтын»¹.

Будь названный документ единственным известным или первым по времени, он мог бы породить немало заблуждений². Как бы ни рассматривались отношения резаны и мордки к денге и алтыну, документы XIV в. показывают, что между алтыном и русской денгой, с одной стороны, и древнейшей счетно-денежной кунной системой, с другой стороны, существует определенная преемственность.

Упоминание алтына как единицы возникающей новой денежной системы Центральной и Восточной Руси находится в двусторонних княжеских договорах. Говорится в них о платежах, производимых на территории обоих договаривающихся княжеств; следовательно, можно признать, что алтын был в 1375 г. достаточно знакомым понятием и для Москвы, и для Твери, а в 1381 г. — и для Рязани. На какую же платежную единицу опирается новый счет? Для рассматриваемого времени тверская денга исключается полностью, а рязанская — по всей вероятности; возможны лишь «денга» татарская, или денга московская, или даже обе, но порознь, в разных княжествах, и едва ли обе без различия из-за равновесности русской денги и татарского дирхема.

Как вполне определенное, привычное мерило для некоторого количества денег (монет) алтын выступает в записи Никоновской летописи под 6920 (1412) г.: «Того же лета меженина бысть в Новгороде в Нижнем, купили меру ржи по сороку алтын и по четыре алтыны старыми денгами»³. Здесь обращает на себя внимание обходящийся без рубля «большой» счет алтынами.

С XVI в. алтын стал общепринятой в Русском государстве счетной единицей, в частности и для государственных учреждений, хотя, как отмечалось выше, в некоторых частях страны, особенно в Новгороде, достаточно сильно сказывался старый, местный счет. В общем денежном счете алтын стал обязательной ступенью (рубль, алтын, денга), тогда как некоторые другие счетные понятия (гривна, полтина и пр.) сохраняли лишь частное значение.

Достоверно известно постоянное равенство алтына шести денгам (т. е. трем новгородкам-копейкам или двенадцати полушкам) после 1534 г. Не вызывает сомнений существование шестиденежного алтына и во 2-й половине XV в. В грамоте 1477 г. великой княгини Марии Ярославны Кирилловскому монастырю счет ведется именно на такой алтын, хотя и без упоминания денги. Триста рублей из вклада княгини предназначались для одинаковых ежегодных раздач нескольким монастырям в течение 15 лет (следовательно, к ежегодной раздаче 20 руб.) при такой разверстке: Кирилловскому монастырю — 4 руб., Ферапонтову и Каменскому — по 3 руб., еще пяти — по 1½ руб., Покровскому на Глушице — 1 рубль и еще двум монастырям — по «полутретьяцати алтын», т. е. по 25 алтын каждому⁴. Таким образом, 50 алтын, предназначенные последним двум монастырям, соответствуют полутора рублям (20—4—6—7½—1), и устанавливается знакомое всем равенство 1 рубль = 33⅓ алтынам.

¹ ААЭ, I, № 14.

² Ср. с договорной грамотой 1451 г.: «... На старых мытех имати пошлины с воза денга, а костки с человека денга же, а поедет на версе с торговлею, ино денга же, а кто промытит, ино с воза промыти алтын а заповеди алтын, колко бы возов ни было». СГГид. I, № 76, 77.

³ ПСРЛ, т. XI, 1897, стр. 218.

⁴ Дополнение к АИ, I, № 210.

Содержание денег в алтыне для более раннего времени взято под сомнение еще до появления статьи В. К. Трутовского. Считалось, что счет на шесть денег в алтыне возник только во времена Василия Темного в связи с общеизвестным падением веса московской денги в середине XV в. и увеличением количества денег в рубле.

Следует заметить, что чисто счетная величина, не опирающаяся на монету определенного установленного веса (каким и был алтын в середине XV в.), не обязательно должна реагировать на изменение веса считающейся единицы, если для этого нет еще каких-либо особых причин.

Рассуждая об алтыне как о счетной величине, обратимся к приведенному выше чрезвычайно важному для нас сообщению летописи о хлебных ценах 1412 г. в Нижнем Новгороде. Оно свидетельствует о наблюдавшихся тогда переменах в качестве (т. е. весе серебра) ходячих денег, среди которых отличались «старые» и «новые». Будь алтын связан с денгой метрологически, данная формулировка записи вообще не была бы возможна. Отмеченные перемены никак не отражаются на алтыне: попрежнему им обозначают привычное, однажды установленное количество денег, безразлично каких; поэтому и идет речь о старых денгах, но не о старых или новых алтынах.

Вес денги неоднократно изменялся и после Василия Темного, например, — во времена денежного кризиса 20-х—начала 30-х годов XVI в., в 1534 г., или в годы польско-шведской интервенции; но и при этом не было решительно никаких попыток как-либо изменить привычный счет и установленное содержание денег в алтыне, рубле или гривне, так как они были тогда только счетными понятиями и исправно служили для счета монет вне какой бы то ни было зависимости от их веса.

Любой отвлеченный денежный счет является специфической областью арифметики, а не метрологии, и с последней считаться не может. Это касается не только алтына, но и счетной гривны (с ее половиной — полугривной), которые опираются на низшую единицу системы — денгу, а также и полтины с полуполтиной, первоосновой которых является высшая счетная единица — рубль¹. Ничем не обоснованное утверждение В. К. Трутовского, что алтын существовал как монета до времени Василия Темного, остается несостоятельным полемическим приемом.

Прежде чем обратиться к разбору доказательств В. К. Трутовского, следует рассмотреть документ середины XV в., в котором можно усмотреть указание на соотношение алтына и денги; В. К. Трутовским, ограничившимся толкованием только документов XIV в., он не использован.

---

¹ Совершенно не считался с арифметической природой счетно-денежных понятий XV в. И. И. Кауфман. Его рассуждение о возникновении во 2-й половине XV в. (чуть ли даже не в правление Ивана III) на основе легковесной денги «новой московской гривны» в 20 денег и о сложении из таких гривен «новой полтины» и «нового» двухсотденежного рубля — очень характерно в этом отношении (И. И. Кауфман. Серебряный рубль в России. М., 1910, стр. 49 и сл.). На деле же счетная гривна в 20 единиц значительно старше и денги, и рубля. О сугубо арифметической природе гривны после того, как она порвала непосредственные связи с весом, говорит то, что в середине XIV в. ею считали даже слитки-рубли (АЮБ, I, № 71). В отношении приводимых И. И. Кауфманом в качестве доказательства позднего возникновения двухсотденежного рубля упоминаний об исчисляемых в рублях платеже пятигривенным серебром (один случай, 1468 г.) и платежах московскими денгами ходячими по пяти гривен за полтину (два случая, XV в. и начало XVI в.; там же, стр. 51) — следует иметь в виду, что тогда реальное денежное обращение Центральной Руси знало в основном два конкретных вида серебра: тяжелую новгородскую денгу и московскую денгу половинного веса. Поэтому при московском счете на 20 единиц в гривне выплаченный «новгородками» рубль был «пятигривенным серебром» ($20 \cdot 5 = 100$), а при платеже «московскими денгами ходячими» пять гривен было в полтине. Сложность вопроса о московском рубле, вообще говоря, заключается в том, что до сих пор приходится только гадать, какой слиток — целый или половинный — лег в основу этого рубля и когда этот слиток перестал быть рублем, выйдя из денежной системы Москвы.

В жалованной грамоте Василия Темного игумену Вассиану на освобождение крестьян Троице-Сергиева монастыря от суда наместников и волостелей галичских, относимой к 1455—1462 гг.¹, говорится следующее: «... А дают моему наместнику или волостелю и с тиоуном на год два корма: на Рождество ... с двух плуг полот мяса, мех овса, воз сена, десятеро хлебов, а нелюб полот, ино десят денег или два алтына, а нелюб мех овса, ино алтын, а нелюб воз сена, ино алтын, а нелюбы хлеба, ино по дензе за ковригу... А на Петров день дают: баран да десятеро хлебов, а нелюб баран, ино десять денег, а нелюбы хлеба, ино по дензе за ковригу»².

Оценка полоти в «десят денег или два алтына» не может рассматриваться как выражение равенства 10 денег = 2 алтынам (откуда один алтын был бы равен пяти денгам), так же как нет равенства между наместником и волостелем, соединенными в тексте словом «или», которому в документе и вообще в языке XV в. присущ различающий, а не уравнивающий смысл, какой иногда получает «или» в современном языке³. Здесь же имеется в виду допускавшееся колебание от десяти денег до двух алтынов и по существу даже содержится скрытое подтверждение равенства 12 денег = 2 алтынам (6 денег = 1 алтыну).

В другой грамоте того же времени и совершенно аналогичного содержания, но касающейся радонежских волостелей, колебание оценки устранено и полоть оценена просто в два алтына, тогда как баран, оценка которого в десять денег у автора первого текста не вызывала сомнений, оценивается по-прежнему: «А нелюб полоть, ино два алтына, а нелюб мех овса, ино алтын, а нелюб воз сена, ино алтын, а нелюбы хлеба, ино за ковригу по дензе... а нелюб баран, ино десят денег»⁴.

Приведенный документ никак уже не может иметь в виду трехденежный алтын, потому что в таком случае расхождение в оценке полоти было бы 6—10 денег, что представляется вовсе невероятным.

Для установления отношения алтына к денге В. К. Трутовский обратился к цитированному выше договору 1381—1382 гг., из которого привел лишь следующие слова: «... А пошлины с семьи шесть денег, а с пешеходов 2 алтына... мыт с воза по дензе». «Не может быть никакого сомнения, — пишет В. К. Трутовский, — в том, что пошлина с семьи всегда должна быть гораздо больше, чем с одиночки, т. е. пешехода, а поэтому здесь два алтына выходят стоимостью менее 6 денег, иначе говоря, алтын здесь меньше 3 денег, во всяком случае»⁵.

Дальнейшие рассуждения и сравнения с другими текстами, которые позволили В. К. Трутовскому установить равенство 1 алтын = 1½ денгам, уже не представляют существенного интереса, так как сам цитированный документ начисто отбрасывает все построение. После слов «а пошлины с семьи шесть денег, а с пешеходов 2 алтына» В. К. Трутовский пропускает слова «а с одного не имати», после слов «с воза по дензе» он точно так же пропустил «а с пешехода мыта нет». Отсюда следует, что множественное число пешеходы относится к каким-то группам людей, но никак не к «одиночке». Напомним, что в цитированной выше грамоте 1402 г. тоже с «пешеходца мыта нет»⁶.

¹ По первому году игуменства Вассиана Рыло и последнему году правления Василия.

² АЮБ. I. № 31, XIII.

³ См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893. стр. 1089, 1090.

⁴ АИ, I, № 58.

⁵ В. К. Трутовский. Указ. соч., стр. 133.

⁶ Судя по Уставной грамоте 1391 г., «пешеходцы», в отличие от «больших людей», не имеют лошадей. «Большим» поручаются работы с применением гужевого транспорта и тягловой силы, а «пешеходам» — молотьба, хлебопечение, переработка льна и другие работы. См. ААЭ, I, № 11.

Можно указать попутно, что, по В. К. Трутовскому, при равенстве 1 алтын = $1\frac{1}{2}$ денгам следовало бы ожидать, что вместо «шесть денег» сказали бы «четыре алтына», точно так же, как в Уставной грамоте 1392 г. («сборного митрополиту... шесть алтын, а заезда три денги») заезд проще было бы оценить в два алтына.

Отвергая предложенное В. К. Трутовским соотношение древнейшего алтына и денги как несостоятельное, следует указать, что выражение «шесть денег» рядом со счетом на алтыны как будто, действительно, дает основание взять под сомнение равенство 1 алтын = 6 денгам. Однако подобный разнотип встречается и в позднейших документах, а здесь к тому же могло быть неуверенное употребление новых терминов, вполне понятное при ломке платежно-денежных понятий, происшедшей во 2-й половине XIV в. Во всяком случае сколько-нибудь веских оснований для отрицания начального равенства 1 алтын = 6 денгам не было, а корневое слово «алты» говорит само за себя.

Не касаясь здесь непосредственно вопроса о первоначальном количестве денег в московском рубле, нельзя не обратиться к кажущейся столь очевидной несоподчиненности алтынного счета с рублевым (двухсотденежным). Действительно, алтын представляется чужеродным явлением в системе рублевого счета, несущей в себе зародыш русской десятичной монетной системы; он даже не содержится в рубле целое число раз. Но то, что три рубля составляют ровно сто алтынов (33 алтына 2 денги $\times 3 = 100$ алтынов), очень трудно признать случайностью, и, главное, если учесть особую роль трети в древнерусском учении о дробях¹. В этой связи интересен выбор монетной стопы во время реформы 1534 г., поскольку гривенка серебра была приравнена к трем рублям и тем самым к 100 алтынам.

В. Л. Янин предлагает новое, основанное на метрологических исследованиях толкование первоначального значения алтына как счетного понятия, общего для денежных систем нескольких княжеств, несмотря на весовые различия их денег, так как в каждом из княжеств он имел свою, особую «емкость» по отношению к местной денге. Эта очень интересная постановка вопроса сразу же определяет ряд новых задач. Возникает необходимость обращения в этом аспекте к документам и, в частности, снова к межкняжеским договорам; особенную же важность приобретает вопрос о стопе первоначального московского рубля. Отсутствие каких-либо прямых данных об удвоении «емкости» московского алтына в 1-й половине XIV в. (хотя бы обычных в таком случае упоминаний об «старом» и «новом») подсказывает догадку о том, что «переводной коэффициент» для рязанской, московской и тверской денег с самого начала был удвоенным, т. е. не $2 = 3 = 4$, а $4 = 6 = 8$. При таком условии алтын, никогда не существовавший в виде монеты, имел бы с самого начала только счетный, арифметический характер, а для Москвы был бы всегда шестиденежным.

В начале XVIII в. введение десятичной монетной системы создало условия для распространения в России десятичного денежного счета и для отказа от счета на денгу и алтын. По словам В. Н. Татищева, Петр I прямо запретил употреблять в счете алтын². Указание В. Н. Татищева может быть сопоставлено с не дошедшим до нас окончательным решением Петра I по предложениям берг-коллегии, изложенным в именном указе от 28 февраля 1721 г.³: «Не худо б было алтынники (т. е. монеты — ал-

¹ И. Г. Спасский. Происхождение и история русских счетов. Историко-математические исследования, вып. V. М., 1952, стр. 321 и сл.

² В. Н. Татищев. Лексикон российский исторический и т. д. СПб., 1793, стр. 36.

³ ПСЗ, изд. 1830 г., т. VI, № 3748.

тыны. — И. С.) отставить», причем указывалось, что при этом «и в счетах облегчение будет». В допетровском денежном счете алтын был тем элементом, который упорно мешал издавна присущему русской денежной системе десятичному принципу.

В народном обиходе счет на алтын очень долго сохранялся после того, как от него отказалось государство, но постепенно приобретал все более ограниченное применение в «малом» счете. В этой роли он отмечается толковыми словарями XIX в. Алтын запечатлен в ряде пословиц и поговорок: «Алтынного вора вешают, полтинного чествуют», «Не того рубля алтын», «По-латыни два алтына, а по-русски шесть копеек» и т. д.

Следует еще отметить, что вызванная денежной реформой 40-х годов XIX в. (реформа Канкрин) ломка народного денежного счета затронула и алтын. В связи с выкупом дореформенной медной монеты по курсу $3\frac{1}{2}$ к 1 народ перенес на новые монеты привычные старые названия — на основе точного или даже приблизительного пересчета. Так, например, новая двухкопеечная монета стала семишником, семиткой, трехкопеечная — гривной, старое название двухкопеечной монеты — грош — перенесли на новую полукопеечную, а копейка в ряде местностей стала на время алтыном.

В чисто пережиточной форме счет на алтын сохраняется в ныне отмирающем народном названии монеты СССР достоинством в 15 копеек — «пятиалтынный»¹.

В справочной литературе обычно указывается, что чеканка алтынов началась в 1704 г. Это не совсем верно: как монета алтын известен с конца XVI в. Только В. К. Трутовский доказывал, что алтын, почти не отличавшийся от денги по весу, чеканился в XIV и XV вв., вплоть до времени Василия Темного, как некая крайне необходимая промежуточная величина между русской и татарской денгой. Однако указать хотя бы один такой алтын среди дошедших до нас монет XIV и XV вв. В. К. Трутовский, вполне понятно, не мог и не пытался. Первые чрезвычайно редкие экземпляры серебряного алтына (например, алтын царя Федора Ивановича, хранящийся в Эрмитаже) чеканились обычными штемпелями копейки на плющеной проволоке, но с тройным весом копейки. По всей вероятности, они, как, впрочем, и более поздние проволочные алтыны XVII в., предназначались только для дарственных целей, а не для обращения, — сохранившиеся экземпляры, как правило, позолочены и проколоты. Как известно, ранние русские наградные медали XVII в. (за Крымский поход) и начала XVIII в. чеканились тоже применительно к весу монет.

Во время реформы Алексея Михайловича в 1654 г. производилась чеканка круглых медных «обрезных» алтынников². Описание выпущенных в обращение алтынов 1654 г. приведено в указе 1657 г.: «На медных алтынниках... человек на коне, да подпись «алтынник»³. Однако ни один из них не дошел до нас, тогда как очень редкие медные полтины все же известны.

После возвращения в 1663 г. к чеканке серебряной копейки выпуск проволочных серебряных монет с тройным весом копейки участился. Последние по времени проволочные алтыны, чеканенные копеечными штемпелями и, следовательно, не имевшие обозначения достоинства, выпущены при Петре I. Кроме описанных в издании вел. кн. Георгия Михайло-

¹ Совсем недавно автору пришлось быть свидетелем странного спора между кондуктором, который требовал пятиалтынный, и пассажиром, соглашавшимся доплатить только 15 копеек.

² См. К. В. Базилович. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, стр. 9, 10.

³ ПСЗ, изд. 1830 г., т. I, № 40, 8 апреля 1657 г.

вича алтынов со знаком $\bar{M}$ и со славянскими датами с 1697 г. по 1700 г. (последние как с датой СН, т. е. 208 = 1700, так и с датой $\bar{d}\bar{\psi}$ = 1700)¹, в Государственном Эрмитаже хранятся экземпляры 1706 г. ($\bar{d}\bar{\psi}S$) и 1716 г. ($\bar{d}\bar{\psi}SI$).

В новой серии петровских монет круглый алтын из серебра с обозначением достоинства, действительно, чеканен впервые в 1704 г. Но неверно распространенное мнение о том, что чеканка алтынов прекратилась при Петре I. В 1726 г., по инициативе А. Д. Меншикова, захватившего в свои руки денежное дело, был начат выпуск новой серебряной монеты всех видов, в том числе и алтынов, из низкопробного сплава — «композиции», изобретенной П. Н. Крекшиным², но в том же году чеканку алтынов прекратили еще прежде, чем потерпела крах вся нечистоплотная затея с «композицией»³. Позже все выпущенные низкопробные монеты отчасти выменивались, а отчасти были просто «откликаны», так как признавались не имеющими законной силы в обращении и не подлежащими приему в казну — наравне с фальшивыми. «Композиция» Крекшина была очень нестойким сплавом, который разрушался чуть ли не на глазах, превращаясь в жидкость и порошок.

В заключение следует остановиться на неосновательном утверждении А. Нечаева о том, что «алтыном называлась также известная часть старинной русской поземельной меры сохи»⁴. Это недоразумение зиждется на том, что в доцифирный период русской арифметики для действий с третьими и четвертными дробными величинами прибегали к условному приравнению их к тем или иным более или менее крупным денежным суммам по определенному эквиваленту целой величины, чтобы фактически вести счет целых чисел и по окончании исчисления выразить конечный результат снова в «дробях». В частности, для действий с дробными частями сохи целая соха условно приравнивалась к различным количествам алтынов — к 8, 20 и т. д.⁵ Именно в этом плане в «Книге сошному письму» алтын и упоминается в связи с различными частями сохи. Само по себе существование местных норм денежного выражения сохи в различном количестве алтынов придает документам сошного письма очень большое значение для изысканий в указанном В. Л. Яниным направлении.

---

¹ Монеты царствования императора Петра I, т. II. СПб., 1914.

² ПСЗ, изд. 1830 г., т. VII, № 4890, 25 мая 1726 г.

³ ПСЗ, изд. 1830 г., т. VII, № 4909, 15 июня 1726 г.

⁴ А. Нечаев. Алтын, алтынник. Материалы для нумизматического словаря. ТМНО, т. I, стр. 242, 243.

⁵ И. Г. Спасский. Указ. соч., стр. 328 и сл.

В. Л. ЯНИН

АЛТЫН И ЕГО МЕСТО В РУССКИХ ДЕНЕЖНЫХ СИСТЕМАХ XIV—XV вв.

Во 2-й половине XIV в. в русском денежном обращении произошел важнейший перелом. Русские княжества, окрепшие в процессе борьбы с татарами, впервые приступили к систематической массовой чеканке серебряной монеты. Началу чеканки предшествовал длительный, 250-летний период безмонетного обращения, в течение которого на Руси ходили только серебряные слитки, выполнявшие при обмене роль крупных номиналов систем, и пока еще плохо уловимые заменители мелких монет — различные виды товаров, выполнявших временные функции денег. Эти товаро-деньги объединялись собирательным наименованием «куны».

В условиях феодальной экономической раздробленности, при существовании областных денежных систем, «куны» не были едины для всей русской территории. Можно предполагать, что на политических окраинах Руси в XIV в. этот термин прилагался к иноземной монете (пражские гроши, джучидские дирхемы). Однако в Низовских землях первые монеты русских князей XIV в. пришли непосредственно на смену товаро-деньгам, вопреки распространенному мнению о том, что в течение какого-то периода на всей русской территории предшествовали монеты татарской чеканки¹. Как показывает топографическое размещение находок золотоордынских монет, джучидский дирхем в глубину русских земель не проникал, за исключением только Рязанской земли и территории Верховских княжеств, где клады джучидских монет не составляют редкости.

Оригинальная русская монета XIV в. возникает в сопровождении принципиально новой терминологии. На смену традиционным денежным терминам — куна, резана, векша, ногата — приходят новые термины — денга, алтын. Появление монеты и одновременное изменение денежной терминологии свидетельствует как будто о коренном изменении структуры русских денежных систем, о возникновении системы, основанной на каких-то новых принципах, в корне отличной от существовавшей до этого.

Новые явления в русских денежных системах неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, и к настоящему времени в нашей истори-

¹ И. И. Кауфман. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени. ЗНО РАО, т. I, вып. 1, СПб., 1906, стр. 128 и сл.; А. К. Марков. Русская нумизматика. СПб., 1905, стр. 21; его же. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 517—520; С. И. Чижев. Дроздовский клад русских денег. Пб., 1922, стр. 10; Л. В. Черепнин. Русская метрология. М., 1944, стр. 47; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. Госполитиздат, 1947, стр. 212.

ческой литературе можно различать две основные точки зрения по этому вопросу.

Выразителем одной из них был И. И. Кауфман, положивший в основу своих построений языковую разницу в терминологии. Древняя терминология русского денежного обращения, насчитывавшая к началу собственной чеканки не менее 500 лет существования, была, несомненно, русской по своему происхождению; новые термины — денга, алтын — свидетельствуют о татарском влиянии. Эту языковую разницу И. И. Кауфман рассматривал как свидетельство татарского влияния прежде всего на нормы русской монетной чеканки XIV в. «Когда приступили к чеканке русской монеты, — писал он, — то решено было из двух татарских денег чеканить три русские»¹. Основанием для такого вывода послужило видимое равенство веса двух джучидских монет Токтамыша трем московским, выпущенным Дмитрием Донским.

Татарское происхождение русской системы монетной чеканки не вызвало сомнений также у А. К. Маркова² и у С. И. Чижова³. Последний, однако, признавал этот вопрос далеким от окончательного разрешения.

Согласно концепции И. И. Кауфмана, русские системы XIV в. возникли, таким образом, вне связи с предшествующим развитием русских денежно-весовых систем. Его не смутило при этом, что восточные термины, примененные к единицам русского денежного обращения, не были следствием простого перенесения в Русь татарской денежной терминологии. Среди золотоордынских номиналов нет алтына, термин же «денга» встречается лишь на медных монетах, где он, повидимому, равнозначен термину «пул», служившему для обозначения самой мелкой единицы денежного обращения⁴. Вопрос о перенесении терминов далеко не так прост, как он казался И. И. Кауфману, упорно называвшему джучидский дирхем «татарской деньгой». Поскольку новые понятия русского денежного обращения были своеобразны и не совпадали с понятиями денежного обращения Золотой Орды, решение, предложенное И. И. Кауфманом, не кажется нам удовлетворительным. Настаивая на джучидском происхождении норм русской монетной чеканки, следовало бы подвергнуть анализу не только внешнюю пропорциональность денежных норм, которая сама по себе не может быть случайной, но и их различие, попытаться выяснить, почему русские нормы оказались отличными от золотоордынских.

Система джучидской чеканки до сих пор представляет собой обширную неисследованную область. Поэтому можно только удивляться той легкости, с которой распространилась в литературе уверенность в заимствовании русскими «татарской денежной системы».

Вторая концепция происхождения русских денежных систем XIV в. исходит из целого ряда признаков, указывающих на связь новых систем чеканки с древними русскими системами денежного обращения.

Среди таких признаков прежде всего следует назвать сохранение древнейшего русского денежного термина — г р и в н а. В новых системах гривна не является уже крупной единицей; она занимает подчиненное по отношению к рублю положение. И это находится в полном соответствии с особенностями исторической эволюции гривны; результатом этой эволюции было вырождение гривны в «гривенник».

Другим важным признаком связи новых систем со старыми можно считать то, что рубль — этот постоянный элемент русской монетной чеканки

¹ И. И. Кауфман. Указ. соч., стр. 129.

² А. К. Марков. Русская нумизматика; е г о ж е. Инвентарный каталог...

³ С. И. Чижев. Указ. соч., стр. 9 и сл.

⁴ См., например, Х. М. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева. СПб., 1832, № 45, 69; С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. МИА, № 42, 1954, стр. 434, № 35.

на всем протяжении ее существования — возник еще в обращении безмонетного периода. Если появление алтына и денги фиксируют памятники лишь 70 и 80-х годов XIV в., то рубль впервые упоминается в источниках еще во 2-й половине XIII в.¹

Наконец, важнейшее указание на связь новых систем со старыми можно усматривать в хорошо известном факте повсеместного распространения однородных в весовом отношении денежных слитков. Эти слитки, восходящие к XI—XII вв., доживают до XIV—XV вв. В конце своего бытования они сосуществуют с денгой и даже клеймятся штемпелями денег. Существование этих живых наследников денежных систем безмонетного периода одновременно с обращением ранней русской монеты, однако, не порождает двойного денежного счета и не вызывает каких-либо противоречий.

Концепция обязательной преемственности новых норм монетной чеканки XIV в. от старых русских норм безмонетного периода, таким образом, имеет существенную метрологическую основу. Однако и эта концепция, старейшая в нашей литературе², не обоснована окончательно. Самое слабое ее место — это вопрос о характере новой терминологии. Если чеканка началась исключительно на основе старых традиционных русских норм, то почему же все-таки новые номиналы приобрели иноязычные наименования?

Вопрос о месте алтына в русских монетных системах, вновь поднятый И. Г. Спасским, имеет для решения этой проблемы немаловажное значение. Наряду с денгой алтын был представителем нового в системах русской монетной чеканки. Соотношение этой единицы с другими единицами русских систем может оказаться закономерно обоснованным соотношением денежных единиц в русских системах предшествующего периода, и тогда преемственность систем чеканки от старых русских систем будет более обоснованной. Однако это соотношение может оказаться и совершенно новым; в таком случае необходимо будет искать дополнительных влияний.

Позднейшие документы изображают алтын как вполне определенное обобщение известной суммы денег. Поэтому вряд ли возникновение алтына можно рассматривать отдельно от возникновения денги. Как счетная величина алтын меняет свое абсолютное значение вместе с денгой, постоянно оставаясь равным традиционному количеству денег³. Вопрос о происхождении алтына, таким образом, связан с вопросом о его первоначальном виде. И. Г. Спасский, основываясь на наблюдениях над традиционным постоянством равенства алтына шести московским денгам, приходит к предположению о том, что это равенство было исконным, присущим алтыну уже в самый момент его возникновения и вполне соответствующим прямому смыслу термина «алтын», в основе которого лежит слово «шесть». Известное подтверждение этому И. Г. Спасский усматривает в традиционности русского счета на шесть, в частности, в структуре русской домонгольской куны, равнявшейся шести веверицам.

Это предположение, не будучи в достаточной степени развитым, более всего нуждается в проверке. Существует ли, действительно, связь между старыми шестью веверицами и алтыном, или алтын возникает как безу-

¹ Самое раннее упоминание рубля содержится в берестяной грамоте № 65, обнаруженной в Новгороде при раскопках 1952 г. См. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, стр. 65 и сл.

² М. Заблоцкий. О ценностях древней Руси. СПб., 1854, стр. 39 и сл.; Н. И. Булычев. Заметка о клейменных слитках. ИАК, вып. 18, 1906, стр. 158. В более раннее время выразителями этой концепции были В. Н. Татищев и И. Н. Болтин.

³ См. свидетельство Никоновской летописи о ценах в Нижнем Новгороде в 1412 г., приведенное выше в статье И. Г. Спасского.

словно новая величина системы? Равны ли шесть ранних московских денег какой-либо старой русской денежной единице, или в основу этого равенства легло лишь само существование в древней Руси счета на шесть? Для того чтобы попытаться ответить на эти вопросы, нам следует прежде всего остановиться на вопросе о месте денги в московской системе и на проблеме ее связи со старыми единицами безмонетного периода.

К началу безмонетного периода в XII в. денежное обращение Низовских земель обслуживалось общерусским слитком серебра, так называемой гривной серебра весом около 204 г. Система этого слитка, как ее рисуют нам письменные памятники XII—XIII вв., выглядела следующим образом: гривна серебра (204 г) = 4 гривнам кун (по 51,19 г); гривна кун = 20 ногатам (по 2,56 г) = 50 кунам или резанам (по 1,02 г) = 150 веверицам (по 0,34 г)¹.

Роль всех единиц, за исключением гривны серебра, выполняли товаро-деньги. Поэтому обозначения веса при этих единицах являются исключительно обозначениями стоимости единиц в серебре.

Возникновение в XIII в. рубля не внесло изменений в структуру низовской системы. Как это уже отметил Г. Б. Федоров, параллельные тексты низовских и новгородских летописей позволяют ставить знак равенства между рублем и гривной серебра².

Существенные изменения в низовской системе были вызваны впервые не в результате появления рубля, а в силу иных причин. Автором настоящей статьи в свое время было высказано предположение о том, что роль мелких единиц денежной системы в безмонетный период выполнялась такими широко распространенными в древней Руси предметами ремесленного производства, как шиферные пряслица, некоторые виды бус, стеклянные браслеты и т. п.³ Если это так, то в структуре русской денежной системы в XIII в. должны были произойти изменения, связанные с прекращением производства большинства таких предметов в результате монгольского нашествия. Состав товаро-денег должен был измениться, и новые единицы встать в новые структурные соотношения с оставшейся неизменной гривной серебра или рублем. Действительно, мы наблюдаем падение ценности гривны кун в Новгороде, где гривна серебра приравнивается теперь уже не к 4, а к 7¹/₂ гривнам кун⁴. Подобные изменения произошли и в Низовских землях, где мы знаем позднейшее равенство рубля 10 гривнам. Во времена монетной чеканки это равенство уже существовало.

Результаты падения стоимости гривны кун в Низовских землях можно теоретически рассматривать двояко. Превратившись в десятую часть рубля, гривна должна была приравняться 20,4 г серебра. Это изменение могло повлечь за собой согласное изменение всех остальных мелких единиц системы, т. е. ногата должна была приравняться к 1,02 г, куна или резана — к 0,40 г, а веверица — к 0,13 г; оно, однако, могло и не вызвать изменения резаны, в рубле могло остаться, как и раньше, 200 резан, но на гривну тогда пришлось бы уже только 20 резан. Как двадцатая часть гривны резана или куна в таком случае слилась бы с ногатой.

¹ Расчеты соотношения денежных единиц домонгольского периода производились на основании письменных источников. Автором настоящей статьи они проверены и подтверждены массовым взвешиванием иноземных монет, обращавшихся в Восточной Европе IX—X вв., а также взвешиванием слитков безмонетного периода. Краткие результаты этой работы см. в автореферате автора «Денежно-весовые системы домонгольской Руси. М., 1954 (МГУ)», подробное исследование — в печатающейся работе «Денежно-весовые системы русского средневековья».

² Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I. МИА. № 12 1949, стр. 151.

³ В. Л. Янин. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в древней Руси. «Вопросы истории», 1955 № 8, стр. 141.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, стр. 498.

Выяснению пути эволюции мелких единиц системы в значительной степени способствует сделанное И. Г. Спасским наблюдение над терминологией междукняжеских договоров 70 и 80-х годов XIV в.¹ И. Г. Спасский отмечает, что резаной в договоре 1375 г. выражен платеж, который в близких по времени документах определяется денгой. Принимая во внимание обычный вес денги 2-й половины XIV в. равным приблизительно 0,9 г, мы не можем настаивать на падении ценности резаны до 0,4 г серебра. Более правильным поэтому является признание 200-резанного московского рубля.

Попробуем теперь подойти к вопросу о московской резане с другой стороны. Большинство исследователей в настоящее время московским рублем конца XIV—начала XV в. признает так называемый «слиток половинного веса» — около 90 г. Сравнение веса этого слитка с весом современных ему московских денег всегда вело к признанию московского рубля 100-денежным. Превращение его в 200-денежный относят обычно ко времени Василия Темного, понизившего вес московской денги вдвое. Между тем никто еще не доказал документально соответствия половинного слитка рублю. Напротив, существуют основания для того, чтобы считать его равным не рублю, а полтине. В частности, письменные источники иногда упоминают о денежных слитках «в полтину»². Между тем каких-либо слитков, меньших по весу, чем слиток половинного веса, нумизматика не знает. Поэтому мы можем связывать полтину только со слитком половинного веса. Это значит, что рубль нужно признать равным 10 гривнам или двум половинным слиткам. Рубль в таком случае приравняется к 200 денгам, а гривна — к 20 денгам.

Раннее равенство низовской гривны 20 денгам можно проследить и на структуре тверской монетной системы. Тверская монетная норма (0,57 г) кажется очень своеобразной и не похожей на нормы денег сопредельных с Тверью областей. Выясняя ее взаимоотношение с крупными единицами денежного обращения этих областей, мы обнаруживаем, что тверская норма находится в чрезвычайно рациональной связи с весом позднего новгородского 15-гривенного рубля в 171,1 г. В таком рубле укладывается ровно 300 тверских денег, а в такой гривне — ровно 20 тверских денег. Если тверичами и были заимствованы некоторые элементы новгородской системы, то соотношение гривны и денги здесь остается местным, низовским, таким же, как в Москве.

Структура монетного рубля в Низовских землях очень близка структуре домонетного рубля: в первом содержится 200 денег, в последнем — 200 резан. В монетной гривне содержится 20 денег, в домонетной гривне — 20 резан.

Переходя к весовой норме денги, мы обнаружим не простое сходство, а полное ее тождество с нормой резаны. В литературе принято рассматривать первоначальную норму московской денги Дмитрия Донского равной 0,92—0,94 г. Такой вес имеют денги Дмитрия, несущие его имя, в атрибуции которых нет каких-либо сомнений. Однако существует значительная группа монет, относимых в разряд неопределенных, но по фактуре и типу чрезвычайно сходных с московскими монетами Дмитрия. К числу таких монет относятся тип с двумя головками, обращенными друг к другу затылками³, великокняжеские монеты с изображением человека с секирой, представляющие самую детальную аналогию хорошо известным

¹ См. статью И. Г. Спасского в настоящем выпуске.

² См. И. И. Толстой. Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884, стр. 14; ПСРЛ, IV, стр. 342; Софийский Временник, II, стр. 358.

³ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, № 907, 908.

монетам Дмитрия Донского, уже несущим имя великого князя¹, и целый ряд других типов, представленных в собраниях большим количеством вариантов и экземпляров. Все они имеют постоянный вес — 1,02 г, проверенный по многим экземплярам. Датируемые именем монеты Дмитрия имеют вес, близкий 0,92 г², и это свидетельствует об изменении стопы уже в княжение Дмитрия. Более тяжелые монеты (1,02 г) во многих случаях несут на себе имя Токтамышша, т. е. чеканились еще в 80-х годах XIV в. Поэтому изменение стопы можно датировать самым концом княжения Дмитрия.

Все эти материалы позволяют рассматривать денгу как результат внутреннего развития низовской системы. Чеканка московской денги основывается на норме старой резаны. Денежная система после начала чеканки монеты сохраняет свои старые структурные особенности.

Вернемся теперь к алтыну.

Признав предложенное И. Г. Спасским исконное равенство алтына шести московским денгам, мы должны будем тем самым признать и равенство алтына шести резанам. Единица, равная шести резанам, в системе домонетного периода отсутствует. Если алтын возник как обобщение шести московских денег, то его возникновение не вытекает из закономерностей внутреннего развития московской денежной системы.

Попробуем проверить предположение о равенстве раннего алтына шести веверицам. По старому денежному счету шесть вевериц равны двум резанам, а по новому — двум денгам. Приравняв первоначальный алтын к двум денгам, мы вряд ли сможем объяснить его дальнейшую эволюцию к шести московским денгам.

Таким образом, мы не обнаруживаем в закономерностях внутреннего развития московской денежной системы каких-либо условий возникновения алтына. Точно так же, устанавливая тождество резаны с денгой, мы не смогли указать причин смены названия денежной единицы. Ведь по существу, начиная чеканку денги в 1,02 г, москвичи имели целый ряд русских наименований для этого количества серебра. Они могли назвать ее резаной, куней, ногатой и даже долгеей, так как все эти термины к XIV в. стали синонимами.

Вопрос о происхождении денги и алтына следует решать на более широком фоне русского денежного обращения XIV в. Монетная чеканка в XIV и XV вв. начинается в разных княжествах и городах на различных основах. Можно говорить о самых существенных различиях в нормах чеканки рязанских, московских и тверских денег. Общерусская денга образовалась в XV в. в итоге длительного процесса экономического и политического развития Руси, результаты которого лишь отчасти проявляются в истории денежных систем. Однако, когда исследователи-нумизматы касаются этого процесса, они, как правило, подходят к нему несколько односторонне. На наш взгляд, в нумизматической литературе всегда недооценивались те элементы русских областных систем, которые облегчали унификацию этих систем и способствовали сравнительно легкому вызреванию единой денежной системы национального государства.

Дело в том, что русские областные денежные системы XIV в., при всем их отличии друг от друга, были родственными. Подобно тому как возникновение Русского национального государства было объединением областей, родственных этнически и в отношении их исторических судеб, так и унификация русской национальной денежной системы осуществилась в процессе взаимодействия родственных по своему происхождению областных систем. Денежное обращение тех русских областей, где впоследствии

¹ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, № 902—904.

² С. И. Чижев. Указ. соч., стр. 8 и сл.

началась самостоятельная монетная чеканка, еще во 2-й половине XIV в. обслуживалось единым по своему весу денежным слитком в 204 г (или восходящим к нему слитком половинного веса). Такой слиток в Москве мог стать рублем, в Новгороде — полтиной, но везде он в последнем периоде своего существования должен был стать обобщением определенного количества местных денег.

Поскольку и системы денежного счета всех этих областей, как мы можем судить по повсеместному сохранению старой русской денежной терминологии вплоть до начала монетной чеканки, восходили к единому источнику — системе денежного счета XII в., мы вправе искать взаимосвязи русских монетных систем и русских монетных норм на всем протяжении областной чеканки.

Более того. Слиток весом в 204 г с момента своего появления и вплоть до XV в. обслуживал денежное обращение и Поволжья, где во времена золотоордынской чеканки появился даже особый местный вид такого слитка — так называемый ладьевидный слиток, сосуществовавший с дирхемом Джучидов и, нужно думать, входивший с ним в одну систему. Этот слиток более древний, нежели монеты джучидской чеканки, которая началась в Болгаре во 2-й половине XIII в. Можно предполагать, что джучидская чеканка Поволжья возникла на основе древних поволжских норм, родственных русским нормам так же, как джучидская чеканка Хорезма исходила из старых местных норм. Кто знает, — возможно, дальнейшие исследования установят близкое родство русских и золотоордынской систем, происхождение их от общего предка, и проблема заимствования русскими джучидских норм будет казаться странной и парадоксальной. Во всяком случае, уже сейчас, касаясь отмеченной выше явной пропорциональности веса московской и татарской монет, мы не должны забывать и о полном весовом тождестве русского и поволжского слитка на всем протяжении XII—XIV вв.

Генетическая близость между собой русских областных систем должна была как-то проявляться и в эпоху монетной чеканки XIV—XV вв.; в их истории можно отметить ряд согласованных изменений.

Наиболее интересной и убедительной кажется целая цепь монетных нововведений 1410 г. Исследователи единогласно признают, что около этого года в Москве осуществилась важная реформа снижения веса московской денги¹. Если мы заинтересуемся судьбой других русских систем около того же 1410 г., то сможем сделать весьма интересное наблюдение. В 1409 или 1410 г. происходят отказ от кун и переход к употреблению пенязей во Пскове. В 1410 г. в Новгороде отказываются от кун и также переходят к использованию в обращении иноземной монеты. Под 1412 г. Никоновская летопись упоминает «старые денги» в Нижнем Новгороде. Согласованные изменения монетного веса наблюдаются в это время и в чеканке московских уделов.

Очень трудно поверить, что все эти изменения происходили одновременно в результате лишь случайного стечения обстоятельств, без взаимосвязи. В поисках этой взаимосвязи обратимся к сравнению норм монетной чеканки разных русских областей.

Начнем с рязанской монетной нормы. Монетное обращение на территории великого княжества Рязанского начинается с использования больших масс джучидских дирхемов (Узбека и Джанибека), весовая норма которых заключена в пределах 1,50—1,55 г². Обращение этих монет осуществляется до начала самостоятельной русской чеканки и до возникно-

¹ С. И. Чижев. Указ. соч., стр. 5; Г. Б. Федоров. Указ. соч.

² Н. И. Булычев. Тамбовский клад рязанских денег. ИАК, вып. 11, 1904, стр. 4.

вения новой терминологии, т. е. обслуживается старыми русскими денежными терминами. Новая терминология, впервые зафиксированная в памятнике 70-х годов XIV в., застаёт в Рязани обращение монет Абдуллаха с меньшей весовой нормой, близкой 1,35—1,42 г. Эту норму в 80-х годах XIV в. сохраняют многочисленные дирхемы Токтамыша¹; по ней же начинается в 80-х годах XIV в. чеканка собственной рязанской монеты, подражающей типу джучидских и снабженной различными надчеканками (в том числе и надчеканкой рязанской тамги)². При современном состоянии изученности рязанских монет очень трудно судить о том, когда эта норма была сменена новой, еще меньшей, близкой 1,10—1,19 г. Такой вес имеет довольно большая группа анонимных монет рязанских князей. А. А. Ильин датирует эту группу временем Федора Ольговича (1402—1427 гг.)³, однако вряд ли изменение стопы следует связывать с изменением княжения. Смена норм, несомненно, произошла при Федоре, но не в первые годы его княжения.

Московская чеканка, как уже сказано выше, начинается с использования старой нормы резаны в 1,02 г. Уже в 80-х годах XIV в. норма московской денги изменяется и, приравнявшись к 0,90—0,94 г, сохраняется до конца княжения Дмитрия и при Василии I вплоть до 1410 г., когда вес денег уменьшается до 0,70—0,79 г. Новгородская и тверская чеканки начались в самом конце княжения Василия Дмитриевича. Нормой новгородской монеты было 0,79 г, тверской — 0,57 г⁴.

Сопоставляя весовые нормы, мы можем свести их в следующую синхронную таблицу:

Годы	Вес монет, в граммах			
	Рязань	Москва	Тверь	Новгород
1350—1360-е	1,50—1,55	Резана — 1,02	—	—
1370—1380-е	1,35—1,42	1,02	—	—
1380—1410-е	1,35—1,42	0,81—0,94	—	—
1410—1420-е	1,10—1,19	0,70—0,79	0,57	0,79

Нормы нижегородской чеканки здесь не учтены, так как нижегородские монеты в их весовой эволюции еще не изучены.

Сравнение синхронных норм монетной чеканки различных княжеств показывает, что они находятся в весьма рациональной и закономерной взаимосвязи.

Обращавшийся в Рязани в начале 2-й половины XIV в. джучидский дирхем при его удвоении приравнивается точно к трем московским резанам. Понижение веса дирхема в 70-х годах XIV в. приводит к временной диспропорции московской и рязанской монетных норм, однако эта диспропорция вряд ли была очень ощутимой, так как в рязанском обращении этого периода, несомненно, удерживалось еще большое количество ранних тяжеловесных дирхемов, нередких и в рязанских кладах конца XIV в.

В 80-х годах XIV в. вес московской денги снижается, и три московские денги снова приравниваются к двум рязанским — теперь уже не дирхемам, а денгам.

¹ П. С. Савельев. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие. Записки АО, т. XII, вып. 1. СПб., 1858, стр. 37 и сл.; Н. И. Булычев. Тамбовский клад... стр. 4.

² А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет. Л., 1940, стр. 24.

³ Там же, стр. 24.

⁴ Расчеты произведены по материалам в указанном сочинении А. В. Орешникова.

Снижение веса московской денги около 1410 г. снова сочетается с изменением веса рязанской. Старая пропорция сохраняется: три московские денги остаются равными двум рязанским. Возникающая в последующие годы новгородская чеканка использует норму, равную норме московской денги, тверская же пользуется нормой, пропорциональной норме и Рязани, и Москвы. Три московские или две рязанские денги равны четырем тверским.

Эта рациональная метрологическая взаимосвязь систем сама по себе должна стать предметом пристального изучения. В частности, согласованность изменений, происходивших во всех трех системах, может быть использована для точной датировки этих изменений. Однако в настоящий момент нас больше всего должен привлекать самый факт существования такой денежной единицы, которая являлась как бы общей для всех областных систем, переводной из одной системы в другую. Такой единицей были две рязанские, или три московские, или четыре тверские денги. Равенство этих сумм не могло остаться незамеченным, тем более что оно сохранялось при целом ряде последовательных изменений монетных норм. То, что эта единица равна трем московским денгам, должно нас интересовать более всего.

Рассматривая позднейший алтын национальной системы, мы постоянно обнаруживаем его равенство шести московским денгам или трем денгам «новгородкам». Выше уже были высказаны сомнения в исконности равенства алтына шести московским денгам. Если, действительно, возникновение этого равенства относится к сравнительно позднему времени, то мы можем относить его лишь к периоду денежных реформ Василия Темного, в результате которых вес московской денги был снижен ровно вдвое. Следствием этих реформ было то, что шесть новых московских денег приравнивались к трем московским дореформенным денгам или трем новгородским. В таком случае в нашей переводной единице, равной трем московским денгам, мы можем предполагать алтын.

Касаясь метрологической основы этой единицы, отыскивая связь ее с единицами домонетного периода, следует обратиться прежде всего к рязанской денге. Наблюдения над приведенной выше таблицей позволяют думать, что первоначально изменения в монетной норме рязанского обращения были определяющими. Согласованность изменений, происходивших в московской системе, с изменениями в рязанской наблюдается лишь с 80-х годов XIV в.; при этом Москва несколько отстает от Рязани. Судя по характеру новой терминологии, это определяющее значение рязанской нормы кажется вполне закономерным, так как именно в Рязани новые татароязычные термины находят вещественную основу в татарских же монетах. Можно думать, что оба новых термина ведут свое происхождение из Рязани, где денгой был окрещен джучидский дирхем, а алтыном — два дирхема.

Рассматривая монетные нормы, употреблявшиеся в Рязани, мы можем утверждать, что ранний джучидский дирхем Узбека и Джанибека не соответствовал какой-либо древней традиционной русской денежно-весовой норме. В слитке 204 г укладываются 134 дирхема. Вводя вес такого дирхема в системы русского денежного счета, подставляя его на место различных русских денежных единиц и реконструируя по системе счета остальные единицы, мы не получим величин, которые можно было бы объяснить метрологически. Повидимому, к этой монете, которая не была ни куной, ни резаной, ни ногатой, и был впервые применен новый для русских термин «денга».

По-иному обстоит дело с дирхемом Абдуллаха и Токтамыша. В 204-граммовом слитке содержится ровно 150 таких дирхемов. Столько же резан было в новгородской 204-граммовой гривне серебра в XIV в.

Не имея сейчас возможности проследить устройство рязанской денежной системы в безмонетный период, мы можем, даже основываясь на этой аналогии, предполагать в дирхеме Токтамыша величину, равную рязанской резане. А если это так, то два дирхема, в которых мы предположили алтын, должны приравняться к шести рязанским веверицам. Это равенство объясняет и этимологию термина.

В этой связи не таким уж еретическим кажется предположение В. К. Трутовского о том, что «алтын» является сокращением от «алты тыйн» — шесть белок, поскольку веверицы и белки — это одно и то же.

Алтын, равный двум рязанским денгам, в то же время приравнивается к трем московским, а затем четырем тверским. В отличие от денги, имевшей различные весовые нормы в разных княжествах, алтын, по-видимому, оставался постоянной величиной на всей территории русской монетной чеканки. Обращает на себя внимание тот факт, что с самого начала алтын употреблялся как денежный термин междукняжеских договоров и никогда не сопровождался какими-либо эпитетами, говорящими о территориальных вариантах этой единицы. Нам кажется, что именно благодаря существованию алтына, этой своеобразной переводной единицы областных денежных систем, и происходило согласованное изменение норм монетной чеканки в разных русских княжествах.

В 70-х годах XIV в., когда алтын впервые упоминается в московских источниках, он находится в иррациональном отношении к московской резане. Однако проходит десяток лет, и норма московской чеканки приводится в соответствие с алтыном: три московские денги приравниваются к алтыну. После того как около 1410 г. московская монетная стопа была изменена, меняется также весовое содержание алтына, и это вызывает соответствующие изменения в монетной стопе рязанской чеканки.

Следуя за падением веса денги, вес алтына к началу правления Василия Темного упал с 2,73 до 2,37 г. Ниже алтын уже не падал в XV в., по-видимому, в результате существования стабильной тверской, рязанской и новгородской денги. Изменения же веса московской денги при Василии Темном привели к изменению структуры московского счетного алтына, приравнявшегося с этого времени к шести московским денгам.

М. П. СОТНИКОВА

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ЧЕКАНКИ РУССКИХ МОНЕТ В XV в.

Огромный материал, находящийся в распоряжении нумизматики, чрезвычайно разнообразен. С ним связано множество нерешенных и даже еще не поставленных вопросов; к числу их принадлежит и ряд вопросов истории техники монетного дела, представляющих не только узко нумизматический интерес.

Благодаря своеобразию монетного материала как исторического источника к важным выводам могут привести не обычные, встречающиеся в большой массе экземпляры монет того или иного вида, а экземпляры, более или менее случайные и даже странные.

Изучение технических признаков русских монет XV в. открывает возможность уточнить наше представление о технике монетного дела и, в частности, ответить на вопрос о времени появления маточника — орудия, служащего для изготовления нескольких одинаковых монетных штемпелей¹.

Маточник — железный стержень, на котором вырезывается выпуклое, тождественное одной из сторон будущей монеты изображение (или надпись); стержень после этого закаляется. Выбив на срезах раскаленных штемпельных болванок углубленный зеркальный оттиск рельефа маточника и закалив затем болванки, получают несколько совершенно одинаковых монетных штемпелей².

Таким образом, с появлением маточника достигалось единообразие во много раз большего, чем прежде, количества монет, так как они чеканились сменяющимися друг друга по мере износа совершенно одинаковыми штемпелями, не говоря о возможности одновременной работы нескольких пар таких штемпелей.

Внедрение техники маточника в монетное производство и отказ от ручной резки углубленного штемпеля — крупное явление технического прогресса. Достаточно сказать, что до сих пор маточник является неизменным условием производства монет.

До нас не дошли маточники старше XVIII в.³, а древнейшие упоминания о резке и применении их относятся к середине XVII в.⁴ Поэтому,

¹ И. Г. Спасский. Анализ технических данных в нумизматике. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 69—75.

² И. Г. Спасский. Указ. соч., стр. 71.

³ С. И. Чижев. К истории денежного производства на Руси за царский период. Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916.

⁴ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, стр. 17 и сл.; С. И. Чижев. Указ. соч., стр. 38 и сл.; АИ, IV, № 158; Сборник указов, I, № 348, стр. 510; Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906, стр. 98.

вероятно, появление маточников в монетном деле Руси и относилось исследователями к XVII в.

И. Г. Спасский в работах, посвященных денежному обращению и монетному производству Руси XVI—XVII вв.¹, указывает на применение маточников уже в 1-й половине XVI в., исходя из анализа постепенного разрушения маточников по их однотипным штемпелям и из соображения о физической невозможности отчеканить одиночными штемпелями то огромное количество монет начала царствования Ивана Грозного, которое дошло до нас, не говоря уже о не сохранившихся; но при этом И. Г. Спасский не обратил внимания еще на одну возможность доказательства.

Изучение технических данных монет великого княжества Московского более раннего времени, проведенное на материале из собрания Государственного Эрмитажа, дает возможность твердо установить применение маточников в XV в., в княжение Василия Темного (1425—1462 гг.).

В обработанной А. А. Ильиным коллекции русских монет допетровского времени, которая включила и богатое собрание И. И. Толстого, монетные типы обычно представлены многочисленными тождественными экземплярами, дополняющими друг друга. Внимательное рассмотрение отдельных групп в 4—6—8 одинаковых монет позволяет сделать интересное наблюдение: совпадающими во всех деталях у этих монет часто оказываются только изображения и надписи; фоны же их резко различаются направлениями штрихов, причем совершенно одинаково расположенные штрихи повторяются на нескольких однотипных монетах.

Чем объяснить эти мало заметные, но чрезвычайно характерные различия?

Как видно по фотографиям, штрихи всегда находятся под изображениями и надписями и никогда не заходят на них. Следовательно, они не появлялись на штемпелях вместе с изображениями и надписями при переводе с маточника или позже, а находились на срезе штемпеля до применения маточника. Штрихи эти, очевидно, — отпечатки следов недостаточно тщательной обработки напильником или другим орудием срезов штемпельных болванок перед тем, как на них оттискивалось изображение с маточника. Монеты с совершенно одинаковыми штрихами, несомненно, биты одним штемпелем. Несовпадение штрихов на фонах одинаковых монет (иногда бывают два-три варианта и более) и наличие таких же монет с гладким фоном доказывают, что монеты, до сих пор считавшиеся отчеканенными одним штемпелем, на самом деле принадлежат нескольким тождественным, переведенным с одного маточника.

Судя по собранию Государственного Эрмитажа, монеты со штрихами на фонах сравнительно редки и являются исключениями из подавляющего большинства монет, чеканенных достаточно хорошо заглаженными штемпелями; среди более тысячи монет великого княжества Московского времени Василия Темного в Эрмитажном собрании нашлось только несколько десятков монет со штрихами.

Разумеется, монеты, отчеканенные штемпелями с чисто отполированным фоном, не дают доказательств перевода штампа с маточника. Но наблюдаемое в ряде случаев детальное сходство подобных монет с экземплярами, отчеканенными плохо заглаженными штемпелями, позволяет утверждать, что и остальные такие монеты Василия Темного чеканились переводимыми с маточников штемпелями.

Доказывая, что маточник прочно вошел в монетное производство в начале правления Василия Темного, незачем перечислять все наблюдения; достаточно сослаться лишь на наиболее наглядные и, повидимому,

¹ И. Г. Спасский. Указ. соч.; его же. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. до 1617 г. МИА, № 44, 1955.

Рис. 1. Монеты со штрихами на фоне.

1, 3 — оборотная стороны; 2 — лицевая сторона монет ГЭ, № 354; 4—6 — оборотная сторона монет ГЭ, № 435; 7—12 — лицевая и оборотная стороны монет ГЭ, № 449; 13—19 — лицевая и оборотная стороны монет ГЭ, № 388

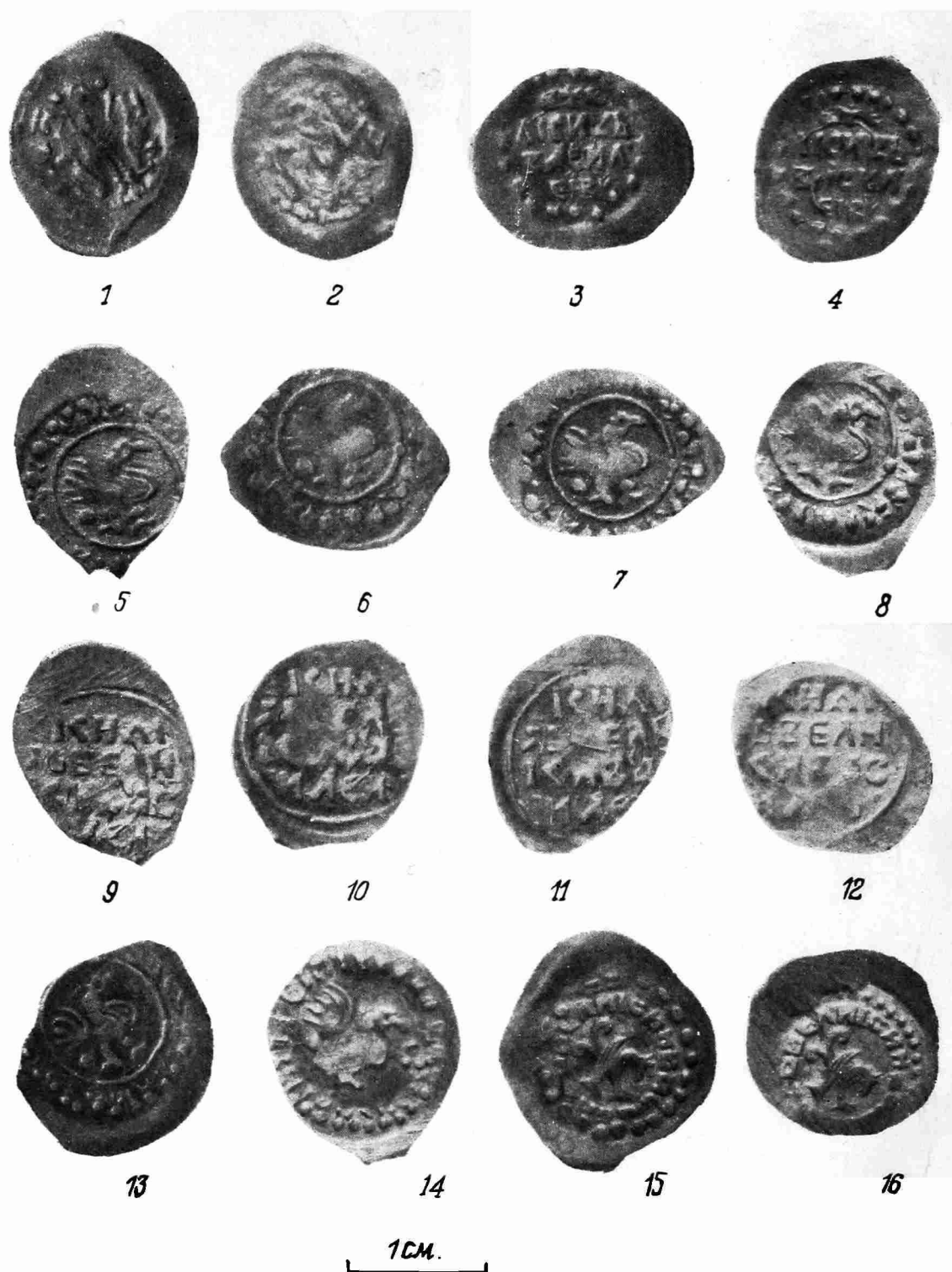

Рис. 2. Монеты со штрихами на фоне.

1-4 — лицевая и оборотная стороны монет ГЭ, № 417; 5-12 — лицевая и оборотная стороны монет ГЭ, № 489; 13, 14 — лицевая сторона монет ГЭ, 490-491; 15, 16 — лицевая сторона монет ГЭ, № 431

неоспоримые примеры. Следует отметить, что почти все приводимые ниже примеры включают, кроме описанных, и монеты, отчеканенные хорошо отполированными штемпелями, т. е. штемпелей в каждом случае не менее чем на один больше; обращение к материалу кладов, вероятно, увеличило бы число установленных повторностей:

№ 354 (рис. 1—1—3). Л. с.: Всадник вправо, круговая надпись. О. с.: Четырехстрочная надпись в ободке из точек.

Направление штрихов совпадает на лицевой стороне обеих монет (\ ) и резко отлично на оборотной стороне (/, \ ), т. е. монеты отчеканены одним лицевым штемпелем и двумя оборотными штемпелями, переведенными с общего маточника.

№ 435 (рис. 1—4—6). Л. с.: Голова $\frac{3}{4}$ влево, круговая надпись. О. с.: Трехстрочная надпись в линейном ободке¹.

Для чеканки оборотной стороны монет послужило не менее четырех штемпелей одного маточника, так как три экземпляра отличаются друг от друга направлениями штрихов (|, —, ×).

№ 449 (рис. 1—7—12). Л. с.: Всадник вправо, круговая надпись. О. с.: Четырехстрочная надпись в ободке из точек².

Судя по направлению штрихов (л. с.: \, /; о. с.: /, \, |,), существовало не менее трех лицевых и пяти оборотных штемпелей, переведенных с общих маточников.

№ 388 (рис. 1—13—19). Л. с.: Лебедь и круговая надпись в ободке из бус. О. с.: Крылатый грифон в ободке из бус³.

Различия в направлениях штрихов (л. с.: \, \, /; о. с.: /) указывают, что имелось три лицевых и не менее двух оборотных штемпелей, переведенных с общих маточников.

Аналогичные примеры, свидетельствующие, что маточники были известны в русском монетном деле уже в княжение Василия Темного и что посредством одного маточника на денежном дворе заготавливалось по крайней мере до пяти-шести (а вероятно, и больше) одинаковых штемпелей «братьев», можно было бы привести в большом количестве.

А. А. Ильин, систематизировавший монеты Василия Темного по их весу, отнес к наиболее раннему чекану группу самых тяжелых монет (0,65—0,75 г). Среди них мы и встречаем впервые монеты, отчеканенные штемпелями, явно переведенными с маточников (№ 354 и 435). Поэтому появление маточников в русском монетном деле следует, видимо, относить к началу княжения Василия Темного.

Наличие штрихов на монетах, отчеканенных несколькими штемпелями, переведенными с общих маточников, помогает обнаружить монеты, выполненные одной и той же парой лицевой и оборотной штемпелей, т. е. одновременно, что нередко может иметь определенное значение при более тщательной систематизации монет. Таковы, например, два экземпляра монет (№ 388), имеющие на лицевой стороне направление штрихов \, а на оборотной / (рис. 1—13, 14, 17, 18). Как показывает соотношение осей изображений лицевой и оборотной сторон, их штемпели не были сопряженными.

Некоторые монетные группы, отчеканенные штемпелями «братьями», позволяют говорить и об отдельных чертах экономики монетного производства XV в. Так, например, на некоторых экземплярах монет под обычными для них изображениями и надписями проглядывают замечавшиеся, вероятно, многими следы других изображений и надписей, которые, однако, из-за наличия повторностей нельзя считать следствием перчеканки.

¹ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, стр. 109, № 587.

² А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 107, 108, № 579.

³ Э. К. Гуттен-Чапский. Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. СПб., 1875, стр. 99, № 477.

Среди шести монет № 417 (Л. с.: Князь на троне; буквы К и Н и точки по сторонам. О. с.: Четырехстрочная надпись в ободке из точек¹) следует отметить две (рис. 2—1—4), помогающие выяснить причины появления следов изображений и надписей. Дело в том, что на оборотных сторонах обеих монет заметны остатки одного и того же изображения при полном совпадении деталей четырехстрочной надписи, т. е. они отчеканены одним и тем же оборотным штемпелем. Это подтверждается и сравнением лицевых сторон, причем устанавливается, что монеты выполнены одной и той же парой штемпелей. Следовательно, остатки изображений, заметные под надписью оборотной стороны, находились на срезе штемпельной болванки при употреблении ее для тиснения оборотного штемпеля монет № 417 и не могут быть не чем иным, кроме следов старого штемпеля, очевидно, недостаточно тщательно счищенного со среза болванки при изготовлении нового.

Примером повторного использования штемпельной болванки служат также три из четырех монет № 489 (рис. 2—5—12; Л. с.: Петух вправо, сзади него точка; линейный и точечный ободки. О. с.: Четырехстрочная надпись в линейном ободке²). На оборотной стороне их заметны остатки одного и того же старого, недостаточно старательно счищенного изображения. Монеты, судя по одинаковому направлению штрихов на лицевой стороне (\ ), отчеканены одной и той же парой лицевого и оборотного штемпелей.

Таким образом, в хозяйстве денежного двора XV в. отработанные или просто ставшие почему-либо ненужными штемпели служили для повторного, быть может, неоднократного использования³. Вероятно, это же распространяется и на маточники.

Но иногда почему-либо ставшие неприемлемыми штемпели превращались в «новые» простым уничтожением устаревших или ненужных деталей. Таким образом был, повидимому, использован для изготовления лицевого штемпеля монет № 489—491⁴ штемпель Дмитрия Шемяки, о чем свидетельствует забитая на этих монетах точками круговая надпись, содержащая имя великого князя Дмитрия.

Помимо возможности выявления штемпелей, переведенных с одного общего маточника, пристальное изучение различных деталей монет позволило установить существование практики правки штемпелей⁵ также уже в 1-й половине XV в., хотя и не всегда можно сказать с полной уверенностью, являются ли мелкие различия результатом правки уже работавших штемпелей или только доделкой штемпеля после перевода с маточника⁶.

По материалам XVI—XVII вв. известно, что разные части штемпеля изнашивались в процессе работы неравномерно; быстрее срабатывались расположенные ближе к краю ободки⁷. В XV в. штемпели во время употребления подправлялись. Иногда, вероятно, этим может быть объяснено

¹ А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 105, № 564.

² Ср. А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 109, № 588; стр. 111, № 603, 604.

³ В XVII в. штемпели и маточники, как правило, длительно хранились на денежных дворах (см. И. Г. Спасский. Анализ технических данных в нумизматике, стр. 72 и сл.).

⁴ Монеты № 490, 491 (рис. 2—13, 14) отличаются от монет № 489, как видно по фотографиям, несколькими деталями. Однако совершенно одинаковое расположение отдельных букв забитой точками круговой надписи относительно центрального изображения на монетах всех трех номеров (всего — 16 монет) позволяет утверждать, что штемпели их переведены с одного маточника.

⁵ «Почищения чеканов» — по терминологии монетного дела XVII в.

⁶ Например, на лицевой стороне монет № 489—491.

⁷ И. Г. Спасский. Анализ технических данных в нумизматике, стр. 71; его же. Денежное обращение в Московском государстве..., стр. 237.

различие точечных ободков, как, например, на лицевой стороне двух монет № 431 (рис. 2 — 15, 16).

На место сработавшихся наносились новые ободки вручную, посредством точечного пунсона, а не особыми кольцевыми маточниками (догадку о существовании последних высказал И. Г. Спасский¹).

• * * *

Употребление маточника уже в 1-й половине XV в., практика неоднократного использования болванок для производства новых и новых штемпелей, правка штемпелей и т. п. — все эти операции подразумевают определенные знания в области природы металла, умение разбираться в сортах «уклада» — стали, известную степень владения рядом приемов металлургии железа и тонкостями его термической обработки («отпуска» и заковки железа при переводе с маточника или при зачистке среза штемпельной болванки для нанесения на него нового изображения). В данном случае вопросы истории и экономики древнерусского монетного производства тесно смыкаются с вопросами истории металлургии железа на Руси, древнерусского ремесла и техники.

---

¹ И. Г. Спасский. Анализ технических данных в нумизматике, стр. 71; его же. Денежное обращение в Московском государстве..., стр. 237.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1708 г. В БУХАРЕ ¹

В нарративных письменных источниках по истории средневековой Средней Азии редко встречаются свидетельства о каких-либо сторонах денежного обращения, денежных реформах и т. д. Среди немногих исключений в этом плане должна быть названа реформа Убайдулла-хана аштарханидского, проведенная в начале XVIII в. и довольно подробно описанная в «Убайдулла-намэ» Мир Мухаммед Амин-и Бухари ². Любопытно отметить, что описанию обстоятельств, связанных с этими мероприятиями, посвящена целая глава, занимающая 4—6 страниц в разных рукописях. По объему ее можно сравнить только с описанием чекана и обращения дирхемов гитрифи в книге Наршахи. Во всех других случаях упоминание денег и денежных реформ ограничивается одной или несколькими фразами.

Свидетельство Мир Мухаммед Амин-и Бухари уже давно обратило на себя внимание исследователей. Изложение мероприятий Убайдулла-хана попало даже в сводные труды по истории народов Средней Азии. В «Истории народов Узбекистана» содержание этой денежной реформы сведено к тому, что «в 1708—1709 гг. была пущена в оборот низкопробная монета (с меньшим в четыре раза содержанием серебра, чем было в обычной высокопробной теньге) с номинальной ценностью полновесной монеты» ³. Б. Г. Гафуров эти мероприятия не называет реформой, а их содержание излагает следующим образом: «В 1708—1709 гг., чтобы изыскать средства для ведения войны, была по приказу Убайдулла-хана отчеканена монета, содержание серебра в которой было меньше, чем в обычной танге, в четыре раза» ⁴. В обоих случаях, следовательно, основой мероприятий Убайдулла-хана справедливо сочтен выпуск монет с содержанием серебра, уменьшенным в четыре раза. Однако в «Истории народов Узбекистана» сделаны два дополнительных и, как мы постараемся показать, не совсем точных выводы о том, что новая низкопробная монета получила номинал старой, а старая монета была «высокопробной».

¹ Доклад, прочитанный на секции нумизматики пленума ИИМК АН СССР в апреле 1955 г.

² Мы пользовались четырьмя списками этого сочинения, хранящимися в Институте востоковедения АН Узб. ССР (инв. № 9, 605/II, 1532 и 1533). О них см. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. I. Ташкент, 1952, № 189—192.

³ См., например, «Историю народов Узбекистана», т. 2, Ташкент, 1947, стр. 92.

⁴ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. 2-е изд., Госполитиздат, 1952, стр. 350.

Несколько подробнее реформу и последовавшее за ней восстание проанализировала О. Д. Чехович¹. Текст, излагающий основное содержание реформы, О. Д. Чехович истолковала так, будто бы в новых монетах был изменен состав и уменьшен вес.

Анализ текста «Убайдулла-намэ», с привлечением нумизматических и актовых источников XVII—XVIII вв., позволяет полнее выявить содержание денежной реформы Убайдулла-хана, ее предпосылки и место среди подобных мероприятий других аштарханидских государей, а также внести новый штрих в характеристику движения, охватившего разные слои городского населения и направленного против этой реформы.

Во всех использованных нами списках сочинения Мир Мухаммед Амин-и Бухари мероприятия Убайдулла-хана датированы 1200 г. х. Поэтому обычно его реформу в литературе относили к 1708—1709 гг. Однако указание на «год мыши» سجقان позволяет при переводе на наше летоисчисление уточнить дату, ибо «год мыши» падает на 1708 г.²

Для характеристики содержания реформы 1708 г. наиболее существенны четыре отрывка: три — в упомянутой специально этому посвященной главе, а четвертый — в главе о гибели Убайдулла-хана.

... وضع جاو نمائيم يعنى به تغيير و تكسير تنكه كوشيده از عيار چيزى ساقط كنيم

Михтар Шафи предложил: «введем «чау», т. е. путем изменения и разделения теньги на части понизим несколько ее пробу»³.

چون تغيير و تكسير در تنكه راه يافته يك تنكه
سره معمول را يك ضرب بچهاري سكه زدند

«Когда осуществилось изменение и разделение теньги на части, из одной хорошей обыкновенной теньги отчеканили одну монету, как четвертную»⁴.

يکى را بچارى جارى کردند

После подавления восстания «пустили в обращение одинарную за четвертную»⁵.

و بتغيير و تبديل تنكه كوشيده يك ضرب
يکى را بدوى چارى جارى کرده

«Путем изменения и переделывания теньги установили обращение одной одинарной монеты за две (дословно: «двойную») четвертные»⁶.

Первые два отрывка касаются установлений, связанных с чеканом новых тенег, а вторые два отрывка говорят о курсе этих новых монет.

Общая задача реформы, сформулированная двумя первыми отрывками, заключалась в том, чтобы изменить и разделить теньги на части. На первый взгляд, можно было бы допустить, что здесь подразумевается изменение веса монет, что и предположила О. Д. Чехович. Но такое допущение опровергается тремя обстоятельствами.

¹ О. Д. Чехович. К истории Узбекистана в XVIII в. Труды Института востоковедения АН Узб. ССР, вып. III, 1954, стр. 65.

² А. К. Писарчик. Таблицы годов двенадцатилетнего животного цикла с приведением соответствующих им годов современного летоисчисления. Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, 1949, стр. 179; О. Д. Чехович (Указ. соч., стр. 64) также приняла 1708 г.

³ «Убайдулла-намэ», рукопись № 9, л. 836.; рукопись № 605/II, л. 105а; рукопись № 1533, л. 83а; рукопись № 1532, л. 138б. Не рассматривая все значения слова «чау» в разные периоды, отметим только, что в данном конкретном случае оно выступает как термин для обозначения низкопробных монет с принудительным курсом (см. ниже).

⁴ «Убайдулла-намэ», рукопись № 605/II, л. 105б; рукопись № 1533, л. 83а; рукопись № 1532, л. 139б; рукопись № 9, л. 83б. Слово «зарб» — «чекан», в соответствии с общим смыслом второго и особенно четвертого отрывков, мы здесь переводим как «монета».

⁵ «Убайдулла-намэ», рукопись № 605/II, л. 106б; рукопись № 9, л. 84б; рукопись № 1533 л. 84а; рукопись № 1532, л. 141а.

⁶ «Убайдулла-намэ», рукопись № 1532, л. 204а.

Дореформенные монеты, судя по описаниям их в юридических документах (купчих, вакуфных грамотах), весили один мискаль. Те же юридические документы фиксируют одномискальный вес и для пореформенных монет. Реальный вес дореформенных и пореформенных тенег одинаков и (с учетом неизбежных отклонений вследствие потертости и неточности юстировки), действительно, равен одному мискалю. Кроме того, прямое значение слова «таксир» (дробление, деление, разламывание на части и т. д.), а в особенности контекст первого отрывка, прямо свидетельствующего о понижении пробы монет, не дают никаких оснований говорить о весовой стороне реформы.

Итак, общая задача реформы заключалась в том, чтобы изменить теньгу, сохранив ее абсолютный вес, но понизив пробу. Остается выяснить размер понижения пробы. Ответ на этот вопрос дает второй отрывок, согласно которому из одной хорошей теньги отчеканили такую монету, которая являлась «четвертной». Поскольку абсолютный вес пореформенных монет не изменился, а изменение коснулось только пробы, естественно, напрашивается вывод о том, что проба была понижена именно в четыре раза, благодаря чему пореформенные монеты получили в тексте название «четвертных», т. е. монет с четвертным содержанием серебра по сравнению с дореформенными теньгами.

Вторые два отрывка, на первый взгляд, противоречивы. По одному свидетельству, одинарную, т. е. дореформенную, монету пустили за одну «четвертную», т. е. в курсовом отношении приравнивали теньги дореформенные и теньги с содержанием серебра, в четыре раза меньшим. Согласно второму отрывку дореформенную монету приравнивали не к одной, а к двум теньгам «четвертным».

При рассмотрении курсовой стороны реформы особенно важен один документ — купчая Аллоер бия додхо, сына Аллоберды бия парвоначи на приобретение земли и воды в Самаркандском тумане Шовдор¹. Купчая составлена в месяце джумади II 1121/1709 г., т. е. уже после проведения реформы Убайдулла-хана. Деньги в купчей описаны следующим образом:

... بمبلغ شش هزار تنگه یکی عرفی رسمی
اعتباری که مبلغ سه هزار تنگه دوی ده سه نیمی
بخاری الضرب

«Сумма в шесть тысяч тенег одинарных, общепринятых, установленного образца, заслуживающих доверия, которые равны сумме в три тысячи тенег двойных, три с половиной десятых, бухарского чекана».

Перед нами выступают две категории монет: «одинарные» и «двойные» теньги, причем эти названия точно соответствуют их взаимному курсовому отношению, ибо 6000 одинарных тенег приравнены к 3000 двойных. Нельзя считать, что «одинарные» теньги являются основным номиналом, а «двойные» — простым кратным (на основе удвоенного веса или удвоенного содержания серебра). В этом случае они друг друга не характеризовали бы, ибо их взаимное отношение было бы заранее дано; они были бы всего лишь двумя кратными единицами одного масштаба цен.

Согласно одному из цитированных выше отрывков «Убайдулла-намэ», дореформенная теньга была приравнена к двум «четвертным», т. е. к двум пореформенным монетам. Поэтому невольно напрашивается заключение, что описанные в купчей 1709 г. две категории монет соответствуют дореформенным и пореформенным теньгам, поскольку их курсовое отношение

¹ Институт востоковедения АН Узб. ССР, ф. Чеклар, док. № 39. Полный текст и перевод см. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. 1, сост. О. Д. Чехович под ред. А. К. Арендса. Ташкент, 1954, стр. 110 и сл. (в дальнейшем: О. Д. Чехович. Документы...).

и в документе 1709 г., и в «Убайдулла-намэ» оказалось одинаковым. Иначе говоря, «одинарные» теньги купчей 1709 г. — это «четвертные» по содержанию серебра пореформенные монеты, а «двойные» монеты — дореформенные теньги, названные в «Убайдулла-намэ» «хорошими» и «обыкновенными».

Единственное недоумение, казалось бы, вызывает тот факт, что дореформенные теньги в купчей 1709 г. названы «двойными», а в «Убайдулла-намэ» — «одинарными». Но ближайшее рассмотрение показывает, что это противоречие — формальное и кажущееся. Одним из основных моментов реформы, как уже отмечалось, было четырехкратное уменьшение содержания серебра в новой монете по сравнению со старой, составлявшей основу предреформенного денежного обращения. По содержанию серебра дореформенная монета была «одинарной», а пореформенная — «четвертной». Так они и названы в тексте «Убайдулла-намэ».

Но металлическое и курсовое отношение этих двух категорий монет, согласно тому же тексту, не совпадало. Старая, дореформенная теньга по металлу была в четыре раза больше новой, а по курсу — только в два раза.

Реформой в основу обращения положена новая монета, все же остальные виды должны были приравняться к ней. Следовательно, после реформы «одинарной» становилась новая, пореформенная теньга; старая же теньга, в соответствии с установленным курсом, оказывалась «двойной» по отношению к новой «одинарной» монете. Поэтому в купчей 1709 г., фиксирующей реальную сделку с реальной расплатой новыми «одинарными» монетами, старые, дореформенные законно названы «двойными».

Двойные теньги в купчей 1709 г. имеют еще одно определение — سه و نیمه — «три с половиной десятые».

В двух документах времени Надир Мухаммеда (1642—1645 гг.) и Абд-ал-Азиза (1645—1680 гг.) при описании серебряных тегг употребляется выражение — سه و نیمه شش بدنه نخود کمی: «теньги серебряные, хорошие, одномискальные, старые, шести-десятые, уменьшенные на десять нухудов». (Нухуд — $\frac{1}{24}$ часть мискаля.) При среднеазиатском торгово-денежном мискале этого времени в 4,8 г 10 нухудов составляют 2 г. Поскольку в этом же описании оговорено, что теньга весит один мискаль, уменьшение на 10 нухудов, т. е. 2 г, следует относить не к весу монеты в целом, а к содержанию в ней чистого серебра. Следовательно, согласно приведенному документу, во 2 и 3-й четвертях XVII в. на среднеазиатском рынке обращались одномискальные монеты, в которых было 14 нухудов (2,8 г, т. е. около 58%) чистого серебра и 10 нухудов (2 г, т. е. около 42%) лигатуры. Если перевести эти числа в десятичное отношение, то получится почти точно $\frac{6}{10}$ ($24 : 14 = 10 : x$; $x = 6$). Оба определения — через десятичное отношение и через нухуды — полностью соответствуют одно другому и по-разному свидетельствуют о реальном содержании в монетах чистого серебра. Вывод этот проверен химическим анализом десяти экземпляров аштарханидских монет (табл. 1)¹. Оказалось, что в них добавлялась медь, причем процентное соотношение серебра и меди целиком соответствует разобранному определению «шести-десятых уменьшенных на десять нухудов» монет.

¹ Для анализа использованы десять монет Бальджуанского клада, хранящегося в Институте истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР (инв. № КП-76). Анализ сделан в Институте химии АН Тадж. ССР лаборанткой Г. М. Калашниковой (официальные заключения от 21 сентября 1952 г. и 21 февраля 1953 г.). Результаты анализа пяти монет нами опубликованы (см. Е. А. Давидович. Бальджуанский клад XVII века и некоторые особенности серебряного обращения в Средней Азии при Аштарханидах. Труды АН Тадж. ССР, т. XVII, 1953, стр. 76). Анализ пяти монет Имам-Кули-хана публикуется впервые.

Таблица 1

№ п. п.	Инв. № монеты	Имя государя	Процентное содержание	
			серебра	меди
1	КП-76/8	Имам-Кули-хан	57,80	42,10
2	КП-76/11	„	55,70	43,90
3	КП-76/68	„	55,20	43,90
4	КП-76/40	„	53,40	44,40
5	КП-76/41	„	52,40	44,00
6	КП-76/16	Абд-ал-Азиз-хан	57,20	42,64
7	КП-76/10	„	56,87	41,98
8	КП-76/15	„	56,02	42,40
9	КП-76/7	„	55,69	44,10
10	КП-76/24	„	55,14	44,57

Все сказанное дает основание аналогичным образом истолковывать подобные по характеру, но другие в цифровом выражении определения монет. Интересующие нас «двойные» теньги в купчей 1709 г. названы «трех с половиной десятими». Следовательно, в них содержится только $3\frac{5}{10}$ части (т. е. 35%) чистого серебра при $6\frac{5}{10}$ частях (т. е. 65%) лигатуры. Если же дореформенные «двойные» теньги содержали 35% чистого серебра, то новые, пореформенные «одинарные» монеты должны были содержать всего около 9% серебра.

Для полной убедительности мы решили проверить этот вывод химическим анализом самих монет. Для этого была взята монета Убайдуллахана, хранящаяся в Музее истории АН Узб. ССР¹. Она довольно потерта; надписи читаются только в центральной части обеих сторон монетного кружка (на лицевой стороне в картуше — «Убайдулла бахадур хан», на оборотной — символ веры). Реальный вес (4,23 г), с учетом потертости, свидетельствует о том, что монета чеканена как одномискальная. По внешнему облику она принадлежит к дореформенным выпускам Убайдуллахана².

Анализ монеты показал, что в ней содержится 33,63% серебра и 62,29% меди. Такое реальное содержание серебра (около 34%) полностью соответствует количеству, вычисленному на основании описания в купчей 1709 г. (35%). Это лишний раз подтверждает правильность истолкования такого рода денежных описаний. В данном же случае совпадение результатов химического анализа монеты со свидетельством юридического документа подкрепляет ранее выдвинутые положения о том, что «двойные» теньги купчей 1709 г. — это дореформенные монеты с 35%-ным содержа-

¹ Инв. № 28/37. Автор приносит большую благодарность дирекции музея за любезное разрешение проанализировать монету. Анализ сделан в Институте химии АН Тадж. ССР лаборанткой Г. М. Калашниковой. Официальное заключение от 17 января 1955 г. за № 97.

² Как уже отмечалось, в «Истории народов Узбекистана» дореформенная монета названа «высокопробной», вероятно, на основании определения ее в тексте «Убайдулланамэ» словом *سور*. Высокопробной же эту монету считает и О. Д. Чехович. Слово *سور* в актовых источниках XVI—XVIII вв. прилагалось к самым различным, в том числе к заведомо и легально низкопробным монетам, характеризуя их, следовательно, лишь в том смысле, что эти монеты «хорошие» вообще, т. е. чеканены в соответствии с правительственным установлением и не имеют внешних изъянов. Монеты высокопробные определялись словом «покиза» — *پاکیزه*, которое постепенно исчезало из денежных описаний по мере порчи серебряных монет медью. Разбираемые же дореформенные монеты менее всего можно считать высокопробными, ибо данные химического анализа и документальных свидетельств показали содержание в них всего лишь 35% серебра.

нием серебра, а «одинарные» — пореформенные, примерно с 9%-ным содержанием серебра.

Для характеристики реформы важно установить, было ли разрешено или запрещено дальнейшее обращение дореформенных монет с 35%-ным содержанием серебра. Логичнее было бы считать, что реформа предусматривала изъятие их, ибо они должны были подрывать доверие к новым низкопробным монетам и своим существованием все время подчеркивать принудительность их курса. Однако документы показывают, что такого запрета и изъятия не было. В этом смысле особенно интересна купчая на землю в вилояте Кеш, составленная в месяце зуль-ка'да 1122/1710—1711 г. Деньги в ней описаны следующим образом: «теньги серебряные, хорошие, одномискальные, трех (с половиной) десяты»¹:

تنکه نقره سره یلکثقالی ده سه

Последнее выражение мы переводим не как $\frac{3}{10}$, а как $\frac{3,5}{10}$ на том основании, что после слова «се» — «три» здесь отсутствует буква «йй». Между тем во всех прочих многочисленных описаниях подобного рода последнее слово определения (вне зависимости от места в изафетной конструкции) обязательно оканчивается буквой «йй», превращающей эту десятичную дробь в прилагательное — определение основного слова — «теньги». В данном случае, несомненно, писцом пропущено слово «ними» — نیمی.

Итак, перед нами одномискальные монеты, содержащие 35% серебра. Они реально фигурируют в сделке 1122/1710—1711 г., т. е. значительное время спустя после проведения денежной реформы. Факт этот засвидетельствован в официальном юридическом документе. Следовательно, 35%-ные дореформенные теньги после реформы могли обращаться вполне легально.

Правда, документы последующего времени показывают, что подавляющее большинство сделок совершалось на низкопробные «одинарные» пореформенные монеты. И это вполне закономерно, ибо по законам экономики худшая монета всегда вытесняет лучшую. Но нам важно отметить, что «лучшая», 35%-ная по содержанию серебра дореформенная монета официально из обращения не была изъята.

Приведенные материалы позволяют заключить, что четвертый отрывок из «Убайдулла-намэ» находится в полном соответствии со свидетельством юридических документов в определении курсового соотношения дореформенных и пореформенных монет. Оба источника одинаково указывают на то, что одна дореформенная монета была приравнена к двум новым теньгам Убайдулла-хана.

Следовательно, из двух отрывков «Убайдулла-намэ» один целиком достоверен и правилен. Но можно ли на этом основании другой отрывок с другими данными относительно курсового соотношения «старых» и «новых» монет признать просто ошибочным? Отнюдь нет.

Обращает внимание, что эти противоречивые сведения мы находим в разных главах «Убайдулла-намэ». Данные о том, что «четвертная» по содержанию серебра новая теньга приравнена по курсу к дореформенной, приведены в главе, специально посвященной описанию реформы и последовавшего протеста городского населения². Глава кончается тем, что народное волнение было подавлено; «по этой причине то, чего хотел михтар Шафи, — упрочилось; люди, волей-неволей, в соответствии с установлением пустили в обращение одинарную (монету) за четвертную», и тор-

¹ Институт востоковедения АН Узб. ССР, ф. Чеклар, док. № 4/1; О. Д. Чехович. Документы... стр. 113 и сл.

² Наиболее подробное изложение этих событий на основании данных «Убайдулла-намэ» см. О. Д. Чехович. К истории Узбекистана в XVIII в., стр. 65, 66.

говля возобновилась. Следовательно, вся глава, включая конец, охватывает короткий отрезок времени в 1708 г.

Контекст указания относительно обращения «одинарной» монеты за «четвертную» свидетельствует о том, что таково было первоначальное установление реформы и правительство хотело его сохранить.

Второй отрывок приведен в другой главе, посвященной описанию гибели Убайдулла-хана в 1711 г. После реформы прошло уже несколько лет. Отрывок отражает реальное положение дел. Сопоставление этих фактов позволяет сделать несколько выводов. По первоначальному замыслу дореформенные и новые теньги должны были обращаться по одному курсу. Это вызвало протест городского населения, вылившийся в открытое выступление. Но так как прямой протест городского населения был подавлен, подразумевалось, что установленный курс удастся утвердить.

Последующие события в «Убайдулла-намэ» прямо не описываются. Но фиксация другого курса для новой, пореформенной теньги косвенно свидетельствует о многом. Принудительность курса на новые монеты не была отменена совсем, но уменьшена вдвое. Такое изменение первоначального установления реформы произошло вскоре после выступления городского населения. Об этом свидетельствует тот факт, что в купчей 1709 г. (июль—август) фигурирует уже измененный курс новых монет. А отсюда следует, что народное недовольство, очевидно, не ограничилось открытым выступлением, которое описано в «Убайдулла-намэ», или это выступление было более серьезным, чем хочет показать придворный историк. Возможно, заинтересованные в денежной торговле слои городского населения продолжали в каких-то других формах оказывать сопротивление правительственному установлению. Так или иначе, но правительство вынуждено было пойти на компромисс и несколько изменить содержание реформы. Значит, открытое выступление народа в 1708 г., хотя и подавленное, не было бесплодным, а поражение — общим.

Для завершения характеристики курсовой стороны реформы Убайдулла-хана важно выяснить курс тенег по отношению к золотой монете, которая в то время чеканилась уже регулярно. Эту возможность мы находим в купчей, составленной в ша'бане 1106/1695 г. на приобретение Аллоберды бием парвоначи многочисленных земель в самаркандском тумане Шовдор. За земли заплачено серебряными теньгами, в которых содержание серебра охарактеризовано выражением *دو چهار یکی* — «две с четвертью десятые». Следовательно, в монетах было всего 22,5% серебра и соответствующее количество меди.

В этом денежном описании оговорено отношение данных тенег к золоту. Указано, что 60 таких монет равны одному мискалю чистого золота. Отсюда делаем заключение, что один мискаль золота в 1695 г. равнялся $22,5 \cdot 60 = 13,5$ мискаля чистого серебра. Иначе говоря, в конце XVII в. официальное отношение золота к серебру было 1:13,5. Отношение этих валютных металлов подвержено колебаниям от всяких частных причин. Однако выявленная официальная норма отражает средний уровень, к которому при прочих равных условиях должно было возвращаться соотношение после ликвидации частных причин, вызвавших отклонение. Поэтому и для начала XVIII в. отношение 1:13,5 можно считать официальной нормой. Зная ее, легко вычислить отношение золотых монет и тенег после реформы Убайдулла-хана. В дореформенных теньгах было 35% серебра. Следовательно, одномискальная золотая монета (а основная золотая монета при Аштарханидах весила один мискаль) равнялась $13,5 : \frac{35}{100} = 38,57$, т. е. 38 или 39 дореформенным монетам.

На первом этапе осуществления реформы, когда новая теньга была приравнена к дореформенной, это же равенство выражало отношение но-

вой «четвертной» теньги с принудительным курсом и золотой одномискальной монеты. На втором этапе, когда принудительность курса новой теньги была уменьшена наполовину, одномискальная золотая монета официально была приравнена к 38—39 дореформенным «двойным» и к 76—78 пореформенным «одинарным» теньгам. Об отношении между разными видами «серебряных» тенег и золотой монетой позже, в конце царствования Абу-л-Файз-хана (1711—1747 гг.) имеется свидетельство в книге Ханвея¹. Согласно его данным, золотая монета в Бухаре весила мискаль, и на нее шло от 50 до 80 медных монет, именуемых теньгами². Норма в 80 медных монет как нельзя лучше перекликается с установленной нами для новых, пореформенных тенег Убайдулла-хана нормой в 76—78 тенег на золотую монету.

* * *

Для сравнения реформы Убайдулла-хана с мероприятиями других аштарханидских государей в области чекана и обращения монет достаточно полный материал дают те же документальные источники. Описания денег в разновременных юридических документах этого периода в большинстве случаев содержат определения, позволяющие выяснить пробу монет. Устанавливается, что при Аштарханидах до реформы Убайдулла-хана чеканились и обращались монеты с самым различным процентным содержанием серебра. Сведем известные нам примеры в табл. 2.

Итак, содержание серебра уменьшалось с 90 до 22,5%. Мы не рассматриваем хронологическую последовательность этих изменений. В табл. 2 мы расположили данные в убывающей степени, но проба менялась в иной последовательности.

Важно, что изменение пробы монеты практиковалось при Аштарханидах систематически. Мероприятие Убайдулла-хана не стоит особняком; оно повторяет принятый за предшествующее время и много раз использованный прием. Отличие можно отметить только в размерах таких изменений. При первых Аштарханидах содержание серебра в монетах уменьшалось постепенно, каждый раз на 5—10%. В последующее время уменьшение серебра начали проводить в более крупных размерах. Самыми низкопробными из дореформенных монет были теньги с 22,5%-ным содержанием серебра. Они на довольно большом отрезке времени при Субхан-Кули-хане составляли реальную основу обращения такого рода монет и поэтому чаще других упоминаются в документах. Перед реформой проба теньги была повышена. Анализ дореформенной монеты Убайдулла-хана показал, что к моменту проведения реформы в основе обращения была теньга с 35%-ным содержанием серебра. В 1708 г. Убайдулла-хан уменьшил содержание серебра в четыре раза. Такого резкого изменения пробы новых монет по сравнению с предшествующими не практиковалось. Таким образом, мероприятие Убайдулла-хана отличается от аналогичных установлений предшественников не по существу, а размерами.

Показательно, что низкопробная теньга продолжала обращаться и при следующем государе — Абу-л-Файзе. Документы, которыми мы располагаем (в пределах 1712—1720 гг.), свидетельствуют о том, что она была основным номиналом и по-прежнему называлась «одинарной». В документах этого времени она описывалась так же, как в документах времени Убайдулла-хана: *تنگه یکی عرفی رسمی اعتباری* — «теньги, одинарные, обще-

¹ J. Hanway. An historical account of the British trade over Caspian sea, vol. I. London, MDCCLIII, стр. 354.

² Количество тенег, по Ханвею, определялось якобы согласно их «размерам» (size). В последнем свидетельстве заключена доля истины, ибо отмечено наличие в обращении разных тенег. Однако в отношении критерия их различия информация (или передача) оказалась неточной. Любопытно, что бухарские теньги Ханвей считает медными. Из-за низкопробности внешне они, действительно, мало походили на серебряные.

№ п. п.	Дата документа	% серебра в монете	Форма определения содержания серебра в монете
1	1017/1608—1609	90,0	تنگه ده نهای ...
2	1018/1609—1610	90,0	تنگه ده نهای ...
3	1024/1615	80,0	تنگه ده هشتی ...
4	1032/1622—1623	80,0	تنگه ده هشتی ...
5	1027/1617—1618	70,0	تنگه ده هفتی ...
6	1088/1677—1678	70,0	تنگه ده هفتی ...
7	1032/1622—1623	65,0	تنگه ده شش و نیمی ...
8	1052/1642—1643	60,0	تنگه ده شش بده نخود کمی ...
9	1067/1656—1657	60,0	تنگه ده شش بده نخود کمی ...
10	1066/1655—1656	35,0	تنگه ده سه و نیمی ...
11	1111/1699—1700	3(5),0	تنگه ده سه ...
12	1091/1680	25,0	تنگه ده دو و نیمی ...
13	1100/1688—1689	22,5	تنگه ده دو چاریک ...
14	1103/1691—1692	22,5	تنگه ده دو و چهاریکدی ...
15	1106/1694—1695	22,5	تنگه ده دو چهاریکدی ...

Примечание. Ссылки на источник даны в соответствии с порядковыми номерами настоящей таблицы. Характеристику документов и даты с учетом месяцев опускаем. Места хранения: ЦГИА (Центральный государственный исторический архив Узб. ССР); ИВУз (Институт востоковедения АН Узб. ССР); ГПБ (Государственная публичная библиотека им. Фердоуси в Сталинабаде).

1 — ЦГИА, ф. 323, № 1195/5; 2 — ГПБ, без инв. номера; 3 — ЦГИА, ф. 323, № 7; 4 — ЦГИА, ф. 323, № 1020 и 1295/21; 5 — ЦГИА, ф. 323, № 306/1; 6 — ИВУз, ф. Чеклар, № 6; 7 — ЦГИА, ф. 323, № 1295/36; 8 — ЦГИА, ф. 323, № 115; 9 — ИВУз, ф. Чеклар, № 2; 10 — ИВУз, ф. Чеклар, № 10; 11 — ИВУз, ф. Чеклар, № 4/4; 12 — ЦГИА, ф. 323, № 129; 13 — ЦГИА, ф. 323, № 1073/1; 14 — ЦГИА, ф. 323, № 1; 15 — ИВУз, ф. Чеклар, № 7.

принятые, установленного образца, заслуживающие доверия»¹. Иногда слово اعتباری — «заслуживающие доверия» заменялось выражением ايجة الوقت — «ходячие в данное время»². В других случаях эпитеты опускались и описание сокращалось³.

В большинстве купчих «одинарная» теньга приравнивалась к половинной сумме «двойных». Характерно, что «двойные» теньги на рассматриваемом отрезке времени (так же, как и раньше) выступали не только и не просто как определитель «одинарных», а как реально обращающиеся монеты. В двух купчих, составленных в зуль-ка'да 1122/1710—1711 г. и в шаввале 1131/1719 г., выплата была осуществлена «двойными» теньгами, причем во втором документе при их описании оговорено их равенство двойной сумме «одинарных» монет⁴.

В последующее время кардинального улучшения в составе теньги не произошло. В книге Ханвея монеты прямо названы медными⁵. Об этом же свидетельствуют данные химического анализа монет, чеканенных позже, от имени Мухаммед-Рахим-хана, т. е. в середине XVIII в. Анализу подвергнуты пять экземпляров из клада, хранящегося в Институте истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР⁶. Результаты анализа подтвер-

¹ ИВУз, ф. Чеклар, № 24, 26.

² ИВУз, ф. Чеклар, № 16, 36/1, 523.

³ ИВУз, ф. Чеклар, № 21, 29, 36/2.

⁴ ИВУз, ф. Чеклар, № 4/1 (О. Д. Чехович. Документы... стр. 113 и сл.) и № 9 (О. Д. Чехович. Документы... стр. 155 и сл.).

⁵ J. Nalwaу. Указ. соч., стр. 354.

⁶ Анализ сделан в Институте химии АН Тадж. ССР лаборанткой Г. М. Калашниковой.

ждают, что в середине XVIII в. в серебряных теньгах серебра было около 30% и по-прежнему преобладала медь, количество которой достигало 70% (табл. 3)¹.

Документы показывают, что на протяжении XVII в. монеты с разным содержанием серебра обращались одновременно. Прекрасный материал для такого заключения дает табл. 2. Например, монеты с 80% серебра и с 65% серебра зафиксированы в документах одного и того же 1032/1622—1623 г. Монеты с 70% серебра встречаем в 1088/1677—1678 г., хотя к этому времени на рынке уже появились более низкопробные одномискальные теньги с 65, 60 и даже 35% серебра, и т. д. Следовательно, каждый раз при введении новых, обычно более низкопробных монет обращение «старых» не запрещалось. И в этом смысле, следовательно, реформа Убайдулла-хана не отличается от установлений его предшественников, ибо он также разрешил после введения низкопробных монет дальнейшее обращение тенега с 35%-ным содержанием серебра.

Одновременное обращение при предшественниках Убайдулла-хана разнопробных монет требовало взаимного курсового определения последних. Анализ документальных свидетельств позволил установить², что для вновь вводившихся монет (обычно более низкой пробы) назначался принудительный курс, повышенный по сравнению с реальным содержанием в них серебра. Монеты же, объявленные «старыми» (в документах они характеризуются словом *كهنه* — «кухна»), обращались по курсам, соответствовавшим их серебряному содержанию. И в этом смысле реформа Убайдулла-хана не внесла ничего нового, ибо она определила взаимное курсовое соотношение «старых» и «новых» монет на основе принудительности курса последних. Отличие реформы Убайдулла-хана от аналогичных мероприятий его предшественников могло заключаться только в размерах принудительности курса для вновь вводимых монет.

* * *

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. При Аштарханидах серебряные монеты систематически портились добавкой меди, причем процент ее в составе монеты прогрессивно увеличивался и в конце концов превысил содержание серебра. Денежная реформа 1708 г. явилась лишь логическим продолжением процесса, начавшегося примерно столетием раньше. Вместе с тем она как бы завершила этот процесс, определив самую низкую пробу серебряных монет. В последнее время процент серебра в монетах уже повышался. К середине XVIII в., например, содержание серебра в монетах, чеканенных от имени Мухаммед-Рахим-хана, было доведено до 30%.

Динамика порчи серебряной монеты медью при Аштарханидах не была равномерной. В 1-й половине XVII в. теньга портилась постепенно, каждый раз на 5—10%. Примерно с середины столетия размер порчи резко

¹ При Мангытах состав серебряной теньги улучшился далеко не сразу. Филипп Ефремов, путешествовавший по странам Востока в 1774—1782 гг., отмечал, что в бухарских теньгах находится около половины меди (Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение отсюда через Англию в Россию. 3-е изд., Казань, 1811, стр. 70).

² Е. А. Давидович. Бальджуанский клад...

Таблица 3

Инв. № монеты	Процентное содержание	
	серебра	меди
КП-77/1	29,93	69,50
КП-77/2	30,95	68,95
КП-77/9	29,68	69,96
КП-77/13	30,59	68,88
КП-77/17	30,12	69,87

возрос, содержание серебра в монете несколькими приемами было снижено до 22,5%. К моменту реформы Убайдулла-хана основная обращающаяся на рынке теньга содержала 35% чистого серебра. Убайдулла-хан в 1708 г. в четыре раза понизил содержание серебра во вновь выпущенной монете. Поэтому новая монета по отношению к дореформенной названа «четвертной». Такой размер порчи монеты отличает реформу Убайдулла-хана от аналогичных по существу мероприятий его предшественников.

2. При Аштарханидах все обращавшиеся на рынке монеты делились на «новые» и «старые». «Новые» монеты обращались по принудительному курсу, значительно превышавшему реальную стоимость содержавшегося в них серебра. Курс «старых» монет определялся процентом в них чистого серебра, который, как правило, фиксировался в официальных юридических документах. Обычно на рынке совершенно легально и одновременно обращалось несколько разнокурсных «старых» монет. Реформа 1708 г. не изменила общего положения, ибо разрешила одновременное обращение «новой» теньги и «старой», дореформенной, более высокопробной (с 35%-ным содержанием серебра). Поэтому официальные документы времени самого Убайдулла-хана и времени его преемника Абу-л-Файз-хана фиксируют отдельные сделки на основе «старых» монет, хотя в большинстве случаев выступают пореформенные.

3. Разрешив одновременное обращение двух групп монет, реформа 1708 г. определила их курсовое соотношение. Сначала обе группы столь различных по содержанию серебра монет были уравнены. Иначе говоря, дореформенные получили курс в соответствии с содержанием в них чистого серебра (35%), а «новые» монеты должны были обращаться по принудительному курсу, в четыре раза превышавшему их реальную стоимость. При отношении в то время золота и серебра как 1:13,5 курс обеих групп тенег через золото определялся следующим равенством: 38—39 «серебряных» тенег обеих групп равны одной золотой монете весом в мискаль.

Реформа вызвала сопротивление городского населения. Открытое выступление народа было подавлено. Но в результате восстания правительство вынуждено было (не отказываясь полностью от фискальных выгод) пойти на компромисс. Принудительность курса новых монет была уменьшена наполовину; каждая дореформенная монета с 35%-ным содержанием серебра была приравнена не к одной, а к двум «новым» теньгам и поэтому в официальных юридических документах получила название «двойной». Иначе говоря, к одной золотой монете весом в мискаль были приравнены 38—39 дореформенных «двойных» серебряных тенег и 76—78 пореформенных, новых «одинарных».

4. Привлечение нумизматических данных и актов источников позволяет пополнить и расширить характеристику городского движения в Бухаре в 1708 г. Придворный историк Мир Мухаммед Амин-и Бухари тенденциозно и неполно описывает это движение, подчеркивая, что оно было быстро подавлено, и население вынуждено было примириться с правительственной реформой. По данным «Убайдулла-намэ», городское население потерпело полное поражение.

Анализ косвенных показаний рисует другую картину. Оказывается, правительство сразу или вскоре вынуждено было пойти на компромисс, что очень знаменательно. Подавление открытого и прямого выступления бедноты нельзя считать поражением всего движения в целом. Изменение первоначальных установлений реформы говорит о том, что сопротивление городского населения оказалось очень действенным. Этот штрих по-новому характеризует значимость и размах движения разных слоев городского населения в 1708 г., направленного против правительственного установления. Частичная победа этого движения — новый материал для характеристики классовой борьбы в Средней Азии этого периода.

Е. А. ПАХОМОВ

БОРЬБА ФЕОДАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ ЗА ВОСТОЧНОЕ ЗАКАВКАЗЬЕ С ПОЛОВИНЫ XIV в. ДО НАЧАЛА XV в. ПО МОНЕТНЫМ ДАННЫМ¹

Вторая половина XIV в. и начало XV в. были временем крупных политических событий в Закавказье, в особенности в его восточной части, в связи с борьбой между различными государствами Переднего Востока.

До половины XIV в. и несколько позже власть ослабевшего хулагуидского государства, раздираемого борьбой внутренних сил, формально признавалась во всем Закавказье и монеты до 756 г. х. (1355 г. н. э.) повсюду чеканились от имени ильхана Ануширвана. Начиная обзор с половины XIV в., точнее — с 750/1349—1350 г., можно отметить, что чеканили монеты следующие города Закавказья: Алагир (750, 753, 754, 756 гг. х.), Ани (750, 752, 756 гг. х.), Баби (756 г. х.), Базар (750, 751—756 гг. х.), Бакуйя (750, 752, 753 гг. х.), Бердаа (750, 752, 753, 756 гг. х.), Байлакан (750, 752, 753 гг. х.), Тифлис (750, 752, 753, 756 гг. х.), Шаберан (750, 752, 753 гг. х.), Ширван (?) (750, 753, 754, 756 гг. х.), Кара-агач (750, 753—756 гг. х.), Карабах (750 г. х.), Карби (Гарни? 750 г. х.), Гуштаспи (750, 755, 756 гг. х.), Ганджа (750, 752, 753, 756 гг. х.), Нахчаван (750, 752, 753, 756 гг. х.). Кроме того, известно еще несколько не локализованных типов монет.

Перечисленные монеты свидетельствуют о том, что формальную дату падения династии Хулагуидов в этих областях следует отодвинуть на 2 года позднее, чем это отмечено В. В. Бартольдом в примечаниях к переводу книги С. Лен-Пуля².

Еще при Ануширване фактическая власть над северными областями распадавшегося хулагуидского государства оказалась в руках Джобанидов сначала в лице Хасана Кучука, а после его смерти в 744/1343—1344 г. — его сына Ашрафа, правившего от имени Ануширвана. После ухода последнего с исторической сцены Ашраф не решился открыто провозгласить себя султаном; я полагаю, что именно в этот момент и была сделана попытка чеканить монету анонимную, лишь с титулом *султан правосудный*, но без собственного имени. Такие монеты известны от 756/1355 г. из городов Ширвана и Гуштаспи.

Эти монеты в 757/1356 г. были сменены новым типом, чеканка которого продолжалась и в 758/1356 г. Новые монеты двуязычны, снабжены, помимо арабской, уйгурской надписью, гласящей: *султан Хасан-хан*. Однако согла-

¹ Доклад, прочитанный на секции нумизматики пленума ИИМК АН СССР в апреле 1954 г.

² Мусульманские династии. СПб., 1899, стр. 183.

сование дат этих монет с сообщениями историков представляет некоторые трудности. В 757/1356 г. такие монеты выпускались в Алагире, Баби, Базаре, Бердаа, Тифлисе, Кара-агаче, Гандже, Нахчаване и нескольких других городах, названия которых не прочтены; в Южном Азербайджане они чеканились в Урмии, Тебризе и Мараге. Другими словами, выпуск их осуществлялся на всей территории, подвластной Ашрафу при Ануширване. В 758/1356—1357 г. это пространство сократилось, и двуязычные монеты выпускались лишь в Ани, Баби, Бердаа, Тифлисе, одном из неопределенных пока городов, а в Южном Азербайджане — в Тебризе.

А. К. Марков относил эти монеты к джелаириду Хасану¹. Такое приурочение возможно лишь при допущении, что Ашраф, после неудачной войны с Хасаном Бузургом, был вынужден признать себя его вассалом и чеканить монету от его имени. Этому, однако, противоречат, во-первых, сведения о смерти Хасана еще в 757/1356 г., а во-вторых, то, что и в собственных владениях Хасан выпускал монеты или анонимные, или только с тугрой. Другим объяснением могло бы быть чтение не *Хасан*, а *Хусейн*. Если признать, подобно А. К. Маркову, что после смерти Хасана его преемником на несколько лет стал с 757/1356 г. его сын Хусейн, быть может, одновременно со своим братом Овейсом. Но это опровергается отчетливым начертанием имени — прямизной зубчика, выражающего букву *a* и не похожего на наклонную черту для *и*.

В том же 757/1356 г. началось наступление на Закавказье золотоордынского хана Джанибека. Хронологические показания источников несколько расходятся между собой, но, судя по монетам, казнь плененного им Ашрафа правильнее всего отнести уже к 758/1356—1357 г.; вслед за этим от имени Джанибека и стали в том же году чеканить монету Баби, Базар, Тебриз, Кара-агач, Ганджа и несколько не определенных городов.

Смерть Джанибека в том же самом году, на возвратном пути из похода, и воцарение его сына Бердибека отразились в соответствующей смене имен на монетах Алагира, Баби, Тифлиса, Кара-агача, Нахчавана, на некоторых не приуроченных к определенным городам, а также на монетах Тебриза и Мараги. Бердибек, покидая Тебриз, оставил наместником завоеванных областей своего везира Ахичука, который, однако, немедленно после удаления джучидских войск сумел стать во главе сторонников погибшего в борьбе с Джучидами Ашрафа и повел себя как независимый владетель. Не решаясь все же принять султанский титул, он, очевидно, стал чеканить анонимную монету, помеченную тем же 758/1356—1357 г. и дошедшую до нас из Баби, Базара, Бердаа, Тифлиса, Кара-агача, Ганджи, трех не определенных городов, а также из Тебриза и Мараги.

Борьба Ахичука с наступавшим из Багдада джелаиридом Овейсом и двигавшимся из Фарса музаффаридом Мубариз-ад-дином Мухаммедом шла с переменным успехом. Временный захват Овейсом Южного Азербайджана установил его влияние до Грузии, и в 759/1357—1358 г. в Тифлисе монета чеканилась от его имени. Успех оказался кратковременным: Овейс был вытеснен вернувшимся Ахичуком, но в том же году Ахичук бежал от войска Мубариз-ад-дина.

Мубариз-ад-дин ознаменовал свое владычество выпуском монет, хотя и анонимных, но помеченных характерной для Музаффаридов формулой: *Помощь от Аллаха и победа близка!* Все они чеканены в том же 759/1357—1358 г. в городах Алагире, Нахчаване, в четырех не определенных, а также в Тебризе, Хое, Салмасы, Мараге.

Влияние Мубариз-ад-дина на Закавказье длилось недолго: Овейс вновь вытеснил его, захватил Ахичука, казнил его и надолго установил власть Джелаиридов сначала в Южном Азербайджане, а затем в Ширване и даже

¹ А. К. Марков. Каталог джелаиридских монет. СПб., 1897, стр. LII.

в Грузии. При Овейсе (757—776/1356—1374 гг.) с 761/1359—1360 г. по 766/1364—1365 г. и с 770/1368—1369 г. по 775/1373—1374 г. все его закавказские монеты (Баку, Бердаа, Тифлиса, Шаберана, Шемахи, Кабалы, Гуштаспи, Махмудабада, Нахчавана) помечались его именем. Однако правление Овейса протекало, видимо, не вполне гладко: письменные источники не дают нам никаких сведений, но некоторые монеты с 766/1364—1365 г. по 770/1368—1369 г. резко выделяются отсутствием имени Овейса и указанием на них титула *султан правосудный* (без имени) вместо употреблявшегося на чекане Овейса титула *султан высочайший*. Такие монеты известны из Бакуйи (769, 770 гг. х.), Шаберана (767, 768 гг. х.), Шемахи (767—770 гг. х.), Гуштаспи (766, 769 гг. х.), Махмудабада (770 г. х.). Они свидетельствуют о каком-то внутреннем движении в Ширване, направленном, видимо, против власти Джелаиридов.

В 767/1365—1366 г. Мубариз-ад-дин повторил попытку вторжения, на короткое время овладел Нахчаваном и отметил это выпуском там монеты от своего имени. Дальнейшего успеха он не имел.

При преемниках Овейса Джелаириды прочно удерживали верховную власть над Ширваном, хотя и при наличии там собственных ширваншахов. При Овейсе все, упоминавшиеся выше, монетные дворы, со включением еще некоторых — Алинджа, Ани, Гарни и др., — били монету от имени Джелаиридов. Только Грузия перешла к чеканке самостоятельной монеты лишь при Ахмеде, ставя его имя наряду с именем царя Георгия. Так дело шло до 786/1384—1385 г.

Возрождение мощи Золотой Орды при Токтамыше и распространение государства Тимура на Закаспий и Иран поставило Восточное Закавказье под угрозу с трех сторон: с севера — Золотой Орды, в лице Токтамыша, с юго-востока — Тимура, с юга — последних Джелаиридов.

Войска Токтамыша вторглись через Дербенд в 787/1385—1386 г., прошли через Ширван в Южный Азербайджан, взяли и разгромили Тебриз. В Тебризе Токтамыш держался недолго, хотя и успел отчеканить там монеты со своим именем и указанной только что датой, но в прикаспийской части Ширвана его господство утвердилось на несколько лет. Судя по монетам с именем Ахмеда, в 787/1385—1386 г. в Шемахе, а в 788/1386 г. — в Гуштаспи еще держалась власть Джелаиридов.

Монеты с именем Токтамыша дают следующую картину его завоеваний: 787/1385—1386 г. — Шаберан, 788/1386 г. — Шаберан, Шемаха, Гуштаспи, 789/1387 г. — Шаберан, Шемаха, Махмудабад, 790/1388 г. и 791/1388—1389 г. — те же три города, с добавлением Баку и Дербенда, 792/1389—1390 г. — все те же пять городов. Названия их хорошо очерчивают границы области, находившейся под властью Токтамыша в период его наступления на Восточное Закавказье.

Однако на этом и заканчиваются успехи Токтамыша: Тимур, завоевавший Тебриз и Южный Азербайджан еще в 787/1385—1386 г., что подтверждается его тебризскими монетами 787, 788 и 789 гг. х., к 792 г. х. овладел всем Восточным Закавказьем. К сожалению, многочисленные монеты Тимура, серебряные, с именами его и «подставных» джагатайских ханов Суюргатмыша, а затем Махмуда, и медные, с именем одного Тимура, битые во многих городах (Бакуйя, Бердаа, Дербенд, Шаберан, Шемаха, Гуштаспи), или выпускались без означения года, или дошли в экземплярах со сбитыми годами. Единственным известным мне исключением является теньга Тимура и Махмуда, чекана Дербенда 804/1401—1402 г.

По смерти Тимура в 807/1404—1405 г. у его преемников не было сил для того, чтобы упрочить свое влияние в Ширване. Ширваншах Ибрахим I, поддерживая сношения с Шахрухом, возможно, признавал его номинальное главенство. Это показывает теньга Шемахи, битая от имени Шахруха, но не сохранившая даты.

Несколько иначе сложились отношения Ибрахима с Золотой Ордой. Ослабленные Тимуром и внутренними раздорами, золотоордынские ханы после Токтамыша не могли и думать о покорении Ширвана. Однако около 809/1406—1407 г. хан Шадибек, вытесненный из приволжских областей эмиром Идигу (Едигеем), откочевал со своими сторонниками на юг, к границам Ширвана. Ширваншах Ибрахим не только оказал ему поддержку, но, следуя политике — не подчеркивать своей самостоятельности, а прикрываться именем одного из представителей крупных соседних государств, — объявил себя вассалом Шадибека. В знак этого номинального подданства монеты стали чеканиться от имени Шадибека, без упоминания об Ибрахиме. Из них известны: Бакуйя (810, 812 гг. х.), Дербенд (809—812 гг. х.), Шемаха (811 г. х.), Кизил-агач (811 г. х.). Смерть Шадибека источники относят к 811/1408—1409 г., но приведенные монеты показывают, что он умер в начале 812/1409—1410 г., в котором прекращается его кавказский чекан.

Этим эпизодом мы и закончим сообщение, так как с 812/1409—1410 г. начинается, хотя и анонимный, но самостоятельный чекан Дербенда и Шемахи при ширваншахе Ибрахиме I. Указание А. Ю. Якубовского на существование монет Шадибека якобы 813 и 815 гг. х.¹ основано, вероятно, на неточном определении А. К. Марковым этих монет в его «Каталоге восточных монет Эрмитажа» и является ошибочным.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

К ВОПРОСУ О ДЕНЕЖНОМ КУРСЕ ЗОЛОТА В ИРАНЕ
И СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIV в.¹

Во 2-й половине XIII в. в хулагуидском Иране был возобновлен прерванный серебряным денежным кризисом чекан серебряной монеты, который восстановился в это же время и в Средней Азии. В 50—60-х годах XIII в. началась чеканка золотоордынского серебряного дирхема.

Появление больших масс серебряной монеты не могло не отразиться на старом соотношении цен на золото и серебро. Восточные авторы, как правило, дают очень мало сведений о денежном обращении в эту эпоху. Более других сообщает известный путешественник Востока Ибн-Батута, посетивший в начале XIV в. Среднюю Азию, Золотую Орду, Индию и другие страны. Свидетельства, приводимые им относительно курса, по которому обращались те или иные денежные единицы, для нас весьма авторитетны, так как исходят от человека, вполне компетентного в вопросах торговли.

На основании анализа сообщений Ибн-Батуты можно установить пропорции, по которым обменивали золото на серебро и обратно в различных странах.

Известно, что в Индии в конце XIII в. и в XIV в. 1 золотая теньга приравнивалась к 10 серебряным. То же отношение указывает и Ибн-Батута, называя только серебряную теньгу, по аналогии с серебряными динарами Хулагуидов и Джагатаидов, динаром или динаром серебра, а золотую — динаром индийского золота². Вес серебряных и золотых тенег султанов Дели колебался от 10,5 до 11,1 г, причем наибольшее количество экземпляров приходится на 10,9—11 г. Вес 10,95 г можно принять за нормальный³.

¹ Доклад, прочитанный на секции нумизматики пленума ИИМК АН СССР в апреле 1955 г.

² Voyage d'Ibn-Batoutah, texte arabe accompagné d'une traduction par C. Defréméry et B. R. Sanguinetti. Paris, 1855, v. III, стр. 106, 107.

³ 175 серебряных и 117 золотых тенег султанов Дели XIV в. (опубликованные в каталогах: St. Lane-Poole. The coins of the Sultans of Dehli in the British Museum, London, 1884; E. Thomas. Chronicles of the Pathan kings of Dehli. London, 1871; Catalogue of the coins in the India Museum Calcutta. Oxford, 1907, v. II, стр. 31—45). В. Шрёттер (V. Schrötter. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin—Leipzig, 1930, стр. 85) приводит вес теньги, равный 10,78 г. Томас и Кодрингтон (E. Thomas. Указ. соч., стр. 253; O. Codrington. A Manuel of Musulman Numismatics. London, 1904, стр. 119) — 10,82 г. Мы будем придерживаться веса, выведенного непосредственно из нумизматического материала.

Вес, г	Теньги		Вес, г	Теньги	
	золотые	серебряные		золотые	серебряные
10,4	1	2	10,9	30	39
10,5	1	3	10,95	29	37
10,6	4	10	11,0	27	15
10,7	1	15	11,1	5	5
10,8	16	37	11,2	3	2

Поскольку вес серебряной и золотой тенег одинаков, а проба монет высокая¹, можно считать, что золото оценивалось в серебре в пропорции 1:10.

В 1333 г. Ибн-Батута был в Хорезме. Он писал, что наместник этой страны Кутлуг-Тимур назначил ему «тысячу дирхемов сполна; при размене на магрибское золото это составляет 300 динаров»². Термин «магрибское золото», весьма расплывчатый, у Ибн-Батуты приобретает определенность. Дело в том, что в различных местах повествования Ибн-Батута приводит стоимость этого золота в индийских монетах, причем всегда одинаковую: 1 золотая или 10 серебряных тенег султанов Дели стоят 2,5 динара магрибского золота³. Очевидно, и в приведенном отрывке упоминается тот же магрибский динар. Зная вес индийской теньги, мы получим, что в магрибском динаре содержалось 4,38 г золота. Серебряные дирхемы Хорезма XIV в. нам известны в большом количестве. Вес их колеблется от 1,7 до 1,95 г, причем наибольшее количество монет весит 1,85—1,9 г. Средний вес 1,87 г. можно принять за нормальный⁴. Но тогда вызывает сомнение правильность употребления термина «дирхем» у Ибн-Батуты, так как, если принять, что 300 магрибских динаров составляют 1000 хорезмских дирхемов, то получим, что 1 дирхем (1,87 г серебра) приравнивается к 1,314 г золота ($4,38 \text{ г} \cdot 300 = 1314 \text{ г}$; $1314 \text{ г} : 1000 = 1,314 \text{ г}$), что для XIV в. невозможно. Очевидно у Ибн-Батуты пропущено слово «динар» перед словом «дирхем», т. е. имеется в виду динар дирхемов или динар серебром — так называет Ибн-Батута серебряные динары Хулагуидов и серебряные теньги султанов Дели. Серебряный динар в Хорезме, как и в других городах Золотой Орды, равнялся, по сообщениям Ал-Омари и Ибн-Батуты, 6 дирхемам⁵; следовательно, в Хорезме 6000 дирхемов приравнивались к 300 магрибских динаров; $1314 \text{ г} : 6000 = 0,219 \text{ г}$; $1,87 : 0,219 = 8,54$. Таким образом, отношение цен золота и серебра было равно 1:8,54.

¹ Проба индийской золотой монеты, найденной в 1892 г. у дер. Николаевка, Казанской губернии, была 0,997 (Архив ЛОИИМК, ф. 1, 1892 г., д. № 137). В. Шрёттер дает пробу 0,945 для золотых индийских тенег XIII—XIV вв. (V. Srötter. Указ. соч., стр. 85).

² В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 312.

³ Voyage d'Ibn-Batoutah..., v. II, стр. 374, 401; v. III, стр. 106, 107, 426.

⁴ 260 экземпляров, хранящихся в ГЭ и ГИМ, по весу распределяются следующим образом: 1) группа обрезанных монет: 1,2 г—7 экземпляров, 1,25 г—6 экземпляров, 1,3 г—7 экземпляров, 1,35 г—14 экземпляров, 1,4 г—14 экземпляров, 1,45 г—23 экземпляра, 1,5 г—28 экземпляров, 1,55 г—15 экземпляров; 2) группа необрезанных монет: 1,6 г—10 экземпляров, 1,65 г—8 экземпляров, 1,7 г—8 экземпляров, 1,75 г—10 экземпляров, 1,8 г—19 экземпляров, 1,85 г—35 экземпляров, 1,9 г—37 экземпляров, 1,95 г—15 экземпляров, 2 г—2 экземпляра, 2,05 г—1 экземпляр, 2,1 г—1 экземпляр.

⁵ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 230 и 240.

Близкое отношение цен на золото и серебро устанавливалось приблизительно в то же время в Иране. Ибн-Батута сообщает, что в 728 г. х. (1327—1328 гг. н. э.) в Ширазе сумма в 10 000 динаров серебром составляла на магрибское золото 2500 динаров¹. Хулагуидский серебряный динар равнялся, как и золотоордынский, 6 дирхемам. Дирхем в это время весил 1,6 г. Следовательно, 60 дирхемов составляли 2,5 магрибского золотого динара, т. е. 10 серебряных динаров = 2,5 магрибского золотого динара = = 60 дирхемам; $4,38 \cdot 2,5 = 10,95$ г; $10,95$ г : 60 = 0,182 г; $1,6$ г : 0,182 г = = 8,79. Отсюда устанавливается пропорция обмена золота и серебра для Ирана 1 : 8,79.

Таким образом, мы видим, что наиболее высоко золото оценивалось в серебре в Индии (1 : 10), более низко — в Иране (1 : 8,79) и Хорезме (1 : 8,54). Можно предполагать, что в других местах Средней Азии золото оценивалось тоже по более низкому курсу. Установление в Средней Азии и Иране низких цен на золото объясняется, как нам кажется, нехваткой собственных ресурсов серебра для больших выпусков серебряной монеты. Более низкая или более высокая оценка благородного металла, находящегося в обращении, по сравнению с его действительной стоимостью или с оценкой его в соседних странах, вызывает, как правило, или вытеснение его из обращения, или приток из-за границы. «... там, где серебро и золото существуют рядом как законные деньги, т. е. как мера стоимости, — писал К. Маркс, — постоянно делались тщетные попытки рассматривать их как одну и ту же материю. Предположить, что одинаковое рабочее время овеществляется неизменно в одинаковых пропорциях серебра и золота, значит предположить, что серебро и золото суть одна и та же материя и что серебро, этот менее ценный металл, есть неизменная дробная часть золота. Начиная с правления Эдуарда III до времен Георга II история английского денежного обращения блуждает в непрерывном ряду нарушений, вызванных коллизией между установленным по закону соотношением стоимости золота и серебра и действительными колебаниями их стоимости... Металл, оцененный слишком низко, извлекался из обращения, переплавлялся в слитки и вывозился за границу... В наше время даже очень слабое и преходящее падение стоимости золота по сравнению с серебром, вследствие спроса на серебро со стороны Индии и Китая, вызвало во Франции в крупнейших размерах то же явление, а именно вывоз серебра и изгнание его из обращения золотом»².

В денежном деле хулагуидского Ирана, а отчасти и джугатаидского Мавераннахра отчетливо прослеживается эта тенденция считать золото и серебро «одной материей». Она приводит к тому, что термин «динар», употреблявшийся ранее только применительно к золоту, обозначает теперь серебряную монету в 6 дирхемов³. Дирхем же становится просто «неизменной дробной частью» динара. Замена золотого динара серебряным свидетельствует и о вытеснении золота из денежного обращения. Иначе и не могло быть, так как денежные рынки иранских городов, где золото было оценено ниже, чем в Индии, не могли удерживать всю его массу, находившуюся в обращении. Золото должно было уходить за границу, в частности в Индию, с которой у Ирана и Средней Азии были оживленные торговые сношения.

Показательно, что в 20-х годах XIV в. в Индии создается излишек золота. Это обстоятельство вызвало денежную реформу, проведенную

¹ Voyage d'Ibn-Batoutah... v. II, стр. 65.

² К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1952, стр. 65—66.

³ В. В. Бартольд. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. Анийская серия, № 5. СПб., 1911.

в 725 г. х. (1324—1325 гг. н. э.). Вес новой золотой теньги повышался до 12,8 г, а серебряной понижался до 9 г. Соотношение золота и серебра устанавливалось приблизительно равным 1 : 8,2 или 1 : 8,55. Теперь 10 новых серебряных тенег приравнивались к 1 золотой старой, а 10 старых серебряных — к 1 золотой новой теньге. Следовательно, 10 новых серебряных тенег = 1 старой золотой теньге = 90 г серебра; 90 г : 10,95 г = 8,21; 10 старых серебряных тенег = 1 золотой новой теньге = 109,5 г серебра; 109,5 г : 12,8 г = 8,55.

Таким образом осуществлялся обмен золота на серебро по новому курсу без изменения привычных соотношений номиналов. Исследователь этой реформы Э. Томас считал, что главной целью было реализовать скопившиеся массы золота и обеспечить проникновение его на рынки соседних стран¹. Однако вскоре после реформы монеты по новым весовым нормам перестали чеканиться и исчезли из обращения.

На протяжении XIII и XIV вв. в Иране не прекращалась чеканка золотой монеты. В коллекциях Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея собрано 55 золотых хулагуидских и джелаиридских монет. Это свидетельствует о том, что некоторое количество золота все же попадало на рынки в форме чеканенной монеты. Характерно, что государство стремилось поднять цену золота и тем самым удержать его внутри страны. Рашид-ад-дин, писавший об установлении точных единиц и исправлении гирь для взвешивания серебряных и золотых монет², сообщает, что вследствие распространения низкопробного золота упала цена и высокопробного. «Государь доискивался, какова цена дозволенного золота. Он приказал чеканить (его) и оценивать так, как оно есть, чтобы не было никакой разницы. Он повелел, чтобы ормуздское золото, которое никто не отличает от бронзы, и другие сорта низкопробного малоценного золота расценивались дешевле... После этого на рынках появилось высокопробное золото в изобилии», — замечает Рашид-ад-дин, хотя раньше оно «редко попадалось на базарах, и если доставляли немного, то на него появлялась сотня покупателей. Общеизвестно было так: в пору-де монголов много носят вышитой и затканной и тому подобной одежды, на которую растрачивается золото, оно же товар для Хиндустана и (его) увозят туда, (а потому) золота стало мало»³. Последнее свидетельство особенно важно, так как подтверждает предположение о вывозе золота в Индию.

При биметаллическом обращении и постоянных перерасчетах одного металла на другой и обратно весьма часты были случаи, когда приготовленный к чеканке слиток серебра оценивался в золоте. Стремясь поднять цену золота, из такого слитка чеканили больше монет; в результате этого золото оценивалось в большем количестве серебряных монет. Создавалась видимость повышения цены золота — цены, выраженной в серебре. Но совокупный вес вычеканенных монет оставался неизменным, а следовательно, и действительное соотношение курсов двух металлов сохранялось прежним.

Попробуем составить формулу:

$$k = \frac{sn}{B},$$

где

n — количество серебра, приравненное к 1 г золота (для Ирана — 8,79);

k — количество монет;

s — цена серебряного слитка, выраженная в золоте;

B — принятый вес монеты.

¹ E. Thomas. Указ. соч., рис. 234, 235.

² Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. III. М., 1946, стр. 273—275.

³ Там же, стр. 272.

Для того чтобы препятствовать вывозу золота, правительство повышает n до n' (количество серебра, соответствующее 1 г золота в Индии); k' — новое количество чеканенных монет из слитка; s остается неизменным, так как действительная цена серебра относительно золота определяется количеством рабочего времени, затраченного на производство обоих драгоценных металлов, и рынком, на котором дефицит серебра, в связи с массовыми эмиссиями серебряных монет, ощущался постоянно. Это обстоятельство оставалось в силе в течение всего XIV в., и вероятно, что дефицит с течением времени усиливался. Следовательно:

$$k' = \frac{sn'}{B}; \quad \frac{k'}{k} = \frac{n'}{n}.$$

Пропорционально увеличению количества монет уменьшался вес каждой монеты. Таким образом, теоретически вес хулагуидского дирхема должен проходить последовательно ряд весовых значений, причем каждое относится к предыдущему как $n : n' = 8,79 : 10 = 0,879$.

Для проверки обратимся к метрологии этих монет. А. К. Марков дал следующую схему эволюции веса хулагуидского чекана: при Газане дирхем весил 2,15 г; в 716 г. х. Абу-Саид снизил вес до 1,75 г; с 733 г. х. чеканится дирхем весом 1,4 г; Туга-Тимур предложил новый вес дирхема, но не был поддержан своими преемниками; при Сати-Беке дирхем весил 1,6 г, при Нуширване — 1,4 г¹. Эти данные не полны и не точны. Взвешиванием большого числа хулагуидских монет (2755 экземпляров из собраний Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея) мы получили следующие значения веса дирхема:

1) дирхемы, битые при ханах Хулагу и Абага в 654—680 гг. х. (1256—1282 гг. н.э.)	2,70 г ²
2) дирхемы, битые при ханах Ахмеде, Аргуне, Гейкату, Байту и Газане в 680—696 гг. х. (1281—1297 гг. н. э.)	2,45 г ³
3) дирхемы, битые при ханах Газане и Олджайту в 696—714 гг. х. (1297—1314 гг. н. э.)	2,125 г ⁴
4) дирхемы, битые при хане Олджайту в 713—716 гг. х. (1313—1317 гг.н.э.) .	1,95 г ⁵

¹ А. К. Марков. Каталог джелаиридских монет. СПб., 1897, стр. XXVIII—XXX.

² Дирхемы в 2,2 г—3 экземпляра, 2,3 г—2 экземпляра, 2,35 г—2 экземпляра, 2,4 г—3 экземпляра, 2,45 г—11 экземпляров, 2,5 г—12 экземпляров, 2,55 г—10 экземпляров, 2,6 г—16 экземпляров, 2,65 г—16 экземпляров, 2,7 г—39 экземпляров, 2,75 г—14 экземпляров, 2,8 г—12 экземпляров, 2,9 г—8 экземпляров, 2,95 г—1 экземпляр, 3,1 г—1 экземпляр, 3,25 г—1 экземпляр.

³ Дирхемы в 2 г—2 экземпляра, 2,05 г—5 экземпляров, 2,1 г—14 экземпляров, 2,15 г—9 экземпляров, 2,2 г—15 экземпляров, 2,25 г—10 экземпляров, 2,3 г—26 экземпляров, 2,35 г—28 экземпляров, 2,4 г—30 экземпляров, 2,45 г—39 экземпляров, 2,5 г—20 экземпляров, 2,55 г—18 экземпляров, 2,6 г—6 экземпляров, 2,65 г—2 экземпляра, 2,7 г—2 экземпляра, 2,75 г—2 экземпляра, 2,8 г—2 экземпляра, 2,85 г—3 экземпляра, 2,9 г—2 экземпляра, 2,95 г—1 экземпляр.

⁴ Дирхемы в 1,9 г—3 экземпляра, 1,95 г—3 экземпляра, 2 г—6 экземпляров, 2,05 г—16 экземпляров, 2,1 г—57 экземпляров, 2,15 г—60 экземпляров, 2,2 г—22 экземпляра, 2,25 г—11 экземпляров, 2,3 г—7 экземпляров, 2,35 г—4 экземпляра, 2,4 г—7 экземпляров, 2,45 г—3 экземпляра, 2,5 г—1 экземпляр, 2,65 г—1 экземпляр; двойные дирхемы: 3,9 г—1 экземпляр, 4 г—6 экземпляров, 4,05 г—5 экземпляров, 4,1 г—16 экземпляров, 4,15 г—20 экземпляров, 4,2 г—58 экземпляров, 4,25 г—85 экземпляров, 4,3 г—68 экземпляров, 4,35 г—14 экземпляров, 4,4 г—5 экземпляров, 4,45 г—1 экземпляр; динары или шестикратные дирхемы: 12,3 г—1 экземпляр.

⁵ Дирхемы в 1,7 г—1 экземпляр, 1,8 г—1 экземпляр, 1,85 г—1 экземпляр, 1,9 г—3 экземпляра, 1,95 г—4 экземпляра, 2 г—2 экземпляра, 2,05 г—2 экземпляра; двойные дирхемы: 3,4 г—2 экземпляра, 3,6 г—1 экземпляр, 3,7 г—3 экземпляра, 3,8 г—10 экземпляров, 3,85 г—10 экземпляров, 3,9 г—30 экземпляров, 3,95 г—17 экземпляров, 4 г—2 экземпляра, 4,05 г—1 экземпляр; динары: 11,7 г—4 экземпляра.

5) дирхемы, битые при хане Абу Саиде в 717—727 гг. х. (1317—1327 гг. н. э.)	1,775 г ¹
6) дирхемы, битые при хане Абу Саиде в 727—733 гг. х. (1326—1333 гг. н. э.)	1,60 г ²
7) дирхемы, битые при ханах Абу Саиде, Арабхане, Мусе, Мухаммеде и Туга-Тимуре в 733—739 гг. х. (1332—1339 гг. н. э.)	1,40 г ³
8) дирхемы, битые при ханах Мухаммеде и Туга-Тимуре в 738—739 гг. х. (1337—1339 гг. н. э.)	1,225 г ⁴
9) дирхемы, битые при ханах Джиган-Тимуре, Сати-Беке и Сулеймане в 739—740 гг. х. (1339—1340 гг. н. э.)	1,075 г ⁵
10) дирхемы, битые при ханах Джиган-Тимуре и Сулеймане в 740—744 гг. х. (1339—1344 гг. н. э.)	0,875 г ⁶
11) дирхемы, битые при хане Нуширване в 745—750 гг. х. (1344—1350 гг. н. э.)	0,725 г ⁷
12) дирхемы, битые при хане Нуширване в 750—752 гг. х. (1349—1352 гг. н. э.)	0,60 г ⁸
13) дирхемы, битые при хане Нуширване в 752—756 гг. х. (1351—1355 гг. н. э.)	0,50 г ⁹

¹ Дирхемы в 1,45 г—1 экземпляр, 1,5 г—3 экземпляра, 1,55 г—2 экземпляра, 1,6 г—7 экземпляров, 1,65 г—10 экземпляров, 1,7 г—18 экземпляров, 1,75 г—21 экземпляр, 1,8 г—19 экземпляров, 1,85 г—5 экземпляров; двойные дирхемы: 3,05 г—1 экземпляр, 3,1 г—3 экземпляра, 3,15 г—2 экземпляра, 3,2 г—9 экземпляров, 3,25 г—6 экземпляров, 2,3 г—18 экземпляров, 3,35 г—12 экземпляров, 3,4 г—39 экземпляров, 3,45 г—37 экземпляров, 3,5 г—83 экземпляра, 3,55 г—103 экземпляра, 3,6 г—75 экземпляров, 3,65 г—15 экземпляров, 3,7 г—3 экземпляра, 3,75 г—3 экземпляра, 3,8 г—4 экземпляра; динары: 10,3 г—2 экземпляра, 10,5 г—5 экземпляров, 10,6 г—2 экземпляра, 10,7 г—3 экземпляра.

² Дирхемы в 1,4 г—2 экземпляра, 1,5 г—2 экземпляра, 1,55 г—2 экземпляра, 1,6 г—2 экземпляра, 1,65 г—1 экземпляр, 1,85 г—1 экземпляр; двойные дирхемы: 2,85 г—3 экземпляра, 2,95 г—10 экземпляров, 3 г—10 экземпляров, 3,05 г—14 экземпляров, 3,1 г—21 экземпляр, 3,15 г—23 экземпляра, 3,2 г—29 экземпляров, 3,25 г—14 экземпляров, 3,3 г—4 экземпляра; динары: 9,4 г—1 экземпляр, 9,5 г—1 экземпляр, 10 г—1 экземпляр, 10,2—1 экземпляр.

³ Дирхемы в 1,2 г—1 экземпляр, 1,25 г—1 экземпляр, 1,3 г—3 экземпляра, 1,35 г—4 экземпляра, 1,4 г—4 экземпляра, 1,45 г—1 экземпляр, 1,75 г—1 экземпляр; двойные дирхемы: 2,4 г—1 экземпляр, 2,5 г—6 экземпляров, 2,6 г—9 экземпляров, 2,65 г—4 экземпляра, 2,7 г—26 экземпляров, 2,75 г—32 экземпляра, 2,8 г—69 экземпляров, 2,85 г—62 экземпляра, 2,9 г—2 экземпляра, 2,95 г—2 экземпляра, 3,05 г—2 экземпляра, 3,1 г—2 экземпляра, 3,2 г—1 экземпляр, 3,25 г—2 экземпляра, 3,3 г—1 экземпляр; тройные дирхемы: 3,7 г—1 экземпляр, 3,75 г—2 экземпляра, 3,8 г—1 экземпляр, 3,85 г—3 экземпляра, 3,9 г—4 экземпляра, 3,95 г—3 экземпляра, 4 г—4 экземпляра, 4,05 г—5 экземпляров, 4,1 г—3 экземпляра, 4,15 г—1 экземпляр, 4,2 г—9 экземпляров, 4,25 г—1 экземпляр, 4,3 г—3 экземпляра; динары: 8,2 г—1 экземпляр, 8,2 г—3 экземпляра, 8,4 г—2 экземпляра, 8,5 г—1 экземпляр.

⁴ Дирхемы в 0,9 г—1 экземпляр, 0,95 г—1 экземпляр, 1 г—1 экземпляр, 1,15 г—1 экземпляр, 1,2 г—1 экземпляр, 1,25 г—1 экземпляр, 1,3 г—1 экземпляр, 1,35 г—1 экземпляр, 1,45 г—2 экземпляра, 1,5—1 экземпляр, 1,7 г—1 экземпляр, 1,75 г—1 экземпляр; двойные дирхемы: 2,1 г—1 экземпляр, 2,2 г—2 экземпляра, 2,25 г—1 экземпляр, 2,3 г—6 экземпляров, 2,35 г—3 экземпляра, 2,4 г—9 экземпляров, 2,45 г—16 экземпляров, 2,5 г—8 экземпляров, 2,8 г—1 экземпляр; динары: 7 г—1 экземпляр, 7,1 г—1 экземпляр, 7,2 г—2 экземпляра, 7,3 г—3 экземпляра, 7,4 г—1 экземпляр, 7,5 г—1 экземпляр.

⁵ Двойные дирхемы: 1,85 г—2 экземпляра, 1,9 г—4 экземпляра, 1,95 г—5 экземпляров, 2 г—6 экземпляров, 2,05 г—6 экземпляров, 2,1 г—7 экземпляров, 2,15 г—12 экземпляров, 2,2 г—2 экземпляра, 2,25 г—1 экземпляр; четырехкратные дирхемы: 3,95 г—1 экземпляр, 4,1 г—2 экземпляра, 4,25 г—1 экземпляр, 4,3 г—2 экземпляра, 4,35 г—2 экземпляра.

⁶ Двойные дирхемы: 1,35 г—1 экземпляр, 1,4 г—2 экземпляра, 1,6 г—5 экземпляров, 1,65 г—2 экземпляра, 1,7 г—9 экземпляров, 1,75 г—20 экземпляров, 1,8 г—2 экземпляра, 1,85 г—4 экземпляра, 1,9 г—1 экземпляр, 1,95 г—1 экземпляр; динары: 4 г—1 экземпляр, 4,1 г—2 экземпляра, 4,2 г—1 экземпляр, 4,3 г—3 экземпляра.

⁷ Двойные дирхемы: 1 г—1 экземпляр, 1,05 г—1 экземпляр, 1,1 г—1 экземпляр, 1,15 г—1 экземпляр, 1,2 г—14 экземпляров, 1,25 г—24 экземпляра, 1,3 г—27 экземпляров, 1,35 г—40 экземпляров, 1,4 г—140 экземпляров, 1,45 г—159 экземпляров, 1,5 г—3 экземпляра, 1,55 г—1 экземпляр, 1,6 г—1 экземпляр, 1,7 г—1 экземпляр.

⁸ Двойные дирхемы в 1 г—1 экземпляр, 1,05 г—11 экземпляров, 1,1 г—9 экземпляров, 1,15 г—30 экземпляров, 1,2 г—13 экземпляров, 1,25 г—53 экземпляра, 1,3 г—9 экземпляров.

⁹ Дирхемы в 0,75 г—2 экземпляра, 0,8 г—6 экземпляров, 0,85 г—4 экземпляра, 0,9 г—12 экземпляров, 0,95 г—11 экземпляров, 1 г—17 экземпляров, 1,05 г—10 экземпляров, 1,1 г—7 экземпляров, 1,15 г—1 экземпляр.

Вычисляем отношения каждого из этих значений к предыдущему и получаем следующие цифры: 0,91; 0,87; 0,91; 0,91; 0,9; 0,88; 0,87; 0,88; 0,81; 0,83; 0,83; 0,83.

Для 2-й половины XIII в. и 1-й половины XIV в. мы получили цифры, весьма близкие к теоретически выведенной величине. Отклонения не превышают 0,03, и ими можно пренебречь. С 30-х годов XIV в. отношение уменьшается до 0,81—0,83. Очевидно, дефицит серебра к середине XIV в. увеличился, и цена золота понизилась.

В Средней Азии и Золотой Орде почти не чеканили золотых монет. Единственным исключением для серебряного монOMETаллизма в Золотой Орде был кратковременный чекан золотых динаров в Хорезме в 1363—1384 гг. Метрологически эти монеты делятся на две группы. Основная масса монет в первой группе имеет вес 0,9—0,95 г, причем максимальное количество экземпляров приходится на 0,95 г. Во второй группе вес большинства монет колеблется в пределах 1,1—1,15 г, а наибольшее количество экземпляров весит по 1,13 г.

Очевидно, вес 1,13 г наиболее близок к нормальному весу хорезмийского динара. Благодаря установленному выше среднему весу можно проследить фальсификацию монеты. 1-я группа более легких монет включает экземпляры меньшего диаметра, часто со следами обрезывания или опилования края. По типам они не отличаются от монет 2-й группы. Вероятно, это фальсифицированные золотые динары. Смысл фальсификации заключался в том, чтобы монету, с которой срезана часть золота, выдать за тот же номинал. Золотая монета в 1,13 г весом приравнивалась в Хорезме к 1,13 ρ · n серебра (ρ — проба золота, n — количество серебра, соответствующее в Хорезме 1 г золота).

У нас нет прямых свидетельств о вывозе золота из Хорезма или других районов Средней Азии в Индию, но есть все основания предполагать это по аналогии с рассмотренными явлениями денежного рынка Ирана. Чтобы препятствовать вывозу золотой монеты в Индию, где золото было оценено выше, необходимо было установить более высокую цену на него. Это достигалось тем, что уменьшался вес золотой монеты, номинал же, по которому эта монета ходила, а следовательно, и количество серебра, к которому она приравнивалась, оставались прежними. Таким образом, если A — пониженный вес золотой монеты; n — количество серебра, соответствующее 1 г золота в Хорезме ($n = 8,54$); n' — количество серебра, соответствующее 1 г золота в Индии ($n' = 10$); ρ — проба золотой монеты, то отсюда:

$$1,13 \rho n = A \rho n';$$

$$A = \frac{1,13 \rho n}{\rho n'} = 1,13 \frac{n}{n'} = 1,13 \cdot 0,854 = 0,965 \text{ г.}$$

¹ В таблице приведены весовые данные по 70 экземплярам золотых хорезмских динаров XIV в. из собраний ГЭ и ГИМ.

1-я группа ¹		2-я группа	
Вес, г	Количество экземпляров	Вес, г	Количество экземпляров
0,70—0,80	4	1,02 . .	1
0,80—0,90	4	1,05 . .	1
0,91 . .	2	1,07 . .	1
0,92 . .	2	1,09 . .	1
0,93 . .	2	1,10 . .	7
0,94 . .	1	1,11 . .	5
0,95 . .	6	1,12 . .	3
0,96 . .	1	1,13 . .	11
0,97 . .	1	1,14 . .	2
0,98 . .	1	1,15 . .	5
0,99 . .	1	1,16 . .	4
1,00 . .	1	1,17 . .	1
		1,20 . .	2
	26		44

Полученный теоретически вес почти полностью совпадает с результатами взвешивания монет. Совпадение выводов, полученных независимыми друг от друга путями, подтверждает правильность выдвинутых предположений и рассуждений.

Мы не располагаем прямыми данными, чтобы утверждать, что фальсификация золотых монет проводилась монетным двором, государством. Однако наличие определенных весовых норм порчи монеты заставляет думать о планомерной государственной фальсификации части монет сразу же после чеканки, до того, как они уходили в обращение. Не исключается возможность специального изымания государством из обращения золотых монет для их обрезывания. Обычная для средневековья эксплуатация монетной регалии понижением веса выпускаемых монет связывается в данном случае с определенной финансовой политикой, рассчитанной на то, чтобы удержать драгоценный металл внутри страны.

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОБОЛОНСКОГО КЛАДА

Среди восточноевропейских древностей 1-й половины I тысячелетия н. э. Оболонский клад римских и малоазийских монет занимает особое место, которое в специальной литературе еще не нашло правильного освещения и истолкования.

Клад был найден в 1876 г. в Киеве, на Подоле, в районе нынешней Оболонской улицы (усадеба Магурина), вблизи Глубочицкого ручья, уже не существующего. Находка сделана случайно рабочими, на глубине около 2 м от дневной поверхности, на границе культурного слоя с песчаной подпочвой. Клад состоял из медных монет, числом около 200, сильно окислившись. Они разошлись по рукам, и впоследствии А. С. Роговичу и К. В. Болсуновскому с большим трудом удалось собрать постепенно 59 экземпляров, из которых 57 поступило в мюнц-кабинет Киевского университета, а две остались в частном собрании Болсуновского. Находка вызвала исключительный интерес специалистов и неоднократно издавалась.

Впервые сведения о кладе опубликовал В. Б. Антонович в 1877 г.; им приведено описание первых 25 экземпляров, приобретенных университетом при содействии А. С. Роговича¹. В 1889 г. все 59 монет (включая и две, оставленные К. В. Болсуновским) описал Н. Ф. Беляшевский в книге, посвященнойкладам Киевской губернии². В 1892 г. Оболонский клад опубликовал еще раз В. Е. Данилевич³. Наконец, в 1896 г. В. Б. Антонович дал полное описание 57 монет, попавших в университетскую коллекцию⁴.

Монеты сохранились плохо; у некоторых из них стерты легенды, и определение было связано с известными трудностями; поэтому в изданиях имеется ряд расхождений.

Ставшие достоянием науки 59 монет клада разделялись на две группы: одну, меньшую, составляли римские монеты центральной чеканки IV в. н. э.; другую, большую, — монеты, чеканенные в г. Антиохии Писидийской в середине III в. н. э. Определение римской части клада не вызывает сомнений и представляется в следующем виде: 1 монета принадлежала императору Максимилиану Дае (307—313 гг. н. э.), 3 — Константину I Великому (306—323 гг. н. э.), 9 — Констанцию II (323—361 гг. н. э.) и 1 монета — Прокопу

¹ В. Б. Антонович. Описание Киевского клада, содержащего римские монеты III и IV ст. «Древности», Труды МАО, т. VII, 1877, стр. 241—244.

² Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1889.

³ В. Е. Данилевич. Монетные клады, принадлежащие мюнц-кабинету Университета св. Владимира. Киев, 1892.

⁴ В. Б. Антонович. Описание монет и медалей, хранящихся в нумизматическом музее Университета св. Владимира, вып. 1. Киев, 1896, стр. 252—256.

(365—366 гг. н. э.). Таким образом, 14 римских монет охватывают время от 306 до 366 г., т. е. период в 60 лет.

Определение писидийской части клада встретило бóльшие трудности, поскольку около десятка монет из-за плохой сохранности допускали различные толкования (правда, в хронологическом отношении несущественные). В. Б. Антонович в 1877 г. описал 17 антиохийских монет, определив их следующим образом: Гордиану III (238—244 гг. н. э.) были приписаны 4 монеты, Волюзиану (сыну и соправителю Требониана Галла—251—253 гг. н. э.) — 11 и Галлиену (253—268 гг. н. э.) — 2 монеты. Н. Ф. Беляшевский, описавший все 45 монет, составлявших писидийскую часть клада, подошел несколько осторожнее, оставив 5 монет не определенными, а 6 монет предположительно отнес к Волюзиану или Валериану. Остальные монеты хронологически распределялись следующим образом: Филиппу Арабу (244—249 гг. н. э.) были приписаны 3 монеты, Траяну Децию (249—251 гг. н. э.) — 1, Волюзиану — 22 и Галлиену — 8 монет.

В 1896 г. В. Б. Антонович дал описание 57 монет, попавших в Киевский университет, и определял их следующим образом: Филиппу Арабу были приписаны 3 монеты, Траяну Децию — 1, Волюзиану — 28, Эмилиану (253 г. н. э.) — 5, Галлиену — 7 монет. Надо думать, что это определение, выполненное очень квалифицированно, наиболее правильно. В таком случае монеты, составляющие писидийскую часть клада, укладываются в отрезок времени между 238 и 268 гг. н. э., т. е. всего лишь около 30 лет.

Оболонский клад по составу представляет собой уникальное явление среди восточноевропейских древностей. Исследование находок римских монет на территории восточнославянских земель позволяет наметить некоторые закономерности в их распространении¹. Как показывает обзор фактического материала, включающего более тысячи находок (в том числе — свыше ста кладов, из которых многие содержали сотни и даже тысячи экземпляров монет), у древних восточных славян были широко распространены лишь римские серебряные монеты конца I в.—II в. н. э. Приток их на восточнославянские земли осуществлялся, главным образом, на протяжении II в. н. э., т. е. во время господства римлян в Дакии, когда существовали условия для поддержания тесных торговых связей с Римской империей. В начале III в. н. э. (после правления императора Септимия Севера — 193—211 гг. н. э.) эти сношения прерываются, что было обусловлено начавшимся кризисом III в. н. э., охватившим все стороны жизни империи. Приток римских монет на восточнославянские земли прекращается почти полностью: монеты III—IV вв. н. э. встречаются здесь довольно редко, причем попадание их сюда, повидимому, определялось уже не столько торговыми связями древнеславянских племен с римлянами, сколько военно-политическими событиями².

Исследование находок римских монет на восточнославянских землях позволяет сделать вывод о том, что эти монеты использовались древними славянами в качестве денежного знака для нужд торговли (в том числе,

¹ М. Ю. Брайчевський. Знахідки римських монет на території Української РСР. «Археологія», т. III, Київ, 1950, стр. 93—101; его же. О распространении римских монет у древних восточных славян. ВДИ, 1954, № 1, стр. 119—134; О. В. Фенін. Знахідки римських монет у Прикарпатті. «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 92—104; В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 241—281; его же. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 152—180.

² М. Ю. Брайчевський. Археологічні свідчення участі східних слов'ян у політичних подіях римської історії III—IV ст. н. е. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стр. 45—55; его же. Некоторые данные об участии восточных славян в событиях на Дунае 248—251 гг. н. э. КСИА, вып. III, Киев, 1954, стр. 8—13; В. В. Кропоткин. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 158—161.

в какой-то мере и внутренней)¹. Клады римских монет отражают процесс образования сокровищ в древнеславянском обществе, естественный процесс выпадения определенных денежных масс из обращения и одновременно характеризуют состав монет, находившихся здесь в обращении². Подавляющее большинство кладов включает, главным образом, денарии центральной чеканки 2-й половины I—II вв. н. э. (от Нерона до Септимия Севера), т. е. монеты, наиболее распространенные в древнеславянском обществе, причем хронологический диапазон обычно достаточно широк, охватывая указанный отрезок времени более или менее полностью. Даже поздние клады IV—V вв. н. э. — Борочицкий, Пустоваровский, Крылосский, Мукачевский, Брестовский, Береговский и др. — состоят в основном из монет конца I—II вв. н. э. и содержат лишь единичные монеты более позднего времени. Диапазон таких кладов охватывает, следовательно, несколько столетий.

По составу Оболонский клад резко отличается от описанных и перечисленных выше. Отличает его от большинства других восточноевропейских кладов римских монет то, что в нем обнаружены две чрезвычайно компактные в хронологическом отношении группы монет, причем одна из них, как мы уже упоминали, состояла исключительно из монет середины III в. н. э., чеканенных в Антиохии Писидийской — малоазиатском, ничем особо не примечательном городе, чьи монеты на территории восточнославянских земель больше не найдены ни разу. Совершенно очевидно, что Оболонский клад необычен для восточнославянского общества и связан с какими-то особыми, исключительными обстоятельствами.

Не вызывает сомнений и то, что Оболонский клад не составлялся постепенно в процессе накопления ценностей, как другие клады, а был вывезен откуда-то в том самом составе, в котором и попал в землю. Имея в виду две его части, различные хронологически и по месту чеканки, фактически можно говорить о двух кладах, из которых один был вывезен из Малой Азии в начале 2-й половины III в. н. э., а другой — примерно на столетие позже из неизвестного места поздней империи³.

Нас в настоящем случае интересует судьба писидийской части клада. Обращает на себя внимание большое количество монет Волузиана — императора, ничем не выдающегося, который самостоятельно никогда не правил и был лишь соправителем своего отца — Требониана Галла, чье царствование современники считали одним из наиболее мрачных периодов римской истории. Монеты Волузиана представляют собой относительную редкость; в частности, в Восточной Европе, помимо Оболенского клада, они не были найдены ни разу. Думается, получить их в таком количестве можно было лишь очень скоро после их выхода в свет, где-то близко от места чеканки, т. е. в районе Антиохии Писидийской. Более позднее время представлено несколькими экземплярами монет Эмилиана (253 г. н. э.) и Галлиена (253—268 гг. н. э.). Небольшое количество монет последнего при относительной продолжительности его правления, говорит само за себя; вряд ли можно сомневаться, что вывоз клада из Малой Азии мог произойти именно в царствование этого императора, причем, скорее, в его начальный, чем конечный период.

¹ М. Ю. Брайчевский. О распространении римских монет у древних восточных славян стр. 119—134.

² М. Ю. Брайчевский. Час обігу римської монети в антському суспільстві. «Археологія», т. VI, Київ, 1952, стр. 74—79.

³ Обстоятельства поступления клада (то, что монеты, его составлявшие, разошлись по рукам, а затем с большим трудом были собраны у жителей Подола) позволяют подозревать, что не все полученные монеты происходили из клада, найденного на усадьбе Магурина, что обе части — римская и писидийская — вообще происходят не из одной находки, а составляют два совершенно разных клада. На Подоле находки римских монет (в том числе и кладами) встречались довольно часто.

Таким образом, получаем дату — конец 50-х — начало 60-х годов III в. н. э. Это как раз то время, когда племена Северного Причерноморья осуществляли ряд морских походов на Малую Азию¹. В 257 г. произошел разгром Питиунта на Кавказском побережье Черного моря и Трапезунта — в восточной части Малоазиатского побережья². В 258 и 263 гг. опустошению подверглись соседняя с Писидией Вифиния и западное побережье Малой Азии³.

В 264 г. состоялся морской поход северо-причерноморских племен (особенно интересный для нас), во время которого они сумели прорваться во внутренние районы Малой Азии. Сведения об этом походе находим у Юлия Капитолина (одного из авторов Истории августов) и у Синкелла⁴.

Маршрут похода представляется в следующем виде (рис. 3). Повидимому, участвовавшие в нем причерноморские племена вначале двигались морем — вдоль восточного побережья. Высадка произошла где-то в восточной части северного побережья Малой Азии (вероятнее всего, — опять-таки в районе Трапезунта), ибо оттуда наступавшие могли проникнуть в Каппадокию, где их пребывание непосредственно засвидетельствовано Капитолином. Высадившись в Малой Азии, причерноморские племена, не встречая значительного сопротивления, проникли в центральные районы полуострова, дойдя до Каппадокии, где произошли серьезные бои, исход которых не вполне ясен. Однако после этого причерноморские племена сумели достигнуть важных успехов (источники сообщают о взятии ими нескольких городов). Обратный путь к морю лежал через Галатию (известно, что скифы появились под Пессинунтом в западной части названной провинции) — к Вифинскому побережью Малой Азии.

Обратный путь из Каппадокии, лежащей в самом центре Малой Азии, к Вифинскому побережью, расположенному в северо-западном ее углу, для нас чрезвычайно существенен, но, к сожалению, в источниках он отражен не вполне точно: «Скифы вторглись в Каппадокию, — пишет Юлий Капитолин. — Там они взяли города и долго вели войну с переменным успехом, а затем направились в Вифинию»⁵. Очевидно, путь скифов из Каппадокии лежал первоначально в западном направлении — в Писидию, в район Антиохии, а затем на север, к Пессинунту (Антиохия и Пессинунт лежат примерно на одной долготе). Быть может, Антиохия была даже в числе взятых городов.

Таким образом, вряд ли могут быть сомнения в том, что монеты, составляющие писидийскую часть Оболонского клада, были вывезены из Малой Азии в 264 г. н. э., во время описанного похода. Этот вывод представляется чрезвычайно существенным, ибо в таком случае Оболонский клад, найденный на территории восточнославянских земель и, следовательно, можно предполагать, зарытый славянами, выдвигается в качестве важного источника для изучения военно-политической деятельности восточных славян в середине и 2-й половине III в. н. э., в качестве свидетельства их участия в осуществлявшихся около того же времени морских походах причерноморских племен в Малую Азию.

Обычно в литературе эти походы рассматриваются в качестве «готских», т. е. проводимых если не исключительно, то — во всяком случае, — главным образом, готами. Такая точка зрения в настоящее время требует уточнения,

¹ А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1954, стр. 88—113.

² Зосим. Новая история, 31—33. ВДИ, 1948, № 4, стр. 276, 277.

³ Там же, 34—40, стр. 277, 278; Jordanis. De origine gothorum, XX, 107, 108; XXI, 110.

⁴ Юлий Капитолин. Два Галлиена, XI. ВДИ, 1949, № 3, стр. 261; Georgii Guncelli. Chronologia. Вонпае, 1929, стр. 716.

⁵ Юлий Капитолин. Указ. соч., стр. 261.

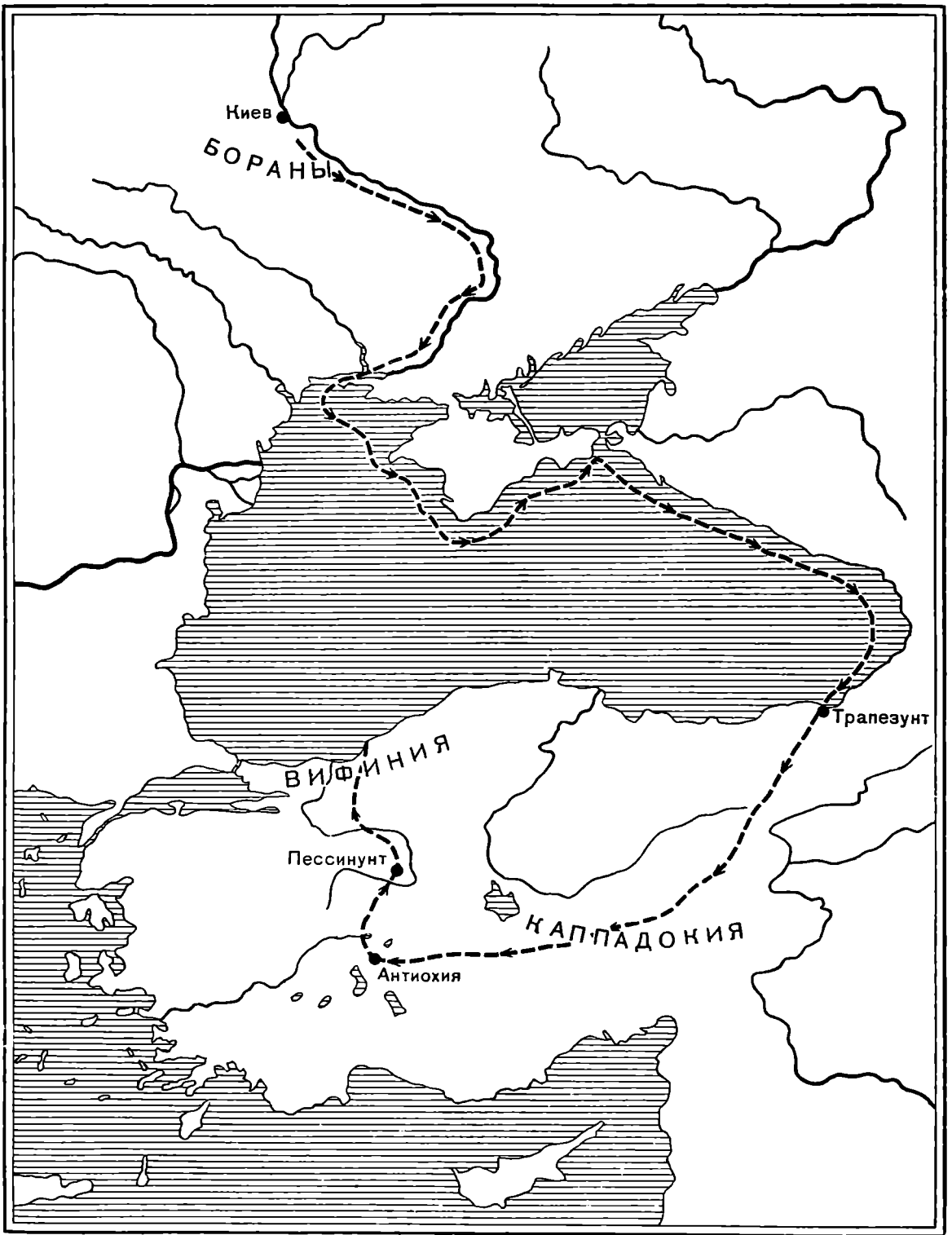

Рис. 3. Примерное направление похода причерноморских племен на Малую Азию в 264 г. н. э.

о чем уже неоднократно заявлялось в советской литературе¹. Во-первых, как установлено советскими исследователями, термин «готы», так же как и термин «скифы», представляет собой сборное обозначение самых различных по происхождению и этнической принадлежности племен Северного Причерноморья. Во-вторых, источники в ряде случаев прямо называют в числе участников этих походов, наряду с «готами или «скифами», и другие племена².

К сожалению, состав племен, участвовавших в походе 264 г., в источниках не указан (речь идет лишь о «скифах»). Однако решению вопроса во многом должны помочь данные об участниках других походов, предшествовавших походу 264 г. В числе упоминаемых племен очень интересно для нас племя боранов, которое, по утверждению Зосима, выступило даже инициатором морских походов вообще³; ими, в частности, проведен знаменитый поход 257 г., когда были разгромлены Пителиунт и Трапезунт. Базой похода служил Босфор, где бораны нашли решительную поддержку со стороны части населения. Любопытно, что поход 264 г. в первой своей (морской) части осуществлялся примерно по тому же маршруту, что и в 257 г. Напрашивается мысль, что организаторами (или, по крайней мере, участниками) этого похода были те же бораны.

Многие исследователи локализуют боранов в области Среднего Поднепровья и отождествляют их с позднейшими полянами древнерусских летописей⁴. Это предположение очень правдоподобно, ибо фонетически сравнение имен «бораны» и «поляне» вполне закономерно: замена губных и плавных — вполне естественное явление. Если это так, то появление Оболонского клада на территории Киева, бывшего, как известно, центром древнерусского племени полян, приобретает особое значение. Думается, что такое совпадение исторических и археологических данных едва ли случайно.

Все сказанное выше позволяет предполагать, что Оболонский клад, рассматриваемый в тесной связи с показаниями письменных источников о морских походах причерноморских племен в Малую Азию в 50 и 60-е годы III в. н. э., может служить свидетельством участия в этих походах приднепровских восточных славян.

---

¹ См., например, А. М. Ременников. Указ. соч., стр. 88—113.

² Зосим. Указ. соч., стр. 276, 278 и др.

³ Там же, стр. 276.

⁴ А. Д. Удадьцов. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. СЭ, 1946, № 2, стр. 49; Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 15, 16. Обычно принято также сравнивать это имя с паралатами Геродота, спорами Прокопия Кесарийского, спалами Иордана, борадами и борусками авторов первых веков нашей эры. Все эти племена локализуются где-то в области Среднего Приднепровья и прилегающих районах.

В. М. БРАБИЧ

ОСОБЕННОСТИ КРИЗИСА ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ НА БОСПОРЕ В III в. до н. э.¹

Начало III в. до н. э. в денежном обращении Боспора отмечено прекращением пантикапейской золотой и серебряной чеканки и выпуском только медных монет. На протяжении 1-й половины III в. до н. э. медные монеты выпускались в обращение в большом количестве и, судя по их надчеканкам, перечеканкам и резкому ухудшению фактуры, быстро обесценивались.

Примерно со 2-й половины III в. до н. э., с выпуском и автономных монет различных типов, и монет с именами правителей Боспора, начинается медленный, с кризисными рецидивами, процесс нормализации денежного обращения. К концу III в. — началу II в. до н. э. денежный кризис изживается, чему способствовали возобновление и упрочение чеканки серебряных монет, эпизодические выпуски золотых статеров от имени боспорских правителей и, как следствие всего этого, — стабилизация медных монет.

Деградацию денежного обращения на Боспоре в 1-й половине III в. до н. э., несомненно, следует рассматривать как кризисное явление, но явление специфическое, ибо археологические источники не свидетельствуют об упадке боспорской экономики в течение всего века.

Говоря о деньгах в экономике рабовладельческого Боспора, необходимо иметь в виду, что античное «денежное хозяйство» не проникло еще до отдельных клеточек экономического организма общества, несмотря на значительное свое развитие на основе рабовладельческого производства и быстрого роста торгового капитала. Деньги выступали либо в качестве посредников торговых сделок, либо сами служили объектом торговли (ростовщичество).

Обстановка, сложившаяся в эллинистическую эпоху, не могла благоприятствовать экономическому развитию Боспора: перемещение торговых путей на Восток, массовое поступление на греческие средиземноморские рынки дешевого хлеба из Египта, утрата Афинами ведущего положения среди греческих центров — все эти обстоятельства привели к сокращению внешней торговли Боспора, в первую очередь — его хлебного экспорта².

Конечно, Боспор продолжал вывозить зерновой хлеб на греческие рынки (например, на Родос и Делос), но уже по одной той причине, что Атика,

¹ Доклад, прочитанный на секции нумизматики пленума ИИМК АН СССР в апреле 1954 г.

² Ср.: С. А. Жебелев. Экономическое развитие Боспорского государства. Сб. «Северное Причерноморье». М.—Л., 1953, стр. 147, 148; его же. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. Там же, стр. 84, 85; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 76, 77.

закупавшая раньше огромные количества боспорского хлеба, перестала быть его основным импортером, можно с уверенностью говорить о сокращении крупных денежных сумм в золотой общеторговой монете, поступавших извне в течение V в. и почти всего IV в. до н. э. — во время расцвета Боспорского государства, во многом обусловленного успешной хлебной торговлей. Денежные суммы, выручавшиеся теперь в результате продажи на внешних рынках хлеба (а также, повидимому, и рыбы — второй важнейшей статьи боспорского вывоза в V—IV вв. до н. э.), затрачивались более или менее полностью на приобретение импортных товаров — аттической керамики, косского и родосского вина, синопского оливкового масла.

Сокращение притока золотой монеты не могло способствовать устойчивости боспорского денежного обращения и привело к исчезновению на внутренних рынках Боспора монет из драгоценных металлов. Функции платежного средства выполнялись оставшимися в обращении медными монетами; последние, не подкрепленные выпуском золотых или серебряных монет, нуждались в неоднократном подтверждении курса.

Выясняя особенности боспорского денежного кризиса, нельзя не остановиться на торговле Боспора с многочисленными скифскими, сарматскими и меото-синдскими племенами, окружавшими Боспорское царство.

В условиях античной рабовладельческой формации разделение между внутренней и внешней торговлей было очень слабо выражено из-за незрелости таможенной политики. Для удобства изложения мы примем следующее условное деление рынков в торговле Боспорского царства: 1) рынки внешние — торговля с греческими областями Западного и Южного Причерноморья и Средиземноморья; 2) рынки внутренние — торговля на рынках городов Боспора и племен, входивших в состав Боспорского царства; 3) рынки периферийные — торговля с племенами, расселявшимися за пределами Боспорского царства.

Сокращение внешней торговли Боспора, которая была основой материального благополучия государства, казалось бы, должно было неблагоприятно отразиться на состоянии всей экономики, на развитии ремесел и производства. Однако, как мы указали выше, археологические источники не свидетельствуют о кризисе боспорской экономики на протяжении III в. до н. э. Сокращение внешнеторговых операций было в значительной мере компенсировано сбытом продукции боспорских производств и транзитного импорта на периферийных рынках, которые в тот период стали основными источниками торговой прибыли.

По Кубани и Азовскому морю, Дону и Донцу товары направлялись далеко за пределы Боспорского царства — в районы Северного Кавказа, Восточной и Северо-Восточной Скифии, Южного Приднепровья¹. Одним из ходких продуктов сбыта на периферийных рынках было вино, производившееся на Боспоре в III в. до н. э. в промышленных масштабах, о чем свидетельствуют техническое оформление и размеры открытых раскопками виноделен. Это в свою очередь указывает на некоторые перемены в сельском хозяйстве Боспора, на переход от интенсивного производства зерновых культур к широкому развитию виноделия, что, несомненно, было вызвано сокращением экспорта хлеба. По той же причине важнейшая статья коммерческих связей с периферийными рынками — покупка хлеба — утратила для боспорской торговли былое значение. Боспору для удовлетворения своих потребностей (а также в какой-то части и для экспорта) стало достаточно собственного хлеба.

Вино уже в IV в. до н. э. являлось весьма распространенным товаром среди местных племен, потребности которых в этом продукте удовлетворялись в основном путем импорта из Средиземноморья. В III в. до н. э.

¹ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 89, 90.

на Боспоре стало налаживаться производство собственных виноградных вин с целью извлечения прибыли от продажи их на периферийных рынках.

Боспорские города не ограничивались ролью торговых передаточных пунктов, через которые поступали на периферийные рынки импортные товары и распространялись ювелирные и керамические изделия. В III в. до н. э. на Боспоре получили развитие такие ремесла, как изготовление «акварельных» ваз, изящной серебряной посуды и высокохудожественной торевтики.

Таким образом, существование на Боспоре деградировавшей медной монеты при широком развитии местных производств и развернутой торговле на периферийных рынках — первая особенность кризиса боспорского денежного обращения.

Потребителями боспорской продукции на периферийных рынках были племена, которые к III в. до н. э. не имели своей монеты¹. Появление металлических денег связывается с возникновением купечества. У племен, обитавших за пределами Боспорского царства и торговавших с ним, могли действовать отдельные торговые посредники из местных жителей; но купечества в том смысле слова, в каком оно обычно применяется к Боспору, т. е. в значении особого слоя населения, занимавшегося исключительно торговыми операциями и ставшего определенной экономической силой, у местных племен не существовало.

Широкое развитие торговли на периферийных рынках подтверждается многочисленными находками далеко за пределами Боспора разнообразных изделий греческого происхождения, а также изготовленных в боспорских мастерских с учетом местных вкусов и традиций. Можно предположить, что товарообмен на этих рынках происходил на основе развернутой или полной формы стоимости: товару противостоял не один какой-либо товар, а ряд товаров, в которых могла найти выражение его стоимость. При этом функция меры стоимости выполнялась товарами, получившими обоюдное признание в качестве паритета товарообмена: например, золото или серебро как сырье — со стороны местных племен, золото или серебро в ювелирных изделиях — со стороны боспорских купцов.

Не случайно в качестве примера паритета товарообмена мы остановились на драгоценных металлах. Большое количество золотых и серебряных изделий, найденных за пределами Боспорского царства и относящихся к III в. до н. э., свидетельствует, что торевтика была ходким товаром и пользовалась спросом у местного населения. Большую роль играла и торговая специфика ювелирных изделий; предметы роскоши, благодаря своему небольшому объему и большой ценности, лучше всего вознаграждали торговца за трудности и опасности транспортировки товаров.

Таким образом, процесс торговли Боспора на периферийных рынках в III в. до н. э. строился на отношениях натурального обмена, что при существовании на Боспоре своей монеты может считаться, на первый взгляд, регрессивным явлением. Однако это только кажущийся регресс, так как в течение V в. и большей части IV в. до н. э. — в эпоху активной внешней торговли — торговля на периферийных рынках строилась также на натуральном обмене. Но тогда он как бы затушевывался размахом денежных операций экспортно-импортной торговли на других рынках. В боспорской экономике V—IV вв. до н. э. на первом месте по значимости стояла внешняя торговля, на втором месте — внутренняя, охватывающая и периферийные рынки.

¹ Как исключение следует отметить Синдику. Быстрое развитие процесса социально-экономических и культурных отношений у синдских племен отразилось в выпуске еще в конце V в. до н. э. собственной монеты. Но большого развития синдский чекан не получил: в IV в. до н. э. Синдика была присоединена к Боспору и прекратила выпуск монеты.

В III в. до н. э. на первый план в боспорской экономике выступила периферийная торговля и особое значение получил натуральный обмен, путем которого верхи боспорского населения приобретали у местных племен сырье для ремесленных мастерских. Такая организация торговли на периферийных рынках обеспечивала развитие различных отраслей хозяйства и сбыт продуктов их производства.

Итак, развитие ремесел на основе сбыта продукции на периферийных рынках без посредства монеты, а путем натурального товарообмена, — вторая особенность боспорского денежного кризиса.

В условиях сократившейся торговли на внешних рынках и развернувшегося натурального товарообмена на периферийных обращение на Боспоре собственных монет из драгоценных металлов уже не было необходимостью. Для удовлетворения нужд внутренних рынков стало достаточным обращение медной монеты.

Драгоценные металлы, поступавшие на Боспор с периферийных рынков как сырьевой материал, перерабатывались в мастерских, а изготовленные там различного рода ювелирные изделия снова шли на обмен, на периферийные рынки. Источниками прибыли для Боспора в данных условиях, по всей вероятности, служили: во-первых, неэквивалентный обмен, ибо изделия из драгоценных металлов расценивались дороже, чем сами металлы; во-вторых, торговля вином и керамикой, изготовлявшимися из боспорского же сырья; в третьих, продажа какой-то части импорта (керамика, вино, оливковое масло) на периферийных рынках.

Отказ от обращения собственной монеты из драгоценных металлов в условиях натурального обмена на периферийных рынках и удовлетворение внутренних нужд обращением только медной монеты — третья особенность изучаемого нами кризиса.

Мы сознательно не затрагиваем здесь некоторых вопросов, связанных с кризисом денежного обращения на Боспоре, но заслуживающих специального рассмотрения, и ограничимся лишь краткими замечаниями.

1. Было бы ошибочным полагать, что торговля Боспора на периферии протекала в спокойных условиях. Резкое ухудшение медной монеты свидетельствует о нарушении нормального товарообмена. Эти нарушения вызывали в свою очередь колебание цен на продукты производства на внутренних рынках Боспорского царства и необходимость неоднократного подтверждения стоимости оставшихся в обращении монет.

Причинами, вызывавшими затруднения в области товарообмена, очевидно, были перемещения племен, осложнившиеся отношения со скифами, политическая борьба внутри самого Боспора.

2. Начиная со 2-й половины III в. до н. э., наблюдается оживление внешней торговли. Примерно в то же время начинается медленный процесс нормализации боспорского денежного обращения. Можно предполагать, что эти два явления были связаны между собой.

3. Как бы ни сократились масштабы внешней торговли Боспора к началу III в. до н. э., государство не могло обходиться без золотой монеты, рассчитанной на внешний рынок. Место пантикапейских статеров на протяжении 1-й половины III в. до н. э. занимают статеры Александра Македонского, в то время бывшие общеторговой монетой на греческих рынках вообще.

С оживлением боспорской внешней торговли во 2-й половине III в. до н. э. место александровских статеров занимают лисимаховские, которые, как и монеты Александра, оказали немалое влияние на боспорскую чеканку.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

О КЛАССИФИКАЦИИ СЕРЕБРЯНЫХ СТАТЕРОВ ОЛЬВИИ
IV в. до н. э.¹

Ольвийские статеры эгинской весовой системы², единогласно относимые нумизматами к IV в. до н. э., не были до настоящего времени объектом специального изучения. Одна из причин этого, несомненно, — редкость подобных монет; в крупнейших музеях они насчитываются единицами. Сейчас известны веса 42 монет и более подробные данные о 39 монетах, которые были доступны нам в оригиналах, слепках, изображениях или достаточно надежных описаниях³.

Все нумизматы, касавшиеся этой серии серебряных монет, рассматривали ее как нечто однородное. А. Н. Зограф, констатируя, что ольвийские статеры «чрезвычайно разнятся между собой не только по стилю и качеству исполнения, но часто даже и по качеству металла», не пытается проследить какие-либо закономерности в различиях и приходит лишь к сомнительному заключению, что эти монеты вообще «мало подходят к роли устойчивого и неизменного мерилла стоимости»⁴. Выделяя эрмитажный экземпляр⁵ как исполненный особенно изящно, А. Н. Зограф готов видеть в нем прототип всей серии, а монеты с иными стилистическими признаками объявляет подражаниями, объясняя их низкое качество отсутствием в Ольвии «прочной художественной культуры». На недопустимость и натянутость этого взгляда уже было указано, здесь же следует сказать, что и замечания А. Н. Зографа о времени производства ольвийских статеров весьма противоречивы; в общем он относит их выпуск к одному-двум десятилетиям, а начало чекана — ко времени около 330 г. до н. э.⁶

Между тем внимательное ознакомление с монетами изучаемой серии позволяет разделить их на две отчетливо противостоящие друг другу группы. К первой группе (включающей № 1—28)⁷ относятся монеты, отличающиеся хорошим (по крайней мере, по внешнему виду) качеством

¹ Доклад, прочитанный на секции нумизматики пленума ИИМК АН СССР в апреле 1954 г.

² См. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXXII, 2, 3.

³ Данные о монетах изучаемой серии сведены в приложении к настоящей статье. Пользуюсь случаем выразить благодарность дирекции Института археологии АН УССР, а также администрации и работникам нумизматических кабинетов ГИМ, ГМИИ, ГЭ и Одесского археологического музея за предоставленные материалы.

⁴ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 126.

⁵ Там же, табл. XXII, 2 и стр. 127.

⁶ Там же, стр. 126—129.

⁷ В скобках указаны номера по списку ольвийских статеров в приложении к настоящей статье. Эти же номера соответствуют изображениям монет на рис. 4; буквами на рис. 4 обозначены монеты, не входящие в данную серию.

металла, некоторой неправильностью очертаний монетного кружка, четко выраженной вдавленностью оборотной стороны, высоким рельефом изображений, а также наличием дифферентов (колос, трезубец) и, кроме одного исключения, сокращений магистратских имен. Изображение Деметры, помещенное на лицевой стороне, выполнено в соответствии с лучшими образцами греческого искусства: богиня представлена не слишком юной, но все еще молодой, с несколько строгим выражением правильных и привлекательных черт лица. На обороте монеты орел, терзающий дельфина, изображен свободно и близко к натуре, крылья его широко разведены в стороны и переданы без всякого схематизма (особенно № 1, 2, 3, 5) или с легкой долей стилизации (№ 3, 7, 16—28). Дельфин плавно изогнут и по всему облику близко напоминает дельфинов на медных литых монетах Ольвии с фасовым изображением Деметры.

Монеты второй группы (№ 29—39) чеканены из плохого серебра, отличаются круглым, тонким и плоским монетным кружком, низким рельефом изображений. Дифференты и сокращения имен всегда отсутствуют. Деметра трактована в иной, более условной и небрежной манере: на одних экземплярах лицо ее приобретает излишнюю полноту и одутловатость, на других, напротив, — угловатость и резкость очертаний (№ 31, 37, 38). Волосы, которые на монетах предыдущей группы всегда моделированы нетолстыми прядями, сходящимися у макушки и непринужденно спускающимся на плечи, показаны широкими параллельными рядами, направленными к затылку, а распушенные локоны уложены неестественно крупными крутыми завитками. Изображение орла на обороте схематично и выполнено с геометрической сухостью; кроющие перья представлены точками, маховые — параллельными валиками, которые сохраняют вначале легкую кривизну и утончаются к нижнему краю крыла (№ 29—31), а затем приобретают безжизненную прямизну и тупо обрываются на концах (№ 32—38).

Уже этого перечисления фактурных и стилистических различий, присущих монетам той и другой группы, достаточно, чтобы отказаться от представления о том, что вся серия составляет одно целое. Приведенные особенности нельзя объяснить случайностью, так как намеченные группы существенно отличаются и средним весом входящих в них монет: 11,94 г для первой группы и 12,41 г — для второй.

Первая из групп распадается в свою очередь на подгруппы, обозначаемые в дальнейшем буквами латинского алфавита. Первую из них (подгруппу А) составляет всего одна монета (№ 1), имеющая дифферент — колос, но лишенная еще буквенных обозначений имени магистрата; на стateraх второй подгруппы В, из которых три биты одним штампом аверса, порой встречается колос и появляются сокращения $\Phi\lambda$, Δ , $\Delta\rho$, ρ , σ , заключающие, как можно догадываться, имена магистратов (№ 2—6). Третья подгруппа С представлена монетой (Государственный Эрмитаж) с именем $\text{AP}\Sigma$ и другим статером с именем $\text{MO}\Sigma\text{X}$ (№ 7, 8). К четвертой подгруппе D следует отнести статер с монограммой ξ и дифферентом в виде колоса (№ 9), к пятой подгруппе E — монеты без дифферента с буквами E или Θ (архаическая тета), из которых две были найдены в Ольвии в 1946 г. Наиболее полно представлена в коллекциях шестая подгруппа F с дифферентом в виде трезубца и монограммами ΓE и $\varkappa$. Последних статеров было, надо полагать, отчеканено немало; по крайней мере, 14 из входящих в эту подгруппу 16 монет были выбиты восьмью разными штемпелями лицевой стороны.

Монеты второй группы могут быть все объединены в одной подгруппе G, причем здесь можно выделить переходные от предыдущей подгруппы экземпляры Государственного Эрмитажа, Парижа (Кабинет медалей) и Одесского музея (№ 29—31). Остальные монеты этой группы (Государ-

ственного Исторического музея, Британского музея и др.) выбиты по большей части одной парой штемпелей и весьма показательны с точки зрения схематизации и ухудшения стиля.

При рассмотрении ольвийских статеров в установленном порядке не трудно заметить, что имена магистратов, появившиеся уже на монетах подгруппы В, заменяются вскоре монограммами. Если бы такой переход от имен к монограммам не наблюдался на одновременных медных монетах Ольвии, указанное обстоятельство могло бы служить аргументом против предлагаемой последовательности. Однако на известных медных монетах с изображением Деметры и орла с дельфином в когтях вслед за наиболее архаическими экземплярами, лишенными упоминаний о должностных лицах, идут серии с многочисленными сокращениями магистратских имен¹. В то же время на первых сериях несомненно более поздних медных монет с изображениями Борисфена и оружия находим вначале одни только монограммы, которые лишь впоследствии разворачиваются снова в сокращения имен². Таким образом, возвращение от более полного начертания имени к монограмме свойственно не только изучаемому серебру, но и современным ему медным монетам Ольвии.

При группировке ольвийских статеров необходимо принять во внимание характер находящихся на них буквенных начертаний. На статерах подгрупп А, В и С преобладают написания, составленные из мелких ровных букв. Омикрон имеет те же размеры, что и остальные буквы; бета невелика, притом обе ее петли узки и вытянуты в длину; верхний и нижний штрихи сигмы слегка наклонны (№ 2, 4, 5, 7, 8). Эти черты прослеживаются также на ранних медных монетах Ольвии с изображениями Деметры и орла с дельфином в когтях. На статерах подгрупп D—G находим сильное уменьшение омикрона, увеличение ламбды и особенно беты, петли которой, четко отделенные друг от друга, велики и округлы. Такой же характер имеют буквы на «борисфенах», относимых А. Н. Зографом уже к III в. до н. э. Эти палеографические признаки проявляются порой и на некоторых монетах подгруппы В (№ 3), но еще не столь ясно выражены, как на следующих выпусках.

Подобная последовательность буквенных начертаний хорошо известна по эпиграфическим памятникам Ольвии. Постановление в честь Херигена, датируемое первыми десятилетиями IV в. до н. э.³, и некоторые из ранних надгробий⁴ совпадают по характеру письма с надписями на статерах подгрупп А—С. Обломки других декретов о проксении⁵, а также надпись в честь Каллиника⁶, относимые В. В. Латышевым суммарно к IV в. до н. э., дают разительные аналогии с буквами на монетах подгрупп D—G. Учитывая, что в начертаниях ламбды и иоты на монетах трех последних подгрупп можно подметить утолщения в виде точек на концах линий, позволительно было бы сравнивать по характеру начертания надписи на монетах и письмо ольвийских декретов III в. до н. э. Наконец, декрету из Анадолу-Кавак⁷, который датируется 1-й половиной IV в. до н. э., присущи черты письма, характерные для переходных по шрифту экземпляров монет.

Приступая к определению времени чекана отдельных подгрупп изучаемых монет, следует прежде всего возразить против попытки А. Н. Зографа связать в единую серию с ними ольвийские драхмы аттической

¹ В. В. Голубцов. Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг. ИАК, вып. 51. 1914, табл. XV—XXVI.

² А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXII, 14—22.

³ IOSPE, I², № 20.

⁴ IOSPE, I², № 210, 216.

⁵ IOSPE, I², № 21—23.

⁶ IOSPE, I², № 25.

⁷ IOSPE, I², № 24.

системы (средний вес — 2,93 г) с изображениями Деметры и дельфина (рис. 4 — д)¹. Необходимо подчеркнуть, что эти драхмы совпадают по фактурным, стилистическим и палеографическим признакам лишь со статерами подгруппы G и заметно отличаются от всех предшествующих. Статерам первой группы соответствуют во всех отношениях весьма редкие драхмы эгинского веса (средний вес — 5,64 г), еще более редкие, чем сами статеры (рис. 4 — в). К статерам первой группы примыкает и уникальная драхма Британского музея, имеющая тот же тип реверса, но несущая на аверсе не профильное, а фасовое изображение Деметры (рис. 4 — а)².

Золотые монеты Ольвии (мы имеем в виду статер Брюссельского музея и так называемые «ольбики») также невозможно объединять в одну серию и объявлять резкие различия между ними просто случайностью. В самом деле, если золотой статер находит себе точную аналогию в указанных драхмах эгинского веса и в одном из серебряных статеров подгруппы D (№ 9), то гемидрахмы фактурой и стилем изображений чрезвычайно близки к статерам второй группы и драхмам аттической системы, примыкающим к последним. Такое четкое распределение современного статерам серебра и золота Ольвии на группы, отличающиеся признаками, очерченными выше при классификации статеров, подтверждает эту классификацию. Подобные различия намечаются и при изучении медных монет IV в. — начала III в. до н. э., но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Для определения начала всего этого чекана нужно принять во внимание наличие среди изучаемых серий упоминавшейся драхмы с фасовым изображением Деметры. Эта драхма должна относиться, несомненно, к тому периоду, когда фасовые типы вообще стали распространяться на монетах Северного Причерноморья. А. Н. Зограф устанавливает, что они почти одновременно появляются на серебре Тире и Херсонеса, а также на золоте и серебре Пантикапея примерно в 60-х годах IV в.³ Нам, однако, представляется, что эта дата верна лишь по отношению к Боспору, Херсонес же и Тира, сравнительно слабее связанные с метрополией в 1-й половине IV в. до н. э., вводят фасовые типы уже во 2-й половине века, между 350 и 330 гг.⁴ Учитывая, что в Ольвии и раньше, и позже были монеты с фасовыми типами⁵, можно считать, что серебро с фасовым типом Деметры приходится примерно на 30-е годы IV в. до н. э.

Все это находит подтверждение и в том, что драхма с фасовым типом Деметры имеет ту же монограмму, что и статер подгруппы D (№ 9), который в свою очередь объединяется не только монограммой, но и дифферентом и вообще всем своим спокойным и уверенным стилем как с частью редчайших драхм эгинского веса, так и с единственным золотым статером уже аттического веса. Время чекана этой серии, где золото и серебро биты по разным весовым системам, трудно было бы отодвинуть к более позднему времени, чем 30—20-е годы IV в. до н. э. С этим почти точно согласуется данная А. Н. Зографом датировка статера (№ 7, с именем магистрата ΑΡΙΣ), непосредственно предшествующего выпуску охарактеризованной серии золота и серебра. О том, что монета № 7 действительно выбита на грани 30-х годов IV в. до н. э., т. е. почти одновременно с первыми македонскими эмиссиями Александра, красноречиво свидетельствует весь ее детализированный и несколько рафинированный стиль. Этим же временем

¹ А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXII, 7.

² E. Robinson—Num. Chron., 4-th ser., XII, 1912, табл. IV, 6.

³ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 66, 67, 112, 146, 176.

⁴ А. Л. Бертъе-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса ЭОИД. т. XXVI, 1906, стр. 222—224.

⁵ Ср. литые V в. до н. э. (А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXI, 1—5) и серебро конца III в. до н. э. (E. Robinson—Num. Chron., XVII, 1937, табл. VII, 6; В. Pick. Die antiken Münzen Nordgriechenlands, Bd. 1. Berlin, 1898, табл. X, 10).

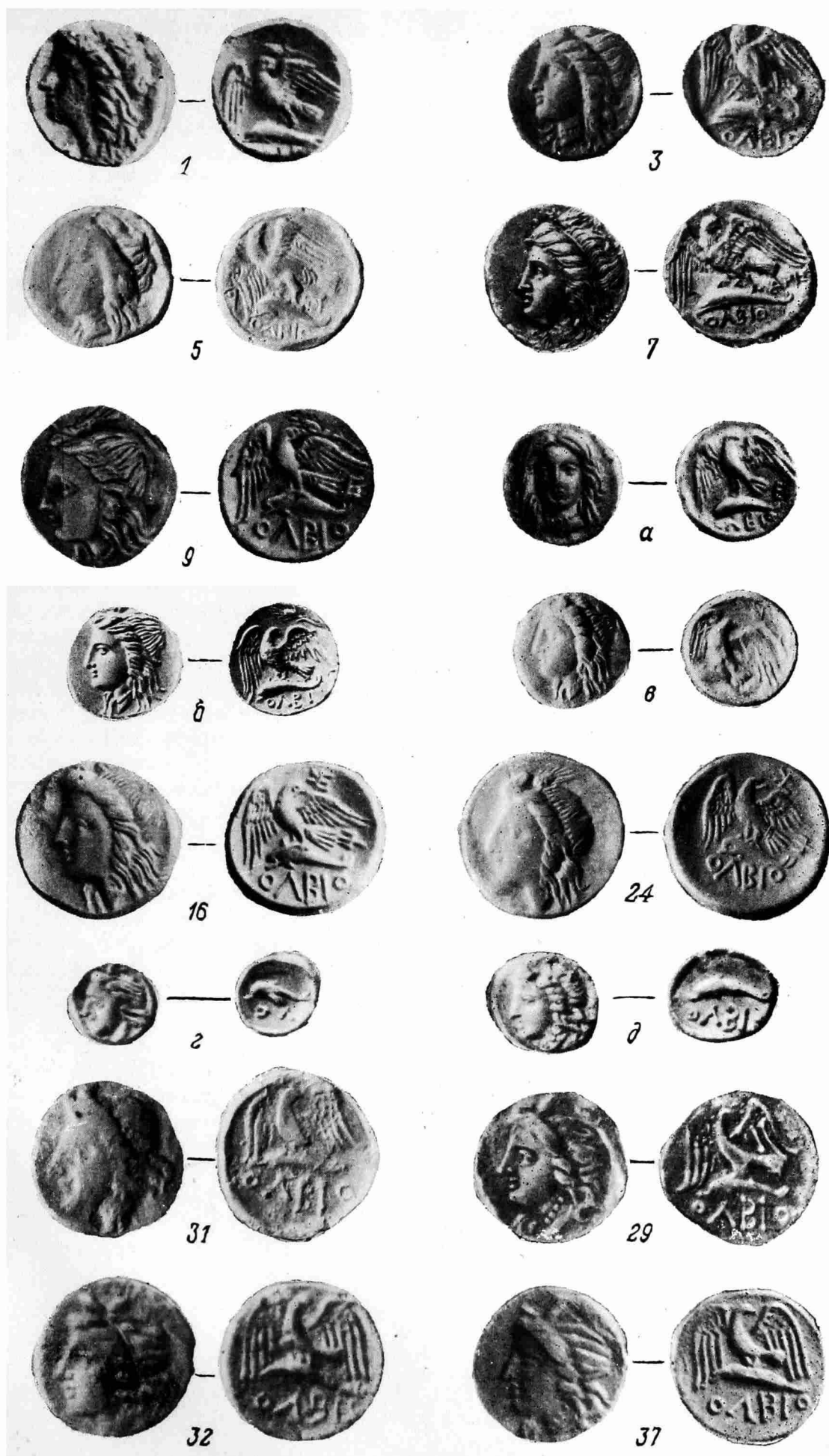

Рис. 4. Ольвийские монеты IV в. до н. э.

датируется и другой статер подгруппы С с именем МОСХ (№ 8). В самом деле, вряд ли можно счесть натяжкой отнесение к тому же магистрату известных ольвийских гончарных клейм с именем МОСХО, которые и по грамматическим, и по палеографическим признакам старше последней четверти IV в. до н. э. Наконец, в одну серию со статерами подгруппы С входят и чеканенные медные монеты с именами тех же магистратов МОСХ и АΡΙΣ¹.

Если приведенные определения заслуживают внимания, можно принять, что непосредственно примыкающая к подгруппе D следующая подгруппа статеров E выбита в середине 20-х годов IV в. до н. э., а серия статеров с дифферентом в виде трезубца и монограммами ΓΕ и Ξ (подгруппа F) — между 325 и 305 гг. до н. э. Тогда чекан статеров, входящих в подгруппу G, приходится на 295—285 гг. до н. э., чему не противоречат фактура и стиль как этих монет, так и упомянутых драхм и золотых тетарт с изображением дельфина. Принимая, наконец, во внимание, что статерам подгруппы С предшествуют еще две подгруппы, начало серебряных эмиссий Ольвии можно отнести к последнему десятилетию 1-й половины IV в. до н. э.

Весьма существенно, что появление серии золота, битого по аттической системе, и серебра, чеканенного по эгинской системе в двух номиналах, сопровождалось переходом к новым типам меди. Речь идет о «борисфенах». Начало их выпуска, датированное А. Л. Бертье-Делагардом 1-й половиной IV в. до н. э., А. Н. Зограф относит на основании сравнения с золотыми статерами Пантикапея, с медью царей Птолемея и Пирра и монетами Акрании на 2-е десятилетие III в. до н. э.² Представляется, что для этого нет оснований, тем более что отмеченные А. Н. Зографом черты самых ранних серий «борисфенов» (своеобразная трактовка волос широкими плоскими прядями, прорезанными внутри глубокими бороздами, а также плоская поверхность аверса при правильной легкой вдавленности реверса) сближают эту медь со статерами подгрупп D—G. Вряд ли случайно, что монограммы, представленные на статерах подгрупп D, E и F, встречаются и на первых выпусках «борисфенов», причем медь с монограммой Ε, известной на уникальном статере (№ 9), весьма редка, а монеты с монограммой Ξ, встречающейся на пятнадцати статерах (№ 14—28), довольно обыкновенны³.

Учитывая, что имеются все основания считать монеты с изображением Борисфена результатом редукции крупных литых монет, можно заключить, что эта редукция составляла часть широко задуманной монетной реформы, проведенной на грани 30 и 20-х годов IV в. до н. э. Отказавшись от полноценной литой монеты и заменив ее «борисфенами», которые весили по А. Н. Зографу, в десять раз меньше своей номинальной ценности, ольвиополиты одновременно выпустили золотые статеры, приравняв их к 400 медным монетам. Это золото призвано было заменить обрацавшиеся прежде в Ольвии кизикины, чекан которых прекращается незадолго до 330 г. до н. э.; оно было выбито уже по аттической системе, но одновременное серебро еще сохранило старый эгинский вес (статер — 11,94 г, драхма — 5,48 г).

Было бы, пожалуй, слишком трудно при настоящем уровне наших знаний истории Ольвии указать причину этой монетной реформы. Не лишне, однако, вспомнить, что незадолго до этого Ольвия выдержала нападение

¹ А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXII, 4; G. Hill. Num. Chron., V-th ser., X, 1930, табл. XIX, 3.

² А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 131; А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене. НС, т. I, 1911, стр. 91 и сл.

³ Pisk. Указ. соч., табл. IX, 27; G. Hill. Num. Chron., V-th ser., X, 1930, табл. XIX, 5.

Зопириона, причем ольвиополиты действовали в союзе с соседними племенами, против которых и направлялся, собственно, поход. Опасность заставила граждан осуществить серьезные внутренние мероприятия; по свидетельству Макробия в его «Сатурналиях»¹, «осажденные Зопирионом борисфениты освободили рабов, дали права гражданства иноземцам, отменили долговые обязательства и смогли удержать врага». На основании аналогий с другими государствами античного мира можно предположить, что кассация долгов сопровождалась и в Ольвии изменением в монетном деле — переходом от обращения полноценной литой медной монеты к «борисфенам», имевшим условную ценность. В связи с этим становится понятным и экономический смысл появления золота: так как «борисфены» пришли на смену тяжелым литым монетам, они могли получить хождение по курсу последних лишь потому, что были обеспечены выпуском золота, к которому служили разменной монетой. С другой стороны, золотой чекан Ольвии можно расценивать и как своеобразную политическую декларацию полуса, сумевшего отстоять независимость.

Следует признать вместе с А. Н. Зографом, что ольвийский золотой чекан был эпизодическим и эфемерным. Причина этого ясна — непосредственно вслед за его началом Причерноморье было наводнено золотой монетой Александра и Лисимаха. Выдержать конкуренцию с их золотом не смог даже несравненно более богатый Боспор. Ольвиополиты вскоре вынуждены были ограничиться чеканом золотых тетарт, а затем и вовсе прекратить выпуск золота; вслед за этим был приостановлен (не позже 2-го десятилетия III в. до н. э.) и чекан серебряных монет старшего номинала.

В одну серию с золотыми тетартами² входят, как показано выше, статеры второй группы и драхмы аттической системы³. Непонятным представляется то, что золото и мелкое серебро этой серии выбиты по аттической системе, а статеры — по эгинской. Кроме того, вес мелкого серебра резко понижен (в среднем — 2,93 г), а вес крупных серебряных монет повышен в сравнении с соответствующими стандартами (12,41 г). Причина такого несоответствия заключается в том, что серия эта была переходной от эгинской системы к аттической, причем номинал, вес которого был доведен (частично за счет ухудшения лигатуры) до 12,41 г, может одновременно рассматриваться как эгинская дидрахма и как аттическая тридрахма. Подобные монеты, входящие одновременно в две весовые системы, хорошо известны в Херсонесе для несколько более раннего времени, причем и там не остановились перед введением такого необычного номинала, как тридрахма. Мелкое серебро этой серии может также рассматриваться и как эгинская полудрахма, и как тетробол аттической системы.

Итак, чекан серебра по эгинской системе начинается в Ольвии, как и в соседних Истрии и Тире, в 60-х годах IV в. до н. э. Первые выпуски статеров (подгруппы А — С) обращались одновременно с полноценными литыми медными монетами и с кизикинами, что нашло отражение в декрете из Анадолу-Кавак. Выпуск статеров первой группы и литья продолжался до 30—20-х годов IV в. до н. э., когда ольвиополиты провели редукцию меди и начали выпуск золота (уже по аттической системе). Впрочем, городу, золотые запасы которого были относительно невелики, уже на рубеже IV и III вв. до н. э. пришлось ограничиться выпуском золотых тетарт. К этому же времени относится и вторая группа статеров, которая была в Ольвии соединительным звеном между эгинской и аттической системами: не исключена возможность усматривать в них и тетрадрахмы родосской системы, сильно упавшие в весе.

¹ Macrobius. Sat., I, 11, 33.

² А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXII, 8; см. также рис. 4 — 2 нашей статьи.

³ Там же, табл. XXXII, 3, 7; см. также рис. 4 — д, 29, 31, 32, 37 нашей статьи.

СПИСОК ОЛЬВИЙСКИХ СТАТЕРОВ IV в.—начала III в. до н. э.

- Л. с.: Голова Деметры влево; на шее — ожерелье, в волосы вплетены два колоса; локоны свободно ниспадают на плечи.
 О. с.: Орел с распущенными по сторонам крыльями, стянутый вправо на дельфине, обращенном влево; голова птицы повернута назад. Под дельфином — ОΛΒΙΟ.

Подгруппа А (около 360 г. до н. э.)

- Л. с.: Детали прически неразличимы.
 О. с.: Маховые перья в крыльях орла прямые, кроющие — представлены зубчиками; перья хвоста плотно сжаты. Над орлом — колос вершиной влево. Буквы надписи мелкие, все — одного размера.
 1. 23 мм, 11,73 г. Кембридж. S. Grose. Catalogue of Mac-Clean collection of Greek coins, v. II. Cambridge, 1926, стр. 153, № 4273, табл. 155, 4.

Подгруппа В (около 350—340 гг. до н. э.)

- Л. с.: Волосы на голове уложены широкими пышными прядями, сходящимися у макушки; каждая прядь делится на несколько тонких прядок.
 О. с.: Под правым крылом орла — Φ, между хвостами орла и дельфина — Α; следы колоса.
 2. 22 мм, 12,37 г. А. Л. Бертье-Делагард. Catalogue Naville et Comp., V. Genève, 1923, стр. 63, № 1572, табл. XLVIII, 1572.
 О. с.: Под правым крылом орла — Α; колоса не видно, так как штамп сдвинут вверх.
 3. 23 мм, 12,15 г. ВК; Х. Гиль — ЗРАО, т. VII, 1895, стр. 217, 218, № 2, табл. XVIII, 2; Coll. R. Jameson, t. III, Suite des monnaies grecques. Paris, 1924, стр. 91, № 2140, табл. CXIV, 2140.
 О. с.: Маховые перья в крыльях изогнуты на концах; под правым крылом — ΔΡ; колос.
 4. 22—23 мм, 12,78 г. ВК; Chг. Giel. Kleine Beiträge. M., 1886, стр. 1, 2, табл. I, 2.
 О. с.: Маховые перья прямые, как на статерах № 1—3; слева у крыла в поле — Ϟ; между хвостами орла и дельфина — Ϟ. Колоса нет.
 5. 22 мм, 12,06 г. ГИМ, П Бурачков. Общий каталог монет... Одесса, 1886, стр. 64, № 169, табл. VI, 135; Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма. М., 1928, табл. 18, 1.
 6. 21—22 мм, 8,21 г. (поврежден). ВК, Лондон. Catalogue Naville et Comp., IV. Genève, 1922, стр. 32, № 497, табл. XX, 497; E. Robinson—Num. Chron., XVII, 1937, стр. 92, № 2, табл. VII, 2.

Подгруппа С (около 340—335 гг. до н. э.)

- О. с.: Маховые перья слегка изогнуты; между хвостами орла и дельфина — ΑΠΣ.
 7. 23—24 мм, 12,53 г. Эрмитаж. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXXII, 2.
 О. с.: Маховые крылья прямые, ΜΟΣΧ.
 8. 22—23 мм, 11,78 г. Catalogue of some rare Greek coins in gold, silver etc., Coll. P. Lewis Smith. S. I., 1927, стр. 12, № 398, табл. V, 398.

Подгруппа D (около 330 г. до н. э.)

- Л. с.: Каждая широкая прядь волос на голове делится на две тонких; пряди сходятся к макушке.
 О. с.: Крылья широко разведены, хвост веерообразно распущен; колос, над хвостом дельфина — Ϛ. В надписи омикрон резко уменьшен.
 9. 23 мм, 11,92 г. Частное собрание. Не издан.

Подгруппа Е (около 325 г. до н. э.)

- О. с.: Над орлом, вместо колоса, — буква Ε.
 10. 22 мм, 12,27 г. Найден в Ольвии в 1946 г. Не издан.
 11. 22 мм, 11,57 г. Найден в Ольвии в 1946 г. Не издан.
 О. с.: Над орлом — буква Θ.
 12. 23 мм, 11,96 г. Курис. Не издан (рукописный каталог собрания Л. И. Курис, б. г., стр. 3, № 2).

Подгруппа F (около 325—305 гг. до н. э.)

- Л. с.: Волосы представлены тонкими прядями, сходящимися к макушке.
 О. с.: Крылья орла расположены, как на старое № 9; кроющие перья представлены не зубчиками, а точками. Над орлом — ПЕ; за хвостом — трезубец.
13. 22 мм, 12,12 г. Частное собрание. Не издан.
 О. с.: Над орлом — Ж.
14. 22 мм, 11,83 г. Найден в Ольвии в 1946 г. Не издан.
15. 22—23 мм, 11,99 г. ООИД. Не издан (рукописный каталог К. Милосавлевича в архиве ОГАМ, 1921, стр. 2, № 5).
16. 23 мм, 12,65 г. Verzeichniss alt-griechischer und römischer Münzen aus dem Nachlasse P. Becker. Berlin, 1881, стр. 28, № 439; A. Löbbecke — Z. f. N., X, 1883, стр. 72, № 7, табл. III, 1; П. Бурачков. Указ. соч., стр. 65, № 170; В. Pick. Die antiken Münzen Nordgriechenlands, Bd. I. Berlin, 1898, табл. IX, 2 (только реверс, соединенный с аверсом монеты № 30).
17. 23 мм, 12,21 г. ООИД. Не издан (каталог К. Милосавлевича, стр. 2, № 4).
18. 22 мм, 11,97 г. ГЭ. Не издан.
19. 22 мм, 11,85 г. Частное собрание. В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 18, рис. 6 (сильно увеличенный аверс).
20. 22 мм, 12,24 г. ООИД. E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, табл. III, 2.
21. 22 мм, 12,01 г. ВК. Catalogue Naville et Comp., IV. Genève, 1922, стр. 32, № 496, табл. XX, 496. Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй. М., 1956, стр. 329, рис. 5 (уменьшен).
22. 22 мм, 12,30 г. Найден в Ольвии в 1946 г. Не издан.
23. 23 мм, 11,61 г. ООИД (каталог К. Милосавлевича, стр. 1, № 3).
24. 25 мм, 11,57 г. Частное собрание. Не издан.
25. 22 мм, 11,68 г. Курис. Не издан (каталог собрания Л. И. Курис, стр. 3, № 1).
26. 22 мм, 11,50 г. Карlsruэ. Die Erwerbungen der Großherzoglich. Badischen Münzensammlung. Griechen 1890—1899. S. I., s. a. (вкладной лист в книге: Die Großherzoglich. Badische Münzensammlung griechischer Münzen. Karlsruhe, 1879).
27. 22 мм, 8,55 г. Частное собрание. Не издан.
28. 23 мм, 8,51 г. ГМИИ. Не издан.

Подгруппа G (около 295—290 гг. до н. э.)

- Л. с.: Волосы на голове Деметры представлены широкими, не разделенными прядями, сходящимися на затылке.
 О. с.: Орел представлен схематично и грубо, маховые перья в крыльях слегка изогнуты. ОАВЮ.
29. 24—25 мм, 12,28 г. ГЭ. D. Sestini. Lettere e dissertazione numismatiche, t. IV. Firenze, 1818, стр. 20, № 1; D. Sestini. Descrizione d'alcune medaglie greche del museo di Chaudoir. Firenze, 1831, стр. 31, № 5; S. Chaudoir. Corrections et additions à l'ouvrage Sestini. Paris, 1835, стр. 40, № 4; Б. Кёне, Музей кн. В. В. Кочубея, т. I. СПб., 1857, стр. 65, № 115.
30. 24—25 мм, 12,47 г. Париж. J. Pellerin. Recueil de médailles, v. I. Paris, 1763, стр. 204, табл. XXXVI, 15; M. Guthrie. A tour through the Taurida. London, 1801, стр. 290, табл. VI, 8; H. Köhler. Nova acta Acad. Petropol., t. XIV, 1805, стр. 105, № 31; T. Miennet. Description de médailles antiques, v. I. Paris, 1806, стр. 399, № 1; M. Hennin. Manuel de la numismatique ancienne. Atlas. Paris, 1872, табл. XV, 2; В. Pick. Указ. соч., табл. IX, 2 (только аверс, соединенный с реверсом статера № 16). A. Szemiotowa. Biuletyn num. polski, 1954, № 4, табл. I, 11 (только аверс, соединенный с реверсом монет типа № 14—28).
31. 24 мм, 12,41 г. ОГАМ. Не издан.
 О. с.: Маховые перья в крыльях представлены прямыми тупыми валиками.
32. 24 мм, 12,30 г. Париж. E. Gabrici. Miscellanea di archeologia, storia e filologia, dedicata al A. Salinas. Palermo, 1907, табл. IV, 18.
33. 23—24 мм, 12,46 г. ГИМ. Не издан.
34. 23—24 мм, 12,35 г. ВК. По сургучному оттиску. Не издан.
35. 24 мм, 12,56 г. Лондон. Catalogue of the Greek coins in the British Museum. The Tauric Chersonese etc. London, 1877, стр. 11, № 1; П. Бурачков. Указ. соч., стр. 65, № 171; G. Hirst—JHS, XXII, 1902, стр. 265, фиг. 4.
36. Вес и местонахождение неизвестны. А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXII, 3.
37. 23 мм, 11,75 г. В торговле. Kat. Ball Nachf., № 39. Berlin, 1937, стр. 7, № 199, табл. VII, 199; Kat. L. Grabow, № 14. Rostock, 1939, стр. 8, 176, табл. IV, 176.
38. 23 мм, 9,75 г. Лондон. Kat. Helbing. München, 1928, стр. 257, № 3438, табл. 64, 3738; E. Robinson—Num. Chron., XVII, 1937, стр. 92, № 1, табл. VII, 1.

39. 23 мм, 11,85 г (очень плохой сохранности). Берлин. Königliche Museen zu Berlin. Beschreibung der antiken Münzen, Bd. I. Taurische Chersonesus. Berlin, 1888, стр. 18, № 31.

Неизвестная подгруппа

40, 41, 42. Вес 10,13 г, 10,10 г и 10,07 г. Указаны А. Л. Бертье-Делагардом — НС, II, 1913, стр. 63, № 3.

Монеты 3—4—5, 7—8, 12—13, 14—15, 16—17, 18—19—20, 24—27—28, 32—33—34—35—36 и 37—38 биты соответственно одинаковыми штампами аверсов, монеты 17—18—19—20, 21—22, 23—24—27—28, 32—33—34—35—36—37 — одинаковыми штампами реверсов.

II. СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Л. Л. ПОЛЕВОЙ

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ МОЛДАВСКОГО
СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА СТАРОГО ОРХЕЯ¹

В течение 1947—1955 гг. при раскопках на городище Старого Орхея собрана разнообразная и относительно большая коллекция средневековых монет, обращавшихся в Пруто-Днестровском междуречье.

Скудость письменных источников по истории городов Молдавии периода феодализма возмещается в ряде случаев нумизматическими данными, особенно староорхейской коллекции.

Раскопки дворцов, цитадели, жилищ, ремесленных мастерских и других объектов древнего города дают богатый материал. Он характеризует высокоразвитые и дифференцированные ремесла и промыслы Старого Орхея, его роль как международного и местного центра торговли. Мощные оборонительные сооружения свидетельствуют о его важной роли как военно-политического центра на восточных границах Молдавского княжества².

Первое упоминание в письменном источнике о Старом Орхее относится к 1469 г. в связи с назначением туда пыркалаба (коменданта крепости и правителя Орхейской области)³. Затем город упоминается в документах периодически в течение 2-й половины XV в. и начала XVI в. Эти известия носят весьма специфический и ограниченный характер: в грамотах среди членов господарского совета упоминается орхейский пыркалаб, и только.

В конце XVI в. грамоты молдавских господарей уже упоминают место, «где был Старый Орхей», так как примерно с середины столетия возникает современный, Новый Орхей (Оргеев)⁴. На месте же, где был Старый Орхей, некоторое время существовало поселение.

Между тем археологическое исследование памятника показало, что крупный городской центр существовал значительно дольше того столетия, когда о нем говорят письменные источники. Многообразная материальная культура города прошла большой и трудный путь своего становления.

Почти полная нарушенность стратиграфии памятника, в сочетании с неизученностью материальной культуры Молдавии эпохи средневековья, ставила археологов, приступавших к раскопкам Старого Орхея, в весьма затруднительное положение. При отсутствии прочих датирующих мате-

¹ Зачитано на заседании секции нумизматики пленума ИИМК АН СССР в апреле 1955 г.

² Г. Д. Смирнов. Археологические исследования Старого Орхея. КСИМК, вып. 56, 1954.

³ L. I. Voga. Documente Basarabene, IV. Chi înău, 1929, стр. 89.

⁴ Современный город Оргеев отстоит примерно на 20 км вверх по течению р. Реута от городища Старого Орхея, у с. Требужены, Сусленского района, Молд. ССР.

риалов решающее значение приобрели монеты, собранные в процессе археологических работ. Значительная часть монет, особенно молдавских, найдена при раскопках жилищ, производственных и других сооружений.

Анализ нумизматической коллекции Старого Орхея позволил развить наши представления об истории города. Удалось довольно точно установить время существования города (XIV в. — середина XVI в.), а также два крупных периода в жизни Старого Орхея: период предмолдавский, охватывающий весь XIV в., и период существования города как крупного экономического и военно-политического центра на восточных границах Молдавского княжества (XV—середина XVI в.).

Коллекция состоит из золотой, серебряных и медных монет различных стран и датируется в рамках XIV—середины XVII в.

Среди монет XIV в., наряду с пражским грошем Яна I (1310—1346 гг.) и червоннорусской медной монетой, подавляющее большинство (289 экз.) составляют золотоордынские монеты¹. Из них — 12 серебряных и 276 медных.

Серебряные представлены тремя монетами Узбека 722 г. х. (1322/1323), 727 г. х. (1326/1327) и 734 г. х. (1332/1333); Джанибека — одной 752 г. х. (1350/1351), двумя 753 г. х. (1351/1352) и одной 756 г. х. (1354/1355); Абдаллаха — четырьмя 764 г. х. (1362/1363) и одной 766 г. х. (1364/1365).

Медные золотоордынские монеты делятся на три группы, содержащие неравномерное количество экземпляров.

Пять монет с именем хана на лицевой стороне и местом чекана и датой — на оборотной составляют наименьшую группу. Из них — одна редкая медная монета Абдаллаха 764 г. х. (1362/1363) и четыре монеты принадлежат Кильдибеку (1361—1362 гг.), в том числе три — 762 г. х. (1360/1361) и одна 763 г. х. (1361/1362).

Почти все приводимые здесь монеты известны в нумизматической литературе. Только вторая группа, состоящая из 40 медных монет, обращает на себя внимание. Они принадлежат, по мнению С. А. Яниной, к не изданной до настоящего времени группе золотоордынских монет, на одной стороне которых ясно читается *ضرب شهر الجبل يل* (чекан Нового города); другая сторона пока не поддается расшифровке; фактура и другие данные обычны для золотоордынских медных монет середины XIV в., представленных в староорхейской коллекции.

В нашу задачу не входит дать развернутый типологический анализ монеты, обращавшейся в городе, так как это увело бы слишком далеко от изложения данных коллекций как источника для истории Старого Орхея. Тема вынуждает нас ограничиться констатацией факта наличия новой группы монет в золотоордынском материале, тем более что подобные монеты до настоящего времени не получили точного определения.

Среди медных золотоордынских монет коллекции выделяется по типу и по количеству находок третья группа, состоящая из монет без указания имени хана, но с датой и местом чекана (231 монета): на лицевой стороне — распустившийся цветок, на оборотной — место и год чеканки².

Дата читается лишь на 79 экземплярах. Восстанавливая по многим монетам легенду оборотной стороны, убеждаемся в том, что она состоит из указания и места чекана, и даты. Небрежность в изготовлении медной золотоордынской монеты зачастую приводила к тому, что часть штемпеля не попадала в момент чеканки на слиточек-заготовку, и монета оказывалась без даты. Все же значительная часть экземпляров этой группы дошла до нас с датами, а сличение рисунков оборотной стороны датированных

¹ Определения монет произведены сотрудником ГИМ С. А. Яниной и автором.

² Монеты этого типа опубликованы у Х. М. Френа «Монеты ханов улуса Джучиева». СПб., 1832, № 97 (табл. III, LXXIV), № 163 (табл. X, CCCXLIV, в).

монет и недатированных убеждает в их однозначности и помогает определить время выпуска всей группы.

На оборотной стороне этих монет обычно вычеканена дата — 753 г. х. (1351/1352), за весьма редкими отклонениями на несколько лет в ту или иную сторону, не меняющими существа дела.

Все так или иначе датирующиеся медные золотоордынские монеты старорорхейской коллекции укладываются в рамки конца 40-х—середины 60-х годов XIV в.

Серебряные монеты обращались на территории Молдавии сравнительно долгое время. Монеты золотоордынских ханов появились в Приднестровье, повидимому, лишь в конце XIII—начале XIV в.¹ и затем распространились западнее вследствие развития торговли по Днестру. Находки серебряных монет ханов Токту и Тулабуги (1287—1312 гг.) известны даже в Запрутской Молдавии².

Наиболее ранние серебряные золотоордынские монеты коллекции относятся к 20-м годам XIV в.; однако они ни в коем случае не могут служить более или менее точным датирующим материалом, если учесть длительность их обращения. В этом случае наличие многочисленных четко датирующихся медных монет позволяет сделать ряд интересных исторических выводов.

Распространение серебряных монет Золотой Орды на прилегающих к ее западным границам территориях объясняется в основном развитием международной торговли золотоордынских торгово-ремесленных центров, тогда как появление в Пруто-Днестровском междуречье медных ордынских монет обязано причинам совершенно другого порядка.

Медная монета в эпоху феодализма в силу своей неполноценности являлась мелкой разменной денежной единицей³. Интуиция П. С. Савельева, основанная на прекрасном знании характера обращения средневековых восточных монет, привела его к выводу, что мелкая медная монета обычно не выходила за пределы той страны, где она чеканилась⁴.

Это обстоятельство заставляет смотреть на медную золотоордынскую монету как на немобильную, обращавшуюся в пределах сравнительно небольшой области, обслуживаемой монетным двором. Появление ее в Старом Орхее связано с событиями политической истории.

С укреплением военно-феодальной системы Золотой Орды в 1-й четверти XIV в., когда в Орде наблюдался подъем производительных сил⁵, ханами предпринимались попытки восстановить свою власть на некогда оставленной территории центральной части Пруто-Днестровского междуречья и Запрутья, приведшие к столкновению с Венгрией, Польшей и Литовско-Русским государством в 40-х годах XIV в.

Массовое появление в Старом Орхее к концу 40-х годов XIV в. золотоордынской медной монеты, чеканившейся на месте, служит неоспоримым доказательством того, что татаро-монголам в то время удалось захватить часть Пруто-Днестровского междуречья. В знак утверждения ханской власти золотоордынские правители захваченной территории начали чеканить медную монету, которая и стала средством местного товарно-денежного обращения.

¹ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. 1. Киев, 1951, стр. 20—24, 30.

² Автор пользуется случаем принести свою благодарность нумизмату Академии Румынской Народной Республики О. Илиеску, сообщившему данные о находках этих монет.

³ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения, т. I. Л., 1946, стр. 134, 135.

⁴ П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, стр. XXX.

⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 88.

Но власть золотоордынских ханов оказалась непродолжительной. В 60-х годах XIV в. Золотая Орда ослаблялась феодальными усобицами, которыми удачно воспользовался литовско-русский князь Ольгерд, разбивший в 1362 г. трех татарских улусных ханов в битве на Синих Водах. Это привело к тому, что в состав Литвы была включена Подолия и началось постепенное очищение от татар Северного Причерноморья между Прутом и Днестром.

Характерно, что середина 60-х годов XIV в. является хронологическим пределом не только для медных золотоордынских монет XIV в., но и для серебряных. Середина 60-х годов XIV в. — это дата ухода из Старого Орхья татаро-монголов, владевших городом, следовательно, очень недолго — в течение 20—25 лет. Образовавшееся на восточных склонах Карпат в середине XIV в. молодое Молдавское государство вело тяжелую борьбу с Золотой Ордой за прудо-днестровские земли; это нарушило восточную торговлю и, разумеется, прекратило поступление восточной монеты.

Таким образом, анализ коллекции позволил значительно расширить рамки истории города, возникшего, по-видимому, в начале XIV в. В результате исследователям удалось выделить предмолдавский период развития Старого Орхья и его материальной культуры, представленный жилищами, ремесленными сооружениями, кладбищами и другими объектами.

Нумизматические данные позволили установить не только факт захвата Старого Орхья в середине XIV в. татаро-монголами, но и непродолжительность их господства. В свете этих выводов объяснимы находки в процессе раскопок городища многочисленных мусульманских погребений и арабских лапидарных надписей.

Денежное обращение Старого Орхья в XV—1-й половине XVI в. представлено иными монетами. В этот период абсолютно преобладают молдавские: из 44 экземпляров — 28 серебряных и медных молдавских монет.

Первая молдавская чеканка началась в середине XIV в. и продолжалась вплоть до XVI в. Однако не только в Старом Орхее, но и вообще на территории Молдавской ССР не найдено ни одной монеты Молдавии XIV в. Этот факт может служить указанием на сравнительно позднее вхождение Пруто-Днестровского междуречья в состав укреплявшегося и расширявшегося тогда Молдавского княжества.

Наиболее ранние молдавские монеты коллекции Старого Орхья принадлежат господарю Александру I (1400—1432 гг.). Две из них относятся к выпускам последних лет его правления, т. е. к концу 20-х—началу 30-х годов XV в., и могут служить датирующим материалом для определения начала молдавского периода в истории Старого Орхья.

Остальные молдавские монеты коллекции принадлежат господарям: Ильяшу I и Стефану II (1435—1442 гг.) — 4 экземпляра; Стефану II (1442—1444, 1445—1447 гг.) — 1 экземпляр; Александру II (1449, 1452—1455 гг.) — 1 экземпляр; Стефану III (1457—1504 гг.) — 9 экземпляров; Стефану V — (1538—1540 гг.) — 2 экземпляра¹. Кроме того, следует отметить 8 анэпиграфных монет, обращавшихся на протяжении XV в. при различных господарях.

Охватывая период от 1-й четверти XV в. до конца 30-х годов XVI в., молдавские монеты существенно дополняют данные письменных источников и довольно четко датируют время существования Старого Орхья как крупного экономического и политического центра феодальной Молдавии. С середины XV в. он играет выдающуюся роль в обороне восточных границ Молдавии от губительных набегов крымских татар и в героической, почти вековой борьбе молдавского народа с турецкими поработителями. Монеты Стефана V уточняют время гибели города, которая, по-видимому, была

¹ Одна молдавская монета не определена.

связана с опустошительным походом на Молдавию, предпринятым султаном Сулейманом I в 1538—1539 гг.

Внешнеторговые связи Старого Орхея XV—начала XVI в. проявляются в единичных находках иноземных монет. В их числе — серебряная золотоордынская (1419—1420 гг.), венецианский дукат дожа Микеле Стено (1400—1419 г.), два пражских гроша Вацлава III (IV) (1378—1419 гг.), два венгерских денария Матвея Корвина и Владислава (1458—1516 гг.), шесть турецких серебряных и субэратных акче Баязида II (1481—1512 гг.) и две акче Селима I (1512—1520 гг.), польский грош Александра (1501—1506 гг.) и серебряная крымская монета 930 г. х. (1522/1523 гг. н. э.).

Во 2-й половине XVI в. в 20 км от Старого Орхея возник современный Оргеев. На месте прежнего города некоторое время существовало местечко, уничтоженное впоследствии налетом крымских или буджакских татар.

Денежное обращение здесь представлено в коллекции 40 турецкими, венгерскими, польскими и другими иноземными монетами середины XVI в.—70-х годов XVII в. Молдавские монеты позже середины XVI в. не известны не только на городище Старого Орхея, но и вообще на территории Молдавской ССР. К середине XVI в. под давлением Турции регулярная чеканка молдавских монет прекратилась; она приобрела случайный характер. Потеря политической независимости, турецкое иго значительно тормозили экономическое развитие Молдавии¹. В этот период иноземная монета стала основным средством обращения.

Включая материалы, датирующиеся временем примерно до 70-х годов XVII в., орхейская нумизматическая коллекция дает возможность довольно точно установить момент окончательного уничтожения поселения на месте древнего Орхея.

---

¹ Е. М. Руссеев. Развитие феодально-крепостнических отношений в Молдавии XVI—XVII вв. Борьба молдавского народа за свержение турецкого ига. Сб. «Феодальные отношения в Молдавии в период XVI—XVIII вв.». Кишинев, 1950, стр. 67.

Д. Г. КАПАНАДЗЕ

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗНАКОВ ВЛАСТИ НА ДРЕВНЕГРУЗИНСКИХ
МОНЕТАХ¹

Схематические фигурки птиц, обрамляющие изображение человеческой головы на лицевой стороне колхских статеров лисимаховского типа (увеличенная репродукция одной из этих монет приведена на рис. 5—1), давно привлекали внимание исследователей, но не получили удовлетворительного объяснения.

Говоря о находках таких монет в Батуми и Гори, Е. А. Пахомов отмечал, что на батумском экземпляре «волосы головы на лицевой стороне превращены в ряды бегущих один за другим преувеличенно вытянутых зверьков», а на горийском — «в трех птиц»², но никакого объяснения этих превращений Е. А. Пахомов не дал.

Недостаток материала вынудил А. Н. Зографа при подготовке его монографии «Античные монеты» «сознательно отказаться от выделения в особую главу античных монет Кавказского побережья» и ограничиться «упоминанием их лишь мимоходом»³. Но для нас чрезвычайно важны общие наблюдения А. Н. Зографа над так называемыми «варварскими подражаниями». «Нередки случаи, — говорит А. Н. Зограф о племенных чеканках, подражающих античным монетам, — когда различные мелкие детали изображений истолковываются по-новому: хвосты зверей становятся птичьими шеями и головами, локоны волос обращаются в зверей или птиц, кони получают крылья или человеческие головы и т. д. Возможно, что в некоторых случаях такие перетолкования мотивов и видоизменения типов продиктованы влиянием местных мифов и религиозных представлений, о которых мы, впрочем, слишком мало знаем»⁴.

Еще до выхода в свет книги А. Н. Зографа мы также склонны были думать, что фигурки птиц сознательно вплетены в волосы человеческой головы, изображенной на колхских статерах. К этому заключению нас привело сопоставление интересующей нас детали монет с украшениями, добытыми в 1942 г. археологической экспедицией в сел. Кддеети, где в одном из погребений некрополя найдены золотые бляшки II в. н. э., украшенные камнями и их имитациями и тонко обработанные зернью⁵. Они лежали у головы погребенного и, несомненно, представляли части головного украшения, вероятно, диадемы, являвшейся, как известно, признаком власти

¹ Зачитано на заседании секции нумизматики пленума ИИМК АН СССР в апреле 1955 г.

² Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и Закавказья, вып. 1. Баку, 1926, стр. 38, 89.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 101.

⁵ Репродукции некоторых украшений из Кддеетского некрополя опубликованы в «Истории Грузии» под ред. С. Джанашиа, ч. 1. Тбилиси, 1950, стр. 103.

или сана. Конкретное назначение бляшек оставалось не совсем ясным до тех пор, пока они не были сопоставлены с описанием инсигний, которые жаловались римским императором сатрапам, управлявшим соседней с Грузией Арменией «по сю сторону Евфрата».

«Я считаю нужным, — говорит Прокопий Кесарийский об аналогичных бляшках, — описать эти инсигнии, так как никогда уже более не увидит их человеческий глаз. . . К этой хламиде приделана золотая пряжка, в середине которой вделан драгоценный камень; отсюда свисали три камня — гиацинта, приделанные к гибким золотым цепочкам»¹.

Мы отнюдь не утверждаем, что это описание полностью совпадает с изображением клдеетской бляшки (рис. 5—2), но, за исключением отдельных подробностей (например, золотые пластиночки вместо гиацинтов, подвешенных к трем гибким цепочкам), форма бляшки очень близка к описанию инсигний. Некоторые отличия, — в том числе отсутствие в описанных Прокопием инсигниях основной дополнительной детали клдеетской бляшки — рельефов птиц, — несомненно, зависят от территории изготовления предметов и различных их датировок².

Без сомнения, клдеетская бляшка с изображением двух птиц была начальным украшением, а так как фигурки птиц появляются и на челе изображенного на колхских статерах человека, можно заключить, что в обоих случаях мы видим один и тот же атрибут, назначение которого в свою очередь становится понятным при сличении с аналогичной бляшкой, упомянутой Прокопием Кесарийским.

Мотив двух птиц, обращенных друг к другу, был очень широко распространен во многих странах в самые различные времена. Он характерен не только для Грузии, но по каким-то, еще не выясненным причинам, видимо, связанным с религиозными представлениями, очень рано и прочно здесь привился. Судя по археологическим и нумизматическим памятникам, этот мотив появился здесь уже в первые века нашей эры, проник в повседневный быт, использовался в украшении ряда предметов самого различного назначения, вплоть до наших дней. Мы ограничимся демонстрацией лишь наиболее характерных аналогий. Кроме колхских статеров и клдеетских бляшек, этой же композицией украшены следующие предметы:

1. Золотой перстень с геммой на гранате (две птицы на кубке или кратере), найденный в 1923 г. в Земоавчалах в погребении вместе с другим инвентарем (рис. 5—3). Сопровождающий инвентарь и драхма Готарза датируют перстень II в. н. э.³

2. Золотая подвеска, найденная в 1948 г. вместе с другими золотыми предметами и украшениями на правом берегу р. Хайшуры (близ сел. Хаиши, Нижняя Сванетия). Она изображает домик с очень любопытными подробностями; в частности, интересующие нас фигурки двух птиц помещены на коньке двускатной кровли; у дверей домика — две сидящие человеческие фигурки с музыкальными инструментами (рис. 5—4). Сопровождавшие подвеску предметы, типичные для армазских, клдеетских и борийских погребений, датируют ее II в. н. э.

3. Головные булавки, применявшиеся в Грузии в XVIII—XIX вв. для разделения волос на пробор⁴ (рис. 5—5).

4. Свадебный гребень⁵ (рис. 6—1).

¹ Прокопий Кесарийский. О постройках, кн. III. Перевод С. П. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4, стр. 242.

² Интересно, что тиара Тиграна Армянского (95—55 гг. до н. э.) также украшена рисунком двух птиц, хотя и в несколько иной композиции.

³ ГМГ, инв. № 651. С. И. Макалатия. К датировке некоторых некрополей, обнаруженных в Грузии в 1920—1923 гг. (на груз. яз.). ВГМГ, IV, Тбилиси, 1925, стр. 173, 174.

⁴ Музей грузинского искусства в Тбилиси, инв. № 5116 и 5119.

⁵ Из Артвина, Батумской области. ГМГ, инв. № 106-13.

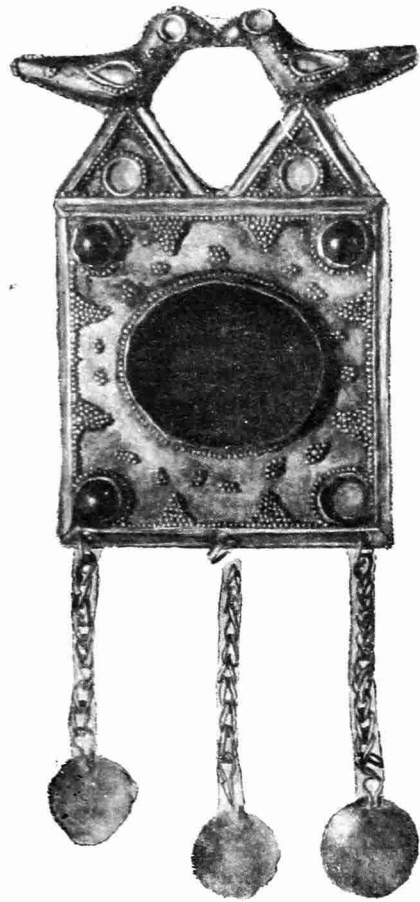
1

3

4

2

5

Рис. 5. Предметы с изображениями птиц (анalogии к изображениям на колхском статере)

1 — колхский статер; 2 — кладетская бляшка; 3 — гранатовая гемма; 4 — золотая подвеска; 5 — головная булавка.

5. Резьба по дереву — оформление кровли кузницы Рехвиашвили из сел. Чиора, Онского района Груз. ССР¹ (рис. 6 — 4).

6. Накладка-штамп (резьба по дереву), применявшаяся для нанесения узора на ткань² (рис. 6 — 3).

¹ Вывезена этнографической экспедицией ГМГ.

² Из фонда этнографического отдела ГМГ.

Та же композиция встречается и на многих других предметах: в вышивках на ткани, на женском украшении сванок — «чапрастар», в резьбе на детских колыбелях, в украшении заздравного сосуда — азарпеша и т. д.

Весь этот разнообразный и довольно обильный материал, объединенный общностью стиля и продолжительностью бытования, совершенно исключает возможность случайности и совпадения. Есть все основания считать, что он, действительно, связан с какими-то местными представлениями и традициями, выяснение которых становится очередной задачей.

Появление фигурок птиц на колхских статерах лисимаховского типа также не случайно, иначе эти фигурки не повторялись бы на экземплярах, битых разными штампами. Очень важно, что аналогичная фигурка помещалась и на подражаниях статерам александровского типа.

Один экземпляр такого изображения поступил в Государственный музей Грузии уже после того, как наша работа о монетах этой категории была опубликована¹, и потому в приложенный к ней общий список находок не попал. Эта точная копия монеты, зарегистрированной в списке под № 23, также найдена в Вани, на том же участке. До поступления в музей этих двух экземпляров находки такого типа подражаний в Грузии не были известны.

Относительно подражаний статерам Александра А. К. Марков писал: «Фабрикация наших подделок довольно разнообразна, на некоторых голова Паллады и Ника могут быть еще узнаны, на других же оба типа так искажены, что могут быть определены только благодаря существованию менее искаженных образцов подобных монет»². Для иллюстрации к его работе приложена таблица с изображениями³, заметно отличающимися от подражаний, помещенных рядом⁴.

Отметив наличие двух заметно отличающихся друг от друга групп подражаний статерам александровского типа и ссылаясь на группу подражаний, признанных А. К. Марковым «менее искаженными образцами», А. Н. Зограф считает ее более распространенной⁵. Фактический материал не подтверждает, однако, это мнение. Так, например, из 27 твердо зафиксированных случаев находок подражаний статерам александровского типа только четыре приходятся на монеты, которые А. Н. Зограф считал более распространенными; из хранящегося же в Государственном музее Грузии 31 подражания «менее искаженных образцов» оказывается только два. Руководствуясь этим, мы признали монету, найденную в 1946 г. в Вани, необычной для Грузии⁶.

Оба ванских экземпляра принадлежат к одной и той же группе «необычных для Грузии» подражаний, но так как поступивший позже отличается присутствием интересующей нас детали, даю его описание.

Диаметр — 18 мм, вес — 4,81 г.

Л. с.: Грубое изображение человеческой головы вправо в гребенчатом шлеме, козырек которого над челом украшен схематическим изображением фигурки птицы вправо (рис. 6—2).

О. с.: Грубо схематическое изображение идущей влево крылатой Ники в коническом шлеме. Справа, над левым плечом видно острие копья.

Теперь стало ясно, что изображение фигурки птицы, украшающее переднюю часть гребня шлема, помещено и на одном из экземпляров монет, приведенных на таблице А. К. Маркова.

¹ Д. Г. Капанадзе. О древнейших золотых монетах Грузии. ВДИ, 1949, № 3.

² А. К. Марков. Неизданные арсакидские монеты. ЗВОРАО, т. VI. СПб., 1892, стр. 40 (отд. оттиск).

³ А. К. Марков. Указ. соч., монеты № 35—41.

⁴ Там же, монеты № 42—44.

⁵ А. Н. Зограф. Античные золотые монеты Кавказа. ИГАИМК, вып. 110, 1936, стр. 181, 182 и рис. 124, 3—5, 8.

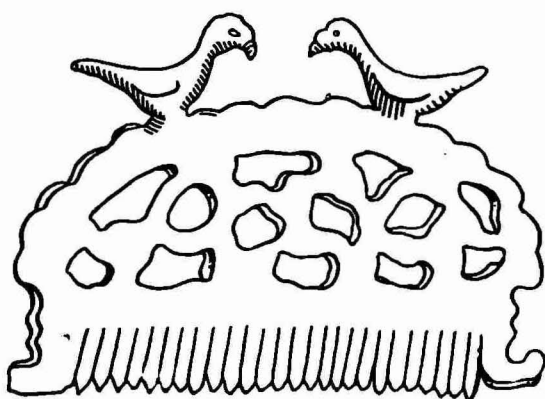
⁶ Д. Г. Капанадзе. Указ. соч., стр. 168, № 23.

3

2

1

Рис. 6. Предметы с изображениями птиц (аналогии к изображениям на колхском статере)

1 — свадебный гребень; 2 — монета из Вани; 3 — деревянный штамп для нанесения узора на ткань; 4 — резьба по дереву (оформление кровли).

Последними исследованиями окончательно установлено подлинное грузинское происхождение более грубых подражаний статерам александровского типа. Менее же искаженные образцы, которые еще недавно казались необычными для Грузии, теперь, при наличии важной и характерной детали в виде фигурки птицы, могут быть отнесены к памятникам грузинской нумизматики уже с полной уверенностью. На основании других признаков это же утверждал в свое время и А. Н. Зограф. «Острие копья у левого плеча Ники и коническая шапка на ее голове, — пишет он, — легко объяснимы при условии, что чеканка этих подражаний происходила в местности, где в то же или близкое время обращались подражания статерам Лисимаха, на которых конический шлем и копье естественны, как атрибут Афины, а подобные условия мы имеем налицо как раз на Кавказе»¹. Понятно, что А. Н. Зограф мог говорить лишь о «кавказском» происхождении «менее искаженных образцов» подражаний, так как ему не были известны находки их на территории Грузии. До поступления сведений о двух монетах, найденных в Вани, единственный случай был зафиксирован Е. И. Крупновым на Северном Кавказе (Кумбулта, Северо-Осетинская АССР)². Последние две находки перемещают район распространения подобных подражаний значительно южнее. Сосредоточив внимание на деталях оборотной стороны монеты, А. Н. Зограф считал достаточным признаком для определения происхождения монет атрибуты Афины в виде конического шлема и копья. Нам кажется, что обнаруженный на лицевой стороне дополнительный признак в виде фигурки птицы более характерен и может служить для той же цели с большим основанием.

Привлечение аналогий, разнообразный новый материал и дополнительные наблюдения дают нам полное основание говорить об изображениях птиц на публикуемых монетах как о реальных изображениях и связывать их с аналогичными украшениями на колхетских бляшках. Что же касается возможных возражений по поводу того, что на ванском экземпляре монеты помещена фигурка одной птицы вместо двух, обычных для большинства колхетских статеров лисимаховского типа, то это можно объяснить различной трактовкой изображений. Мастер, изготовлявший штамп ванского статера, изобразил человеческую голову и украшения ее в профиль. Таким образом, вторая птичка, находившаяся на левой стороне гребня шлема, по замыслу, должна была оставаться скрытой от зрителя. Мастер же, изготовлявший подражание статеру лисимаховского типа, изображение головы дал в профиль, а инсигний — в фас.

Резюмируя изложенное, еще раз подчеркнем, что мотив двух птиц, настойчиво повторяющийся на колхетских статерах, битых различными штампами, несомненно, свидетельствует о том, что мастера сознательно изображали привлечший их внимание предмет. Представление об этом предмете может дать нам только колхетская бляшка, а о назначении ее мы можем судить по описанию, оставленному Прокопием Кесарийским.

Аналогичные бляшки на Востоке и, в частности, в определенной части Грузии играли роль знаков власти или сана. Синхронность хранящихся в Государственном музее Грузии девяти таких бляшек с наиболее деградированными экземплярами колхетских статеров, датированными I—II вв. н. э., служит достаточным основанием для такого предположения.

---

¹ А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет на Кавказе. ТОНГЭ, т. 1. 1945. стр. 34.

² Е. И. Крупнов. Из результатов Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, 1937—1938 гг. ВДИ, 1939, № 1, стр. 264—267.

Х. А. МУШЕГЯН

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК ДВИНА¹

При раскопках развалин средневековой столицы Армении — Двина с 1937 г. по 1953 г. найдено свыше 700 различных средневековых монет. Все они довольно плохой сохранности, а 96 экземпляров совершенно неопределимы. Поддающиеся определению монеты могут быть распределены по четырем основным группам: 1) сасанидские и византийские V—VII вв., 2) омайадские и аббасидские VIII—X вв., 3) византийские X—XI вв., 4) ильдегизидские и грузинские XII—XIII вв.; остальные представляют собой редкие, единичные экземпляры, причем большинство их не характерно для истории города.

Наиболее ранними памятниками денежного обращения Двина являются сасанидские монеты. При раскопках обнаружены две сасанидские серебряные монеты: одна — Варахрана V (420—438 гг.) с монетным знаком (рис. 7—1), другая — из-за плохой сохранности неопределимая.

Как известно, после захирения Арташата Двин был в V—VII вв. главным городом так называемой марзпанской Армении. Находки здесь и в других местах Армянской ССР серебряных сасанидских монет свидетельствуют о том, что в период господства сасанидского Ирана его монеты входили в денежное обращение Армении. Сасанидские драхмы имели хождение и после падения империи Сасанидов.

Золотая византийская монета Льва I (457—474 гг.), найденная при раскопках (рис. 7—2), указывает, что в Двин изредка проникало и византийское золото. Но, вообще говоря, находки византийских золотых монет этого времени в Армянской ССР редки.

У юго-западной стены главной церкви Двина в 1947 г. был найден целый клад, состоящий из 115 серебряных византийских монет императора Ираклия (610—641 гг.). Из них 106 экземпляров несут изображения Ираклия и Ираклия-Константина, причем все — грубой работы; вес их — 4,5—6,7 г (рис. 7—3, 4). На 9 экземплярах изображены Ираклий и его двое сыновей: Ираклий-Константин и Ираклион; вес монет — 6,2—6,8 г (рис. 7—5). Судя по составу клада, зарыт он был, вероятно, в конце 2-й четверти VII в. во время арабского нашествия на Армению и захвата арабами Двина (известно, что с 640 по 653 г. Двин трижды был занят арабскими войсками).

В Двине найдены и медные византийские монеты: 1 экземпляр — Юстина II (565—578 гг.) с датой 8-го года правления т. е. 572—573 гг.; 1 экземпляр — Фоки (602—610 гг.) с датой 2-го года правления, т. е. 603—604 гг.;

¹ Зчитано на заседании секции нумизматики пленума ИИМК АН СССР в апреле 1955 г.

2 экземпляра — Ираклия (610—641 гг.), одна из этих монет — 22-го года его правления, т. е. 631—632 гг. (рис. 7—6), другая — со сбитой датой. Эти находки отмечают, что в конце VI и в начале VII в., когда Двин попадал в зависимость то от Византии, то от Ирана, в нем обращались, по-видимому, одновременно и сасанидские, и византийские монеты.

Следующую группу нумизматического материала, обнаруженного в развалинах Двина, составляют куфические монеты времени владычества арабского халифата, в частности: омайядская анонимная серебряная монета из Васита (рис. 8—7), к сожалению, со сбитой датой — 1 экземпляр; недатированные омайядские фельсы с обозначением места чекана: «Арминия» (рис. 7—7) — 6 экземпляров; омайядские анонимные фельсы без обозначения монетного двора и даты — 2 экземпляра; стертые омайядские фельсы — 3 экземпляра; аббасидские дирхемы из Мединат ас-Салама 189 г. х. — 1 экземпляр; 330 г. х. с именем халифа ар-Ради Биллаха — 1 экземпляр (рис. 8—8, 9); обломок аббасидского дирхема со сбитой датой — 1 экземпляр; стертые аббасидские фельсы — 60 экземпляров, среди которых имеются с обозначением места чекана: Дебиль (т. е. Двин) — 185 и 187 гг. х. (рис. 7—11; рис. 8—2, 3, 4); Берда'а — 143 и 163 гг. х. (рис. 7—8, 10); Арран — 177 (?), 193 (рис. 7—12 и рис. 8—1, 5) и 204 (?) гг. х. (рис. 8—6).

Найденные в Двине омайядские и аббасидские монеты указывают, что с конца VII в., после утверждения власти арабского халифата над Арменией, Двин, естественно, был включен в систему халифского денежного обращения. После монетной реформы Абд-ал-Мелика (76—77 гг. х. 695—696 гг. н. э.) в Двине, как и в других городах халифата, обращались монеты мусульманского типа. Основной единицей денежного обращения была серебряная монета — дирхем, из высокопробного серебра, весом от 2,76 до 2,9 г. Обнаруженные в Двине омайядские и аббасидские медные монеты местного чекана, выпущенные для внутренней торговли, дополняют наши знания о деятельности монетного двора Двина при Омайядах и Аббасидах.

По собранным во время раскопок Двина аббасидским фельсам можно составить следующий хронологический список халифских наместников Арминии VIII—начала IX в.:

1. Йазид ибн Усайд . . . . . 143/760—761 г.
2. Йазид ибн Усайд . . . . . 159/775—776 г.
3. Йазид ибн Усайд . . . . . 163/779—780 г.
4. Халид ибн Йазид . . . . . 177/793—794 г.
5. Асад ибн Йазид . . . . . 185/801 г.
6. Мухаммед ибн Йазид . . . . . 187/802—803 г.
7. Хузайма ибн Хазим . . . . . 187/802—803 г.
8. Ал-Аббас ибн Зуфар . . . . . 193/808—809 г.
9. Ахмед ибн Ях'я . . . . . 204(?)/818—819(?) г.
10. Абдаллах ибн Мухаммед . . . . . ?

Наличие монет VIII—IX вв. Аррана, его главного города Берда'а (рис. 7—8, 10, 12; рис. 8—1, 5), свидетельствует о непосредственных экономических связях, существовавших тогда между Арменией и Арраном.

Интересна находка обломка полудрахмы халифского наместника Табаристана — Са'ида ибн Далиджа 126 г. табаристанской эры, т. е. 777—788 гг. н. э. Известно, что в восточных областях халифские наместники в Иране, испехбеды Табаристана начали выпускать серебряные монеты по сасанидскому образцу, которые чеканились и после установления халифской монетной системы. Вероятно, подобные монеты обращались в Двине VIII—IX вв. одновременно с халифскими.

Следует заметить, что отсутствие в Двине серебряных монет местного чекана времени VIII—X вв. и вообще слишком незначительное количество

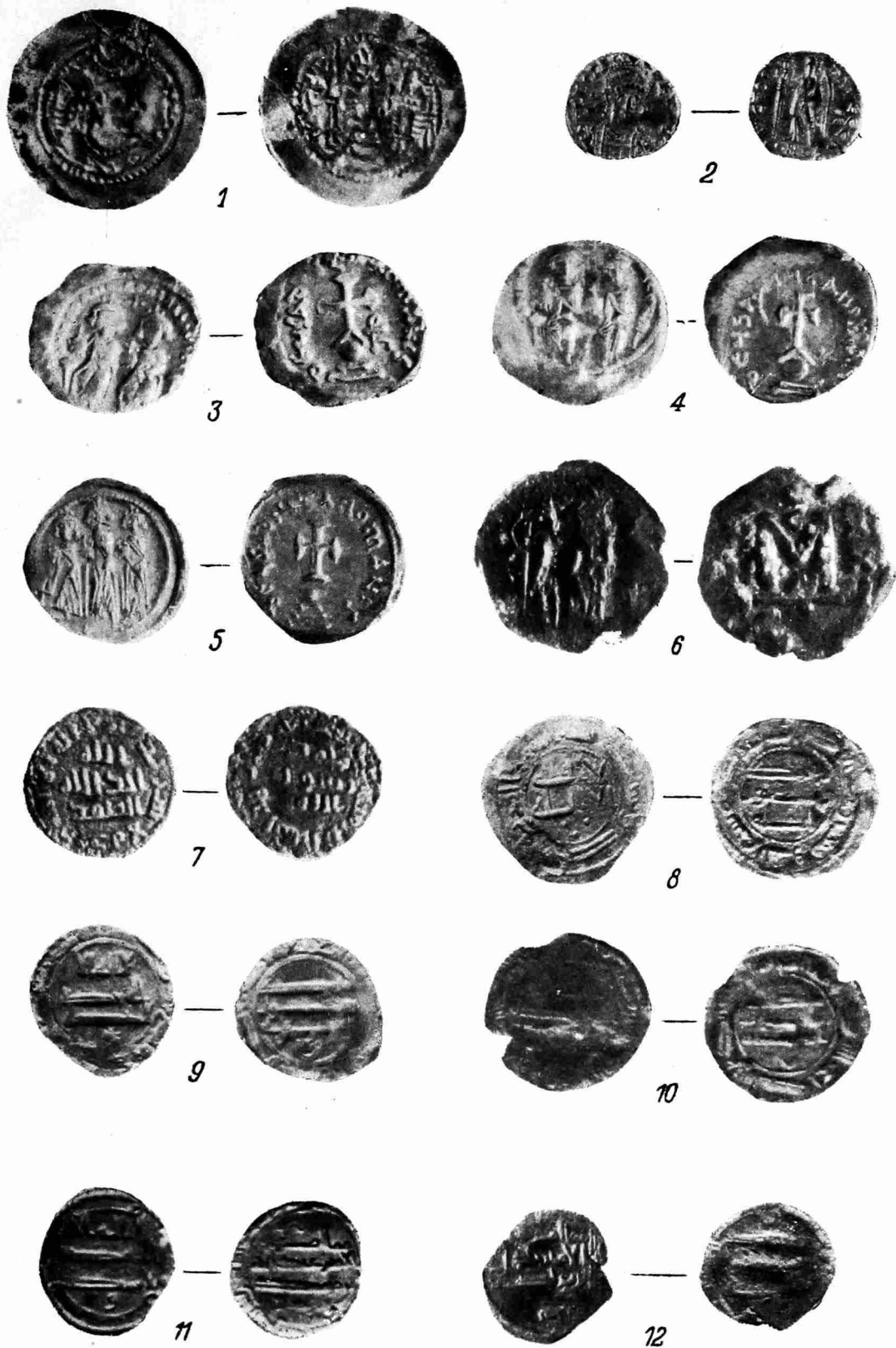

Рис. 7. Монеты из Двина

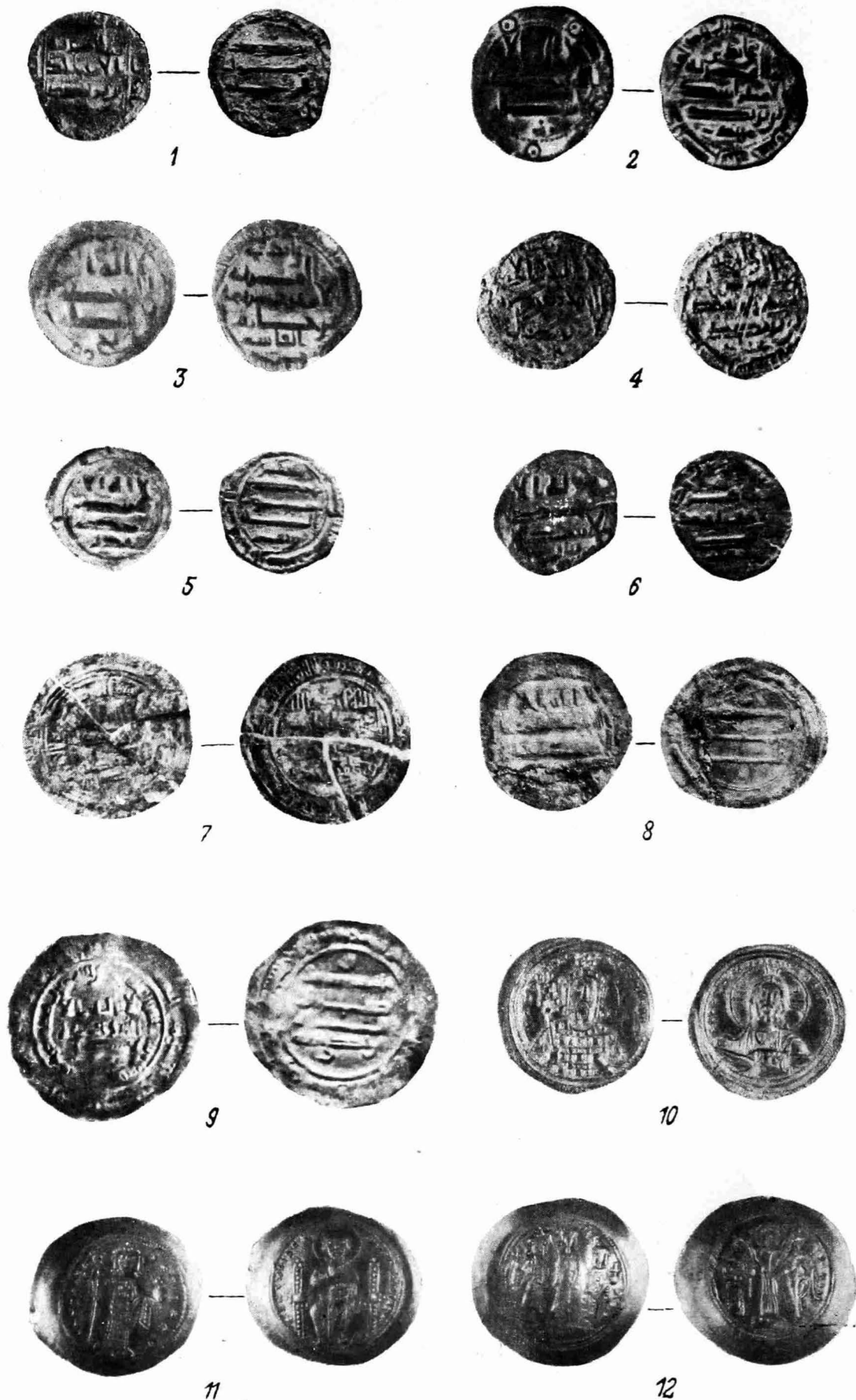

Рис. 8. Монеты из Двина

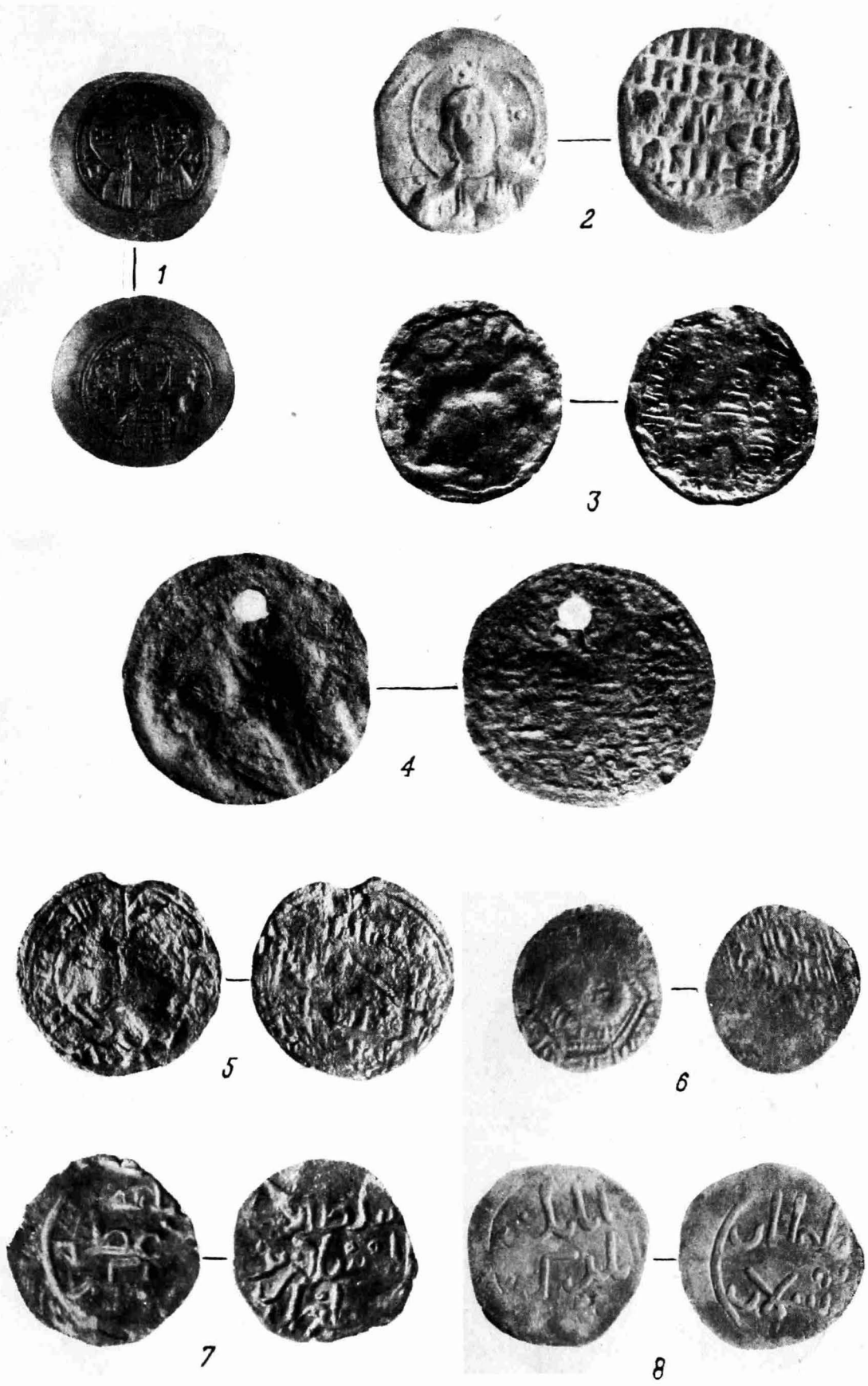

Рис. 9. Монеты из Двина

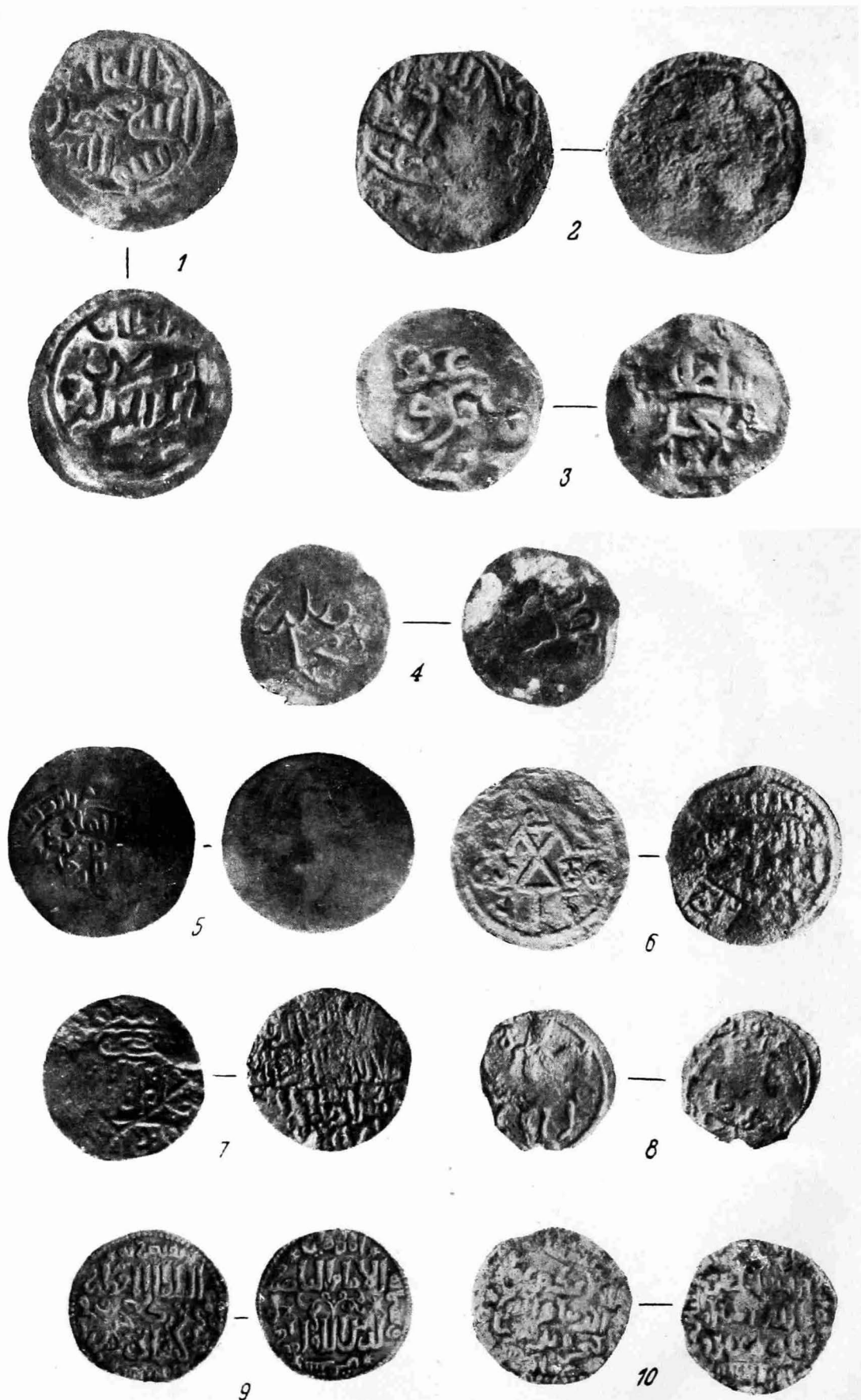

Рис. 10. Монеты из Двина

обнаруженных куфических дирхемов эпохи халифата не означают, что их мало было в обращении города Двина. Напомним, что в IX—X вв. международная торговля заносила из городов Арминии (так же как и из других областей Передней и Средней Азии) в восточную Европу в большом количестве серебряные монеты. Об этом свидетельствуют массовые находки монетных кладов IX—X вв., сделанные на территории России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, на острове Готланд, в Швеции, Дании, Померании и других местах, причем в составе кладов попадались также и дирхемы из Арминии. Проникновение этих дирхемов в восточнославянский мир и на север Центральной Европы в известной мере отражает участие Двина в торговле, которая велась между народами Востока и Запада в IX—X вв. Торговые связи Двина вне пределов Армении могли осуществляться посредством внешней торговли тех государств, под господством которых находился город. Известно, что Двин в VIII—IX вв. был под владычеством арабского халифата. С начала X в. город попал в зависимость от эмиров Азербайджана (до 40-х годов — династии Саджидов, а потом Саларидов) и лишь с 80-х годов того же столетия окончательно был присоединен к землям царства анийских Багратидов.

Следующую группу монетных находок Двина составляют византийские золотые и медные монеты. При раскопках найдены золотые монеты Константина VIII (1025—1028 гг.) — 1 экземпляр, Константина X (1059—1067 гг.) — 3 экземпляра и Романа IV (1067—1071 гг.) — 1 экземпляр (рис. 8—10, 11, 12). Кроме того, вне раскопок, на территории старого города при производстве полевых работ местными жителями селений Арташат и Айгестан, неизвестно когда, был найден клад (или клады) золотых византийских монет XI в. Из них 21 экземпляр одновременно поступил в Государственный исторический музей Академии наук Армянской ССР: Константина VIII (1025—1028 гг.) — 1 экземпляр, Константина X (1059—1067 гг.) — 13 экземпляров, Романа IV (1067—1071 гг.) — 6 экземпляров и Михаила VII (1071—1078 гг.) — 1 экземпляр (рис. 9—1).

При раскопках встречены византийские медные монеты: в их числе — Романа I (919—921 гг.) — 1 экземпляр, анонимная времен Василия II и Константина VIII (976—1025 гг.) — 1 экземпляр, Романа III (1028—1034 гг.) — 1 экземпляр, Михаила IV (1034—1041 гг.) — 1 экземпляр, Теодоры (1055—1056 гг.) — 2 экземпляра, Константина X (1059—1067 гг.) — 1 экземпляр. Серебряных монет Византии XI в. в Двине не найдено, но они вообще очень редки в Армении.

В Двине оказались медные монеты Ортукидов мардинской линии — Неджм-ад-дина Алпи (1152—1176 гг.) без даты и обозначения места чекана — 1 экземпляр, Кутб-ад-дина Иль-Гази (1176—1184 гг.) без обозначения наименования монетного двора, с пометкой «дирхем» (т. е. номинал серебряной монеты) — 2 экземпляра (рис. 9—4), Ортукида кайфской линии, Кутб-ад-дина Сукмана II (1185—1200 гг.) без обозначения места чекана, со сбитой датой — 1 экземпляр (рис. 9—3)¹, а также медные монеты: Зенгида Кутб-ад-дина Мухаммеда ибн Зенги (1197—1219 гг.) из Синджара — 1 экземпляр (рис. 9—5), менгуджида Фахр-ад-дина Бахрем Шаха ибн Давуда (1155—1218 гг.) из Арзанджана, со стертой датой — 1 экземпляр (рис. 9—6), сельджукида Малой Азии Кылыч Арслана II ибн Масуда (1156—1188 гг.) без обозначения места чекана и даты. Хотя все эти медные монеты 2-й половины XII и 1-й четверти XIII в. и проникли в Двин, но в северной Армении они встречаются весьма редко, и вероятность их постоянного обращения в Двине минимальна.

Прямое отношение к денежному обращению Двина, как показывают находки, имели ильдегизидские монеты XII в. и 1-й четверти XIII в. Широко

Надписи на монетах (рис. 11—3 и 11—4) читать снизу вверх.

распространены были, судя по находкам, монеты атабека Ильдегиза (1136—1172 гг.) с именем султана Арслана ибн Тогрула (1161—1177 гг.) — 36 экземпляров, Кызыл Арслана (1186—1191 гг.) с именем султана Синджара ибн Сулеймана — 35 экземпляров (рис. 10—3), Абу-Бекра (1191—1210 гг.) — 36 экземпляров (рис. 10—4). К сожалению, большое количество ильдегизидских монет из-за плохой сохранности неопределимо — 72 экземпляра. Все найденные ильдегизидские монеты, как обычно, — медные, не содержат указаний о дате и месте чекана, за исключением монеты Мухаммеда Пахлевана (со стертой датой), чеканенной в Ардебиле (рис. 10—2).

Летом 1953 г. в Двине был найден клад медных монет, который в два приема поступил в Государственный исторический музей Академии наук Армянской ССР. В составе клада оказались монеты атабека Ильдегиза (1136—1172 гг.) с именем султана Арслана ибн Тогрула (1161—1177 гг.) — 154 экземпляра (рис. 9—7; рис. 10—1), монета только с именем самого атабека Ильдегиза — 1 экземпляр (рис. 9—8), Кызыл Арслана (1186—1191 гг.) с именем султана Синджара ибн Сулеймана — 4 экземпляра, Абу-Бекра ибн Мухаммеда — 1 экземпляр, грузинские монеты — Тамары и Давида с датой 420 г. кроникона (1200 г. н. э.) — 3 экземпляра, Давида VII, сына Георгия (1247—1270 гг.?) — 1 экземпляр (рис. 10—8), византийская анонимная монета времени Теодоры (1055—1056 гг.) — 1 экземпляр, совершенно стертая — 1 экземпляр и одна, также медная монета очень плохой сохранности, по-видимому, иракского сельджукида султана Гияс-ад-дина Масуда II (1133—1152 гг.) с указанием места чекана — Ардебиль, со стертой датой; на этой медной монете обозначено слово «дирхем», придающее меди значение серебра (рис. 10—5).

Следующей группой медных монет, найденных в Двине, являются монеты Грузии, относящиеся к началу XIII в.: царицы Тамары с именем Давида Сослани и датой 420 г. кроникона (1200 г. н. э.) — 12 экземпляров (рис. 10—6), царицы Русудан с датой 447 г. кроникона (1227 г. н. э.) — 5 экземпляров (рис. 10—7), Георгия IV Лаша по типу с датой 430 г. кроникона (1210 г. н. э.) — 1 экземпляр, Давида VII (1247—1270 гг.?) — 1 экземпляр, грузинская медная монета, перечеканенная хорезмшахом Джелал-ад-дином (1220—1231 гг.) — 1 экземпляр.

Все указанные выше медные монеты XII и начала XIII вв. (рис. 9—3—8; рис. 10—1—7) отражают период серебряного кризиса в денежном обращении Двина.

К исходу 1-й четверти XIII в. в Двин проникают серебряные монеты сельджуков Малой Азии, отмечающие конец кризиса серебра в денежном обращении: дирхем Кай-Кобада I [616 г. х. (1219 г. н. э.)] из Кайсарии (рис. 10—9), два дирхема Кай-Хусрау II из Сиваса [634 (?) г. х. (1236—1237 г. н. э. (?))] (рис. 10—10) и из Коньи [640 г. х. (1242—1243 г. н. э.)]. Последняя, а может быть, и обе монеты Кай-Хусрау II, попали в Двин уже после захвата его монголами в период 1236—1239 гг.

Город, разоренный в 1225 г. Джелал-ад-дином, к концу 1-й половины XIII в. приходит в полный упадок, о чем мы находим сведения в письменных источниках и что установлено археологическим изучением города¹.

Добытый при раскопках нумизматический материал позволяет судить о денежном обращении и торговых связях Двина в различные эпохи и отражает основные этапы политической истории средневековой столицы Армении.

¹ К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван. 1952, стр. 273.

О. И. СМЕРНОВА

МОНЕТЫ ГОРОДИЩА ПЯНДЖИКЕНТА¹*(Краткая общая характеристика)*

В результате работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции на городище древнего Пянджикента собран необычайно обильный монетный материал; особенно богатым в этом отношении оказался 1954 г., когда за один сезон было найдено 365 монет. Общее количество монет, обнаруженных на городище, — более 900. К сожалению, большинство из них — очень плохой сохранности; монетные кружки сильно окислены, попорчены, значительная часть монет поломана, многие пострадали от огня; в связи с этим около 200 экземпляров не могут получить полного определения.

Монетный материал представлен двумя основными группами: согдийскими медными монетами (VII—VIII вв.) и арабскими фельсами, чеканенными при Мансуре (754—775 гг.). Согдийская медь составляет примерно $\frac{3}{4}$ всего количества. Кроме того, найдены единичные экземпляры: китайская монета династии Северной Чжоу (557—580 гг.), монеты типа сасанидских (подражания драхмам Пероза и драхмам Варахрана V), тюркешская (VIII в.) и, наконец, пять серебряных небольших монет (диаметром 10—11 мм) с изображением лучника на оборотной стороне. Исследователи относят последние к выпускам древней Согдианы III—IV вв., но прямых данных для датировки у нас нет².

Согдийские монеты представлены самыми разнообразными типами. Среди них единственные, которые могут быть датированы твердо, — это монеты верховных правителей Согда (ихшидов). Тип монет ихшидов хорошо известен сейчас; они литы по китайскому образцу, на лицевой стороне помещаются родовые знаки правителя (обычно сочетание двух знаков), на оборотной — сопроводительная надпись к знакам, содержащая имя и титул выпустившего монету ихшида. Титул передан идеограммой MLK'.

Известны нам следующие типы монет ихшидов.

1. С именем Шишпира (1-я половина VII в.). На лицевой стороне помещены два знака: один из них — знак «Канского дома», второй — трехконечный знак; на оборотной — сопроводительная к знакам легенда šušrug MLK' — ихшид Шишпир.

¹ Зачитано на заседании секции нумизматики пленума ИИМК АН СССР в апреле 1955 г.

² О них см. последнее исследование в этой области — статью В. М. Массона «Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным». ВДИ, 1955, № 2, стр. 42.

2. С именем Вахшумана (650/655—696 гг.). На лицевой стороне начертаны такие же знаки, как на монетах его предшественника в том же сочетании; на обороте — сопроводительная надпись $\beta\gamma\delta\omega\mu\prime\eta$ MLK' — ихшид Вахшуман.

3. С именем Тукаспадака (696—698 гг.). На лицевой стороне повторены те знаки, которые помещены на монетах двух его предшественников, на оборотной — надпись $twk'sp'dk$ MLK' — ихшид Тукаспадак.

4. С именем Тархуна [700 (?) — 710 гг.]. На лицевой стороне также находятся два родовых знака, однако, сочетание их иное: справа от квадратного отверстия изображается неизменно знак «Канского дома», а слева, в отличие от своих предшественников, вместо второго знака — трехконечного, Тархун помещает вариант знака государей Бухары. На оборотной стороне надпись $tr\gamma\eta\eta$ MLK' — ихшид Тархун.

5. С именем преемника Тархуна — Гурека (710—737 гг.); знаки на монетах такие же, как на монетах Тархуна.

6. С именем Тургара ($tw\gamma\gamma'r$ — $tw\gamma\gamma'\gamma$ ранее принятого чтения), сына и преемника Гурека; согласно китайским хроникам Тургар был утвержден китайским двором царем Согда после смерти его отца — Гурека, умершего, по тем же источникам, в 737 г.

Кроме перечисленных экземпляров, в 1954 г. были встречены две очень плохо сохранившиеся монеты образца монет ихшидов Согда, по типу повторяющие найденные на Афрасиабе и опубликованные без чтения легенд¹. На лицевой стороне помещены знаки, свойственные монетам с именами Вахшумана и Тукаспадака; на оборотной — надпись: имя и титул MLK'. Плохая сохранность монет не дает возможности прочитать имя.

В хронологии царей Согда имеется сейчас только одна лакуна — между ихшидом Тукаспадаком (преемником Вахшумана) и Тархуном, т. е. между 698 г. и началом 700-х годов. Китайские хроники называют между этими правителями царя, имя которого в китайской передаче — Ни-нйе Шы-шы. Иранское звучание имени неизвестно. Что касается имени, помещенного на монете, то до находки экземпляров лучшей сохранности оно не может быть прочтено.

Таким образом, по данной группе монет нам известны шесть имен ихшидов Согда, правивших последовательно на протяжении более столетия — с 1-й четверти VII до середины VIII в.

Обращают на себя внимание два обстоятельства: 1) монеты ихшидов представлены в основном двумя типами, а именно — Вахшумана (67 экземпляров) и Тургара, последнего известного нам ихшида Согда (49 экземпляров); монеты других ихшидов представлены единичными экземплярами; 2) монеты Тургара преобладают среди находок, многие из них были найдены вместе с арабскими фельсами.

Разные типы других согдийских монет не могут быть сейчас твердо датированы; по внешним данным большинство их относится к VIII в. Среди них наиболее интересна для изучения истории Пянджикента недавно выделенная группа монет с именами князей (афшинов) Пянджикента. В настоящее время в этой группе определены и известны четыре типа. Эти монеты, так же как и предыдущие, литы по китайскому образцу, однако, оформление типов другое. Общий для всех четырех типов признак, по которому монеты были выделены в отдельную группу, — это знаки на лицевой стороне.

Один из типов представлен тремя крупными (диаметр 26—27 мм), массивными (вес 4—5 г) монетами (рис. 11—1). На лицевой стороне помещены два знака: справа от квадратного отверстия — $\uparrow$, слева от него — ✂ ; на оборотной — сопроводительные легенды: $rp\delta\upsilon$

¹ ЭВ, VI, 1950, стр. 32, 33.

MR'y 'm'wky'n, т. е. «афшин Пянджи (кента) Амōгйāн»¹. Прочитанное имя Амōгйāн имеет отчетливую этимологию, и потому чтение его можно считать бесспорным. Это сложное имя образовано по типу некоторых других согдийских имен — pwsy'n, rwtu'n², gpy'n³. Первый компонент 'm'wk — заимствованное санскр. Amogha, один из эпитетов Будды со значением «незаблуждение», засвидетельствован в согдийских текстах буддийского содержания⁴. Второй компонент — согд. у'п, производное от древнеиранского (авестийского) уапа — «милость»⁵. Все имя в целом приобретает значение «пользующийся милостью непогрешимого», т. е. Будды. К тому же типу имен принадлежит rwtu'n, представляющее сложное слово из согд. rwtu, санскр. Buddha и согд. у'п — «милость» со значением «пользующийся милостью Будды». Оба эти имени в согдийском, видимо, не что иное как перевод индийских имен. Так, второе из них rwtu'n, как предполагал В. С. Воробьев-Десятовский⁶, — перевод индийского Buddharakshita — «охраняемый Буддой» или Buddhagurta — «хранимый Буддой».

Итак, не делая далеко идущих выводов, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что имя Амōгйāн, которое, согласно надписи на монетах, носил один из афшинов Пянджикента, — индийское имя в согдийском и говорит о каких-то связях его носителя с буддизмом. Обращу внимание на то, что письмо легенд очень четкое, выполнено умелой рукой, но вместе с тем чрезвычайно архаичное и резко отличается от письма легенд остальных монет, в особенности от письма монет, обозначаемых вторым типом. Знаки, помещенные на монетах афшина Амōгйāна, на монетах ихшидов Согда не встречаются. Левый из них несколько напоминает руническое (среднеазиатское) К. Из содержания надписи нельзя прийти к каким-либо заключениям о времени выпуска; техника изготовления, видимо, мало отличалась от отливки остальных согдийских монет. Однако весь внешний вид монет, не говоря о письме, весьма архаичен, и у нас есть основания считать, что они предшествовали остальным типам.

Другой — второй (условно) — тип представлен 111 экземплярами (рис. 11 — 2). На лицевой стороне изображен вариант правого знака монет первого типа, но знак крупнее, занимает все поле монетного кружка и расположен так, что рамка квадратного отверстия служит для него центральной частью. Надпись (развитой полукурсив) находится на оборотной стороне, помещена в одну строку и состоит из четырех слов: γwβ pncu MRy' βуду'п — царь афшин Пянджикента βуду'п. Имя βуду'п (Бидйāн) образовано по тому же типу имен, как 'm'wky'n и состоит из компонентов: 1) βуд — санскр. vidyā — «тайное знание», «магия» и имя собственное богини магии, и 2) согд. у'п — «милость». Соответственно с этими значениями имя βуду'п в целом может быть истолковано как «обладающий милостью магического знания» или «пользующийся милостью Vidyā» лицевой стороне⁷ такой же, как на монетах Амōгйāн, является индийским именем в согдийском. Размер монет варьирует от 17 до 22 мм; соответственно колеблется и вес.

Остальные монеты представлены двумя типами. К одному принадлежат 7 экземпляров, к другому — 9 экземпляров (рис. 11 — 3, 4). Знак на лицевой стороне такой же, как на монетах Амōгйāна и Бидйāна. Легенды

¹ Предварительные данные о монетах этой группы см. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 97, 98. Надпись на монете допускает чтение pncu MR'y'n 'm'wky'n, что смысла ее не меняет.

² Textes Sogdiens. Edités, traduits et commentés par E. Benveniste (Mission Pelliot en Asie Centrale, III). Paris, 1950, 8, 173.

³ Там же, 8, 184.

⁴ Там же, 8, 17.

⁵ *Air. Wb.*, 1285.

⁶ Устное сообщение автору.

⁷ На рис. 11—3 правое изображение.

на оборотной стороне разные; каждая из них состоит из трех слов, первое из которых рпсу, т. е. Пянджи (кентский). Остальной текст не прочтен окончательно; обращает на себя внимание, что последнее слово обеих легенд оформлено показателем женского рода — h, что дает возможность предположить в легендах наличие женского имени или титула¹. Знак и слово рпсу в составе легенд — достаточное основание для того, чтобы отнести эту группу к монетам Пянджикента.

На всех четырех типах монет этого города помещен, как мы видели, один и тот же знак; это обстоятельство убеждает в том, что его следует считать родовым знаком князей Пянджикента (местной династии). Обращает на себя внимание, что все четыре типа оформлены по-разному. Действительно, если для выпусков монет ихшидов Согда характерна определенная группа признаков, их объединяющая, то для монет афшинов Пянджикента таких признаков нет, если не считать одного — общего для всех знака. Объяснение подобной неустойчивости типа представляется только одно: монеты с именем Амбгйана, судя по их оформлению, должны быть значительно старше других типов. О том же свидетельствуют и археологические данные. Возможно, вопрос о датировке поможет разрешить сопоставление их с различными типами китайских монет. Во всяком случае, от китайских монет династии Тан они резко отличаются.

Кроме упомянутых 111 монет с легендой γωβ рпсу MRy' βуду'п, был найден еще клад из 125 экземпляров (объект II). Таким образом, всего за время работ на городище обнаружено 236 монет этого правителя. Титулы Бидйана — γωβ рпсу MRy' повторяют титулы, присвоенные единственному до сих пор нам известному правителю Пянджикента — Диваштичу, который, согласно документам, носил разные титулы, в том числе γωβω и MR'y (вариант MRy'); письмо легенд, как было указано выше, — полукурсив. Распределение монет по объектам, повторяющиеся находки их вместе с монетами Тургара — все это дает достаточно оснований считать монеты Бидйана последними (по времени) с именами афшинов Пянджикента, а самого Бидйана — последним представителем династии Пянджикента.

Существование в Пянджикенте монетного двора свидетельствует о большом политическом и экономическом значении города в эпоху раннего средневековья.

Остановлюсь вкратце на некоторых типах монет других центров. К одному, наиболее интересному из них принадлежат монеты, на лицевой стороне которых помещен особый знак — знак государей Бухары (рис. 11 — 5); на оборотной — надпись, состоящая из двух слов β'γυ β'mrytk — «владыка светлоликий» или «божественный β'mrytk» (букв. «Светлоликий»). Знак на лицевой стороне монет с этой надписью такой же, как на монетах различных (домусульманских и мусульманских) выпусков правителей Бухары и ее области, т. е. той части Согда, которую арабские географы именуют Согдом Бухарским. Этот же знак рядом со своим собственным родовым помещают на монетах цари Согда Тархун и — позднее — Гурек. Вахшуман и Тукаспадак рядом со своим родовым (знаком «Канского дома») помещают иной знак, который изображен на монетах с легендами неизвестным письмом из раскопок на Мунчак-тепе в южном Таджикистане.

Распространение схожих знаков (гербов), свойственных разным династиям, говорит о родственных и, возможно, политических связях между некоторыми из них. Находка в Пянджикенте медных монет с бухарским знаком интересна именно с этой точки зрения.

¹ Не разобранные к моменту доклада легенды на пянджикентских монетах читаются:

1) рпсу "δ β'трпh «Панча превосходительная царица», 2) рпсу "δ рпрпwh «Панча превосходительная госпожа госпож», буквально «госпожа сомужниц».

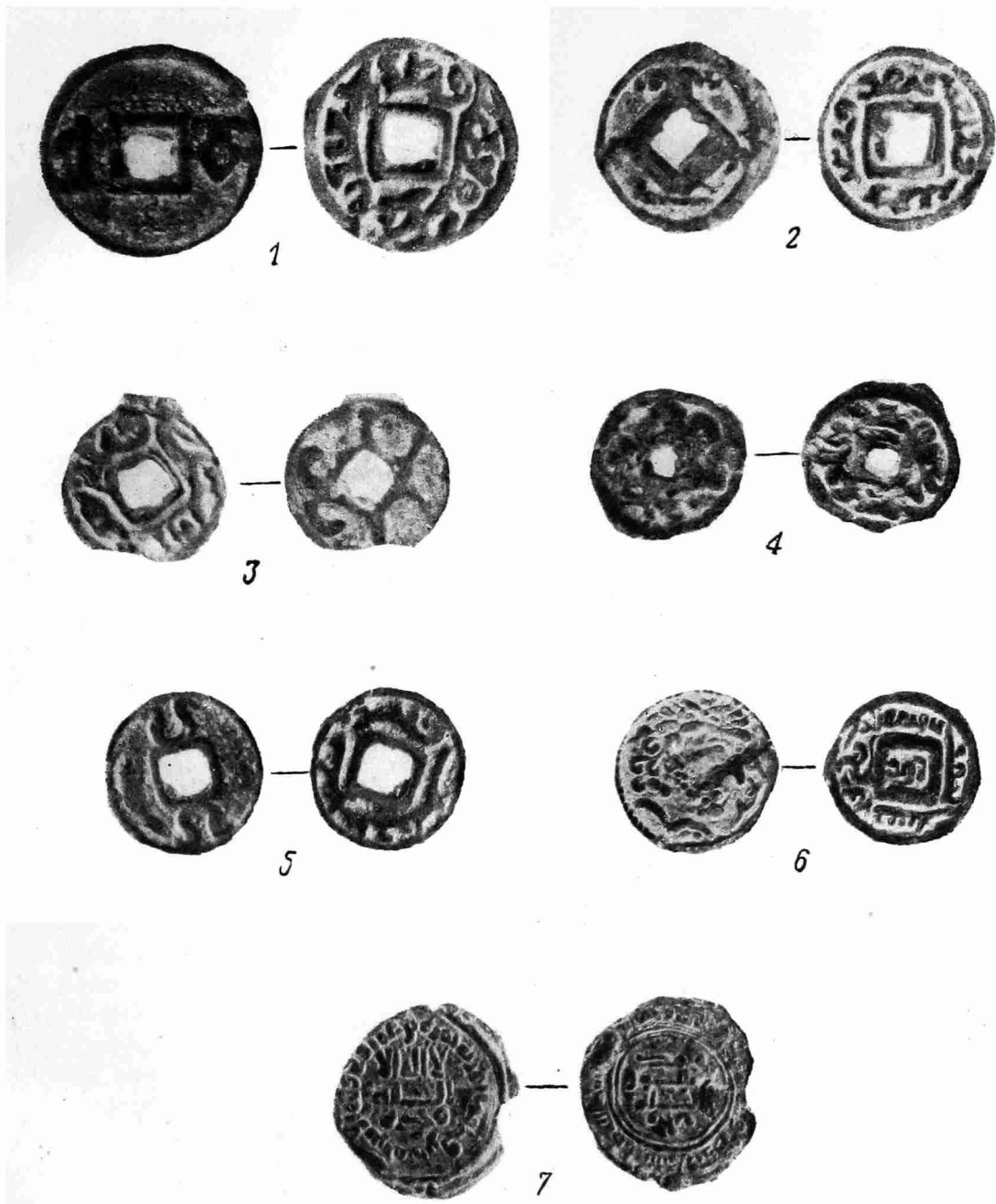

Рис. 11. Монеты из раскопок на городище Пянджикента

Из остальных монет, найденных на городище, наиболее примечательны два типа. К одному из них относятся экземпляры с изображением коня на лицевой стороне, к другому — с портретом царя в крылатом венце (рис. 11—6). Перед лицом царя — надпись из одного согдийского слова — $\text{f}^{\text{h}}\text{p}$ — «благодать»; на оборотной стороне — сопроводительная легенда, в которой упоминаются титул и имя $\text{y}^{\text{w}}\beta$ $\text{y}^{\text{w}}\text{g}^{\text{d}}\text{t}$ — «царь Ахурадат». Титулу и имени предшествует еще одно слово, оформленное суффиксом $-k-$; сравнительный материал показывает, что в этом третьем слове легенды следует видеть производное от названия местности (типа $\text{k}^{\text{w}}\text{s}^{\text{t}}\text{w}^{\text{t}}\text{k}$ — «кштутский», «из Кштута»). Отдельные знаки слова ясны, чтения его — нет; быть может, $-\text{r}^{\text{g}}\beta^{\text{p}}\text{n}^{\text{k}}$ ($*\text{ra}^{\text{y}}\text{f}^{\text{a}}\text{n}^{\text{a}}\text{k}$), т. е. «рагфанский».

Все монеты, о которых шла речь, — медные. Находок серебряных, с надписями на согдийском языке и согдийским письмом, до сих пор не было, что уже обращало на себя внимание. Отсутствие чекана серебра в раннесредневековом Согде представлялось фактом необъяснимым.

Среди находок 1954 г. отметим четыре драхмы типа так называемых монет Бухар-худатов. Из них примечателен экземпляр, на лицевой стороне которого, вместо обычной для таких монет надписи, помещено одно слово согдийским письмом — Тургар ($\text{t}^{\text{w}}\text{r}^{\text{g}}\text{r}$) — упомянутое имя сына ихшида Согда Гурека и его преемника на самаркандском престоле.

В источниках раннего средневековья (памятниках согдийской письменности) термин «драхма» засвидетельствован в форме $\text{d}^{\text{r}}\text{g}^{\text{m}}$. В монете Тургара мы видим образец тех драхм, о которых говорят источники. Находка эта имеет исключительное значение для понимания истории денежного дела в раннесредневековом Согде и разрешает наши недоумения. Теперь мы вправе утверждать, что серебряные монеты были в обращении на территории Согда; они выпускались ихшидами и отмечались их именами. Это были драхмы типа сасанидских, чеканенные по образцу монет Варахрана V, т. е. по тому же образцу, что и монеты Бухар-худатов.

Сказанного достаточно для того, чтобы представить себе более или менее полно состав согдийских монет, встреченных на городище. Большое их количество и разнообразие типов, несомненно, свидетельствуют о высоком уровне денежного хозяйства Согда VII—VIII вв., даже и в таком провинциальном центре, каким по отношению к Самарканду был Пянджикент.

Арабские фельсы по количеству занимают второе место среди нумизматических находок на городище. Только в 1954 г. найдены 64 фельса, что вместе с предыдущими находками составляет 147 экземпляров. Из 64 фельсов удалось полностью определить 42 экземпляра; остальные — крайне плохой сохранности, надписи лицевой и оборотной сторон стертые, уцелели лишь центральные легенды, и то частично; на отдельных экземплярах надписи вовсе не читаются, и принадлежность монетных кружков не может быть уточнена.

Среди найденных фельсов различаются пять типов: 1) с именем Да'уда сына Гур'азы¹; место чекана — Самарканд, 143 г. х. (760—761 гг. н. э.) — 11 экземпляров; 2) с именем ал-Аш'аса, сына Йах'ья; место чекана — Самарканд, 144 г. х. (761—762 гг.) — 43 экземпляра; 3) с именем Ма'бада; место чекана — Бухара, 148 г. х. (765—766 гг. н. э.) — 3 экземпляра; 4) с именем ал-Джунейда, сына Халида; место чекана — Бухара, 151 г. х. (768 г. н. э.) — 9 экземпляров; 5) с именем Хамзы, сына 'Амра; место чекана — Самарканд, 153 г. х. (770 г. н. э.) — 19 экземпляров; этот тип до сих пор не был известен (рис. 11—7).

¹ См. О. И. Смирнова. Неизданный фельс из раскопок на городище древнего Пянджикента. КСИИМК, вып. 60, 1956, стр. 103—106.

В собрании восточных монет Государственного Эрмитажа монет с именем Хамзы, сына Амра — нет, среди изданных из других собраний — также нет. Монеты этого типа из раскопок в большинстве плохой сохранности, монетные кружки фрагментированы и обрезаны по краям, легенды стерты. Однако сопоставление лицевых и оборотных сторон дало возможность восстановить полностью надписи; текст легенд следующий:

Л. с.: В поле «لا اله الا الله وحده» — нет божества, кроме Аллаха, а он един»; круговая легенда *بن قحطبه* *الامير خميد* (sic) *ولىه بن عمرو فى*

— «из того, что приказал выбить Хамза, сын Амра, в наместничество эмира Хумейда, сына Қахтаба». Все — в двойном линейном круге, разделенном на пять частей группами из трех точек.

О. с.: В поле, в двойном линейном круге, в три строки *محمد رسول الله* — «Мухаммед посланец Аллаха»; круговая легенда —

بسم الله ضرب بسمرقند فى ولىه المهدي سنة ثلث وخمسين ومئة
— «во имя Аллаха выбита (монета) в Самарканде в наместничество ал-Махдй, года 153». Все — в линейном одинарном круге.

В легендах упомянуты три лица. Имя ал-Махди в комментариях не нуждается; имя Хамзы, сына Амра в письменных памятниках пока найти не удалось; Хумейд, сын Қахтаба — известный наместник Хорасана при Аббасиде ал-Махдй, согласно Табари, скончавшийся в 159 г. х. (775—776 гг. н. э.)¹. Известны монеты, битые от его имени в Мерве в 155 г. х. (771—772 гг. н. э.) и 156 г. х. (772—773 гг. н. э.). Изучение содержания легенд на фельсах из раскопок, несомненно, должно дать ценный материал для уяснения арабской политики в среднеазиатских частях халифата при первых Аббасидах. Отметим также, что исследование ранних фельсов представит интерес и со стороны эпиграфической.

Для городища непосредственно этот материал интересен с несколько иной стороны: количество арабских монет на нем и обстоятельства их находок на объектах свидетельствуют о том, что эти монеты для городища отнюдь не случайны. Самый поздний из фельсов чеканен в Самарканде в 153 г. х. (770 г. н. э.; таких найдено 19 экземпляров). Отсюда следует и непосредственный вывод о том, что жизнь в городе если не полностью, то частично продолжалась до 70-х годов VIII в. С какими событиями связана его окончательная гибель — остается неясным. Высказано соображение, что гибель города была вызвана движением Муканны². Однако определившийся состав арабских монет позволяет уточнить этот вопрос и считать, что Пянджикент в основной своей части погиб в результате предшествующих событий, вероятнее всего, — в связи с антиарабским движением, которое было возглавлено хорасанцем по имени Устад Сис, охватило весь Хорасан и перекинулось на соседние области. Продолжалось оно два года — 150—151 гг. х. (767—768 гг. н. э.). О размахе этого движения можно судить уже по тому, что, по словам историка Табари, количество восставших достигало 300 тыс. воинов. Вождь движения был схвачен арабами в 152 г. х. (768 г. н. э.)³.

Что касается жизни городища в целом, то монетный материал позволяет придти и к другим выводам. Выше мы указывали, что среди находок на городище почти полностью отсутствуют монеты двух согдийских ихшидов — Тархуна и его преемника Гурека. За все время монет Тархуна найдено 5 экземпляров, Гурека — только два. Между тем правление этих двух царей охватывает довольно большой период — от

¹ Ат-Табари (Лейденское издание), III, 459.

² См. О. И. Смирнова. Монеты древнего Пянджикента. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 105.

³ Ат-Табари, III, 354—358.

конца VII в., по крайней мере, по 737 г. (год смерти Гурека). В то же время VII в. богато представлен монетами Шишпира и Вахшумана (с 640 г. по 696 г.). Период после 737 г. (дата смерти царя Гурека) не менее богато представлен монетами сына Гурека — царя Согда Тургара и позднее (с 760 г.) — арабскими монетами (фельсами), до 770 г. (дата последних самаркандских фельсов).

Объяснение этого факта может быть только одно. На конец VII в. — начало VIII в. приходится начало военных действий арабов в Мавераннахре. Жизнь в стране становится тревожной; торговые связи прерываются. В Пянджикенте жизнь постепенно замирает, город, вероятно, пустеет. Наконец, в 722 г. он подвергается разгрому и уничтожается арабами почти полностью. Афшина Пянджикента (Диваштича) казнят. К концу 30-х годов город вновь оживает и, видимо, отстраивается. Наступает новый, сравнительно недолгий расцвет. В самом начале 70-х годов город снова разгромлен арабами, и на этот раз — окончательно. Позволяют ли данные раскопок выявить два четких строительного-ремонтных периода — нам неизвестно.

Неизвестен нам и период возникновения жизни в городе. Среди монетных находок — китайская монета династии Северной Чжоу (557—580 гг.), эфталитское подражание драхме Пероза (459—484 гг.) и медная кушанская монета так называемого безымянного царя. Кроме того, на городище продолжают периодически находки серебряных монет с изображением лучника. Перечисленные материалы свидетельствуют о том, что средневековому слою, вскрытому раскопками, вероятно, должен предшествовать слой (или слои) более раннего времени. Основным датирующим материалом для него могут служить серебряные монеты с изображением лучника.

Таковы в основном находки монет на городище. Особую ценность среди них имеют согдийские — они дают сейчас полную возможность приступить к подготовке корпуса согдийских монет и бесспорно составят собрание, не имеющее себе равного по числу монет и их разнообразию.

В. В. КРОПОТКИН

О НЕКОТОРЫХ КЛАДАХ РИМСКИХ МОНЕТ, НАЙДЕННЫХ
В РОССИИ*(Из истории русской нумизматики)*

Русская нумизматическая наука в лице академика Х. Френа, П. С. Савельева, В. Г. Тизенгаузена, А. К. Маркова, Р. Р. Фасмера и других ученых с 20-х годов XIX в. тщательно собирала сведения о кладах восточных монет, найденных в России и сопредельных странах Европы.

Первая топография куфических монет издана русским востоковедом П. С. Савельевым в 1846 г. под заглавием «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории»¹. В работе был суммирован большой нумизматический материал и поставлены крупные исторические проблемы. В 1910 г. появилась в печати топография восточных монет, составленная А. К. Марковым². К сожалению, в этой ценной сводке отсутствовали историческое введение и карта. Работа А. К. Маркова была продолжена в советское время Р. Р. Фасмером, А. А. Быковым, Е. А. Пахомовым и М. Е. Массоном³.

Несмотря на большой интерес к римско-византийской нумизматике, топография находок римских и византийских монет не была составлена в России, но материалы к ней собирались Д. Я. Самоквасовым, Ю. Б. Иверсенем, В. Г. Ляскоронским, В. Б. Антоновичем, В. Е. Данилевичем и др.⁴ Общие вопросы о распространении римских монет в России были подняты Д. Я. Самоквасовым⁵ и М. И. Ростовцевым⁶.

Клады римских монет, а также отдельные находки на поселениях и в могильниках первых веков нашей эры обнаружены в большом количестве в Польше и лесостепной части Украины — от Карпат до левобережья Днепра. Отдельные такие клады встречены в Белоруссии, Прибалтике, Средней России, Поволжье, Крыму и на Северном Кавказе⁷.

¹ П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1846.

² А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

³ Р. Р. Фасмер. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. ИАН СССР, отделение общественных наук, 1933, № 6—7.

⁴ В. Г. Ляскоронский. Находки римских монет в бассейне Среднего Приднепровья. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 454—464.

⁵ Д. Я. Самоквасов. О происхождении русских и польских славян и причине появления кладов римских монет в земле древних руссов и ляхов. Труды VIII АС, т. III, М., 1897, стр. 31—43.

⁶ M. Rostowzeff. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922, л. X.

⁷ В. В. Кропоткин. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, № 3, стр. 152—180, карта 1.

При составлении топографии римских и византийских монет в СССР и просмотре старой литературы и архивных материалов нам удалось найти ценные сведения о кладах римских монет, обнаруженных в XIX в. Из-за плохой сохранности многие из них не принимались полностью на хранение в музеи, определялись крайне суммарно и зачастую передавались на Монетный двор для переплавки. Но некоторые сведения были опубликованы и сохранились для науки. Эти публикации, сделанные нумизматами-любителями, разбросаны в старых изданиях и теперь забыты. Их нужно собрать воедино и подвергнуть необходимому критическому анализу, чему и посвящена настоящая заметка.

Жигайловский клад. Первая публикация клада римских монет на русском языке появилась в «Вестнике Европы» за 1804 г. под заглавием «О древних римских монетах, найденных в Ахтырском уезде»¹.

Недалеко от слободы Жихайловки, Белчанской волости (ныне Тростянецкий район Сумской области), «крестьянин, пахавший ниву, нашел в земле медную вазу в виде небольшой сулеи самой старинной фигуры, какие ныне у тамошних жителей совсем не употребляются»². «В сей вазе, — говорилось далее в заметке, — находилось множество древних римских серебряных монет». Бронзовый сосуд весил 2,5 фунта, т. е. 1 кг, а монеты — около 11 фунтов (4,4 кг). Если условно принять средний вес римского денария 4 г, то в кладе было около 1100 монет. Денарии, найденные в Жигайловском кладе, были рассмотрены и определены Ольховичем, Лесевицким и Чемодановым, которые указали монеты следующих императоров: Юлия Цезаря (очевидно, Элия Цезаря), Веспасиана, Вителлия, Нервы, Траяна, Адриана, Сабины, Антонина Пия, Фаустины Августы, Варуса (очевидно, Луция Вера — L. Verus) и Коммода. Денарии от Веспасиана до Коммода в кладах Средней и Восточной Европы встречаются повсеместно. Повидимому, монеты Элия Цезаря (AELIVS CAESAR), найденные в кладе, были ошибочно приняты за монеты Юлия Цезаря, которые в кладах попадаются очень редко. Иначе в монетном составе клада получается большой хронологический разрыв (48 г. до н. э. — 69 г. н. э.). Среди 150 восточноевропейских кладов римских монет известны только два с монетами Юлия Цезаря. В Румынской Буковине в г. Сучава найден клад, состоявший из 28 монет от Юлия Цезаря до Констанция II³. В 1870 г. на Таманском полуострове к востоку от Северной косы обнаружен клад боспорских монет, и в их числе — один серебряный римский денарий Юлия Цезаря⁴.

Жигайловский клад найден в бронзовом сосуде «в виде небольшой сулеи самой старинной фигуры». Ваза изъедена ржавчиной и нигде не спаяна, кроме шейки.

Клады римских монет в металлических сосудах обнаружены на Львовской площади в Киеве в 1874—1875 гг.⁵, в с. Черница, Житомирской области, в 1878 г.⁶ и в с. Борочицы, Волынской области, в 1928 г.⁷ Медный

¹ «Вестник Европы», 1804, ч. XVIII, № 22, стр. 127—129.

² Там же, стр. 127.

³ Jahrbuch des Bukowiner Landesmuseums, Czernowitz, 1893; М. Ю. Браичевский. Час обігу римської монети в антському суспільстві. «Археологія», т. VI, Київ, 1952, стр. 78.

⁴ А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет на Кавказе. ТОНГЭ, I, 1945, стр. 30, № 1, 123, 179; Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. V. Баку, 1949, стр. 16, № 1351.

⁵ В. Г. Ляскоронський. Римські монети, які знайдені на території м. Києва. Київ, 1928, стр. 31—33; В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 257, № 59.

⁶ ДАК, 1880, № 25, лл. 1—3; ОАК за 1880 г., стр. XXIV; В. В. Кропоткин. Топография римских и ранневизантийских монет. ... № 47.

⁷ М. А. Тиханова. Борочицкий клад. СА, XXV, 1956; В. В. Кропоткин. Топография римских и ранневизантийских монет. ... № 94; В. В. Кропоткин. Клады римских монет. ... № 2а и 94.

клепаный котелок и серебряное кольцо из Черницкого клада были присланы в Археологическую комиссию. В Архиве Института истории материальной культуры сохранились рисунки этих вещей (рис. 12)¹. Стенки котелка склепаны из одного листа, дно приклепано, по краю — утолщение, высота котелка — 14,8 см, диаметр по краю — 14 см. Котелок попорчен во время находки клада — часть стенки отломана сошником.

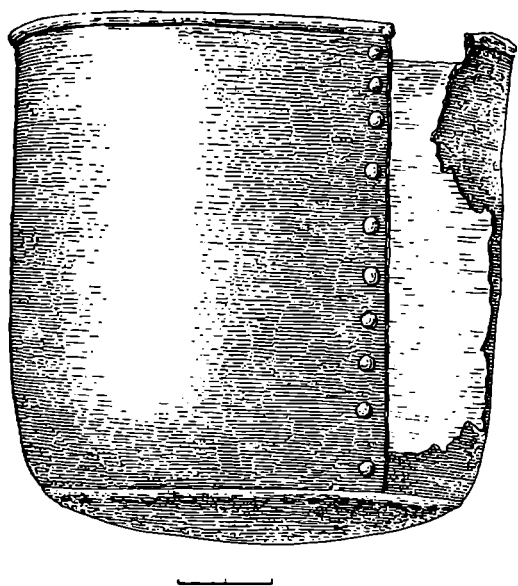
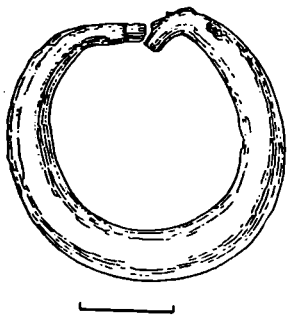

Рис. 12. Медный котелок и серебряное кольцо из Черницкого клада, 1878 г.

Римская торевтика на территории Советского Союза встречена в южных областях в большом количестве. Находки римских и ранневизантийских бронзовых и серебряных сосудов известны в Закавказье и на Северном Кавказе, в Крыму и на Украине, в Нижнем Поволжье и Прикамье. Например, римские бронзовые ковши найдены в 15 кладах и погребениях (Бори, Танаис, станицы Гниловская и Мелеховская, Краснодарское городище, могильник хутора Кубанского, с. Большая Дмитриевка, Ахтиал, Ныргында, с. Трояны, с. Цветно, Кагарлык, Краснополки, Неслухов, Тверская губ.)².

Климовичский клад. В 1804 г. близ г. Климовичи, Могилевской области, найден клад римских императорских монет, сведения о котором сохранились у Д. Я. Самоквасова. По его словам, клад состоял из 1815 серебряных и медных монет первых римских императоров³. В архиве Государственного Эрмитажа имеются краткие известия об этой находке⁴. В ордере на имя хранителя

Эрмитажа Келлера сказано, что «мелкая серебряная монета древнего чекана, найденная в земле Могилевской губернии города Климовича пастухом Данильченком, числом всего 1815», присланная могилевским гражданским губернатором, передана из придворного казначейства на хранение в Эрмитаж. Дальнейшая судьба монет неизвестна. Мы не смогли разыскать источник, откуда Д. Я. Самоквасов почерпнул сведения о составе Климовичского клада.

¹ ДАК, 1880, № 25, л. 8.

² А. М. Волкович. К южным связям Прикамья в последние века до х. э. и в первые века х. э. Труды отдела истории первобытной культуры. Государственный Эрмитаж, 1941, стр. 219—236; К. Мажевски. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Włocław, 1949; ОАК за 1891 г., стр. 91, рис. 70; ОАК за 1896 г., стр. 213—218; Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 42; ОАК за 1913—1915 гг., стр. 201; ДАК за 1914 г., № 63; ОАК за 1906 г., стр. 119; ДАК за 1907 г., № 10, лист 104, 105; ОАК за 1908 г., стр. 124, рис. 175; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 216, рис. 59—5; сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 349, рис. 35; Б. В. Лукин. Очерки истории Подонья — Приазовья. 1948, стр. 87.

³ Д. Я. Самоквасов. Курс истории русского права. М., 1908, стр. 57.

⁴ Архив Государственного Эрмитажа, ф. № 1, оп. № 1, д. № 2 за 1804 г.

Соболевский клад. В 1823 г. в «Северном архиве», в статье «О положении и состоянии Тульской губернии вообще» были опубликованы сведения о находках римских монет в Тульской губернии, в частности о кладе, обнаруженном в с. Соболеве, б. Серпецкой округи, Калужской области. «При сельце Соболевке при копании пруда найдено до 50 бронзовых римских монет: одна из полученных Василием Алексеевичем Левшиным совершенно уцелела и имеет надпись: Гордиан Консул»¹. Приведенные в «Северном архиве» сведения, повидимому, были почерпнуты из описания Тульской губернии, составленного В. А. Левшиным в 1803 г., рукопись которого хранилась в Архиве гражданских губернаторов.

Мазепинецкий клад. В с. Мазепинцы, Велико-Половецкого района, Киевской области, 30 апреля 1868 г. крестьянин Куприян Витер при копании рва вокруг усадьбы нашел глиняный сосуд с римскими серебряными монетами. Клад состоял из 235 денариев от Траяна до Септимия Севера. 196 монет поступили в Археологическую комиссию и переданы на определение Ю. Б. Иверсену, в рукописных тетрадах которого содержатся чрезвычайно ценные данные о составе кладов римских монет. Тетради эти хранятся в нумизматическом отделе Эрмитажа. Ю. Б. Иверсен, работая многие годы хранителем нумизматического кабинета, вел погодные записи о всех поступивших на определение в Эрмитаж монетных кладах. Сохранились тетради Ю. Б. Иверсена за 1870—1882 гг. и список кладов. Сопоставляя отчеты и дела Археологической комиссии с этими записями, мы установили, что по кратким заметкам Ю. Б. Иверсена можно в значительной степени уточнить описание кладов римских монет за 1870—1882 гг. 36 монет из Мазепинецкого клада поступили в нумизматический кабинет Киевского университета, остальные приобретены Ю. Б. Иверсеном для своей коллекции. Краткие сведения о кладе опубликованы в отчетах Археологической комиссии за 1870—1871 гг. в статье Ю. Б. Иверсена и других изданиях². В тетради Ю. Б. Иверсена (за 1870 г., № 15) полученные из Археологической комиссии монеты определены следующим образом³: Траяна (98—117 гг.) — 1 экземпляр, Адриана (117—138 гг.) — 3 экземпляра, Антонина Пия (138—161 гг.) — 57 экземпляров, Луция Вера (161—169 гг.) — 2 экземпляра, Марка Аврелия (161—180 гг.) — 72 экземпляра, Коммода (180—192 гг.) — 59 экземпляров, Дидия Юлиана (193 г.) — 1 экземпляр, Септимия Севера (193—211 гг.) — 1 экземпляр.

Клад датируется монетой Септимия Севера 193 г. н. э. (Н. Cohen. Указ. соч., III, стр. 243, № 83; Mattingly, V, стр. 21, № 6, табл. 5, 2).

Каменский клад. В 1873 г. при дер. Каменка, Минской губернии (уезд нигде не указан), на земле крестьянина Григория Радзевича найден небольшой клад, заключающий римские серебряные монеты и вещи.

В Археологическую комиссию из Минского губернского статистического комитета поступили: 21 денарий (от Траяна до Коммода), серебряная продолговатая гривна, пластинчатый однозигзаговый перстень, 3 про-

¹ «Северный архив». Журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Ф. Булгариным, ч. V, СПб., 1823, февраль, № 3, стр. 250.

² ДАК, 1871, № 20, лл. 1—8; ОАК за 1870—1871 гг. СПб., 1874: «Киевлянин», 1870, № 108; Н. Беляшевский. Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1889, стр. 72; Ю. Б. Иверсен. О кладах. Труды V АС, М., 1887, стр. 249; Б. В. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 48; В. Г. Ляскоронский. Находки римских монет в бассейне Среднего Приднепровья. Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 460; е го же. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. 2-е изд., Киев, 1903, стр. 188, прим. 5; В. В. Кропоткин. Клады римских монет. . . , стр. 258, № 83.

³ Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа. Тетради Ю. Б. Иверсена за 1870—1882 гг. Ссылки на Каталог римских императорских монет Н. Cohen'a даны по 1-му изданию (Paris, 1853).

волочных перстня с завитками, круглое ситечко и 2 подвески, нанизанные на два проволочные перстня, из числа найденных¹.

Вещи переданы в Эрмитаж, а римские денарии уступлены Ю. Б. Иверсену. Монетный состав клада восстановлен по записи Ю. Б. Иверсена (за 1874 г., № 25).

- 1—2. Траян. Л. с.: IMP TRAIANO AVG GER DAC P M TR COS V P P. O. с.: SPQR OPTIMO PRINCIPI. 104—110 гг. (Н. Cohen. Указ. соч., II, стр. 268; Mattingly, III, стр. 57, № 175, табл. 12, 15).
3. Адриан. Л. с.: IMP CAESAR TRAIAN HADRIANVS AVG. O. с.: P M TR P COS III. 119—138 гг. (Н. Cohen. Указ. соч., II, стр. 402; Mattingly, III, стр. 260, 261, № 151—161, табл. 50, 2—4).
4. Антонин Пий. Л. с.: ANTONINVS AVG PIVS P P TR P XVI. O. с.: COS III. 152—153 гг. (Н. Cohen. Указ. соч., II, стр. 61; Mattingly, IV, стр. 114, № 782—785, табл. 16, 15).
5. Антонин Пий. Л. с.: ANTONINVS AVG PIVS P P TR P XI. O. с.: COS, III. 147—148 гг. (Н. Cohen. Указ. соч., II, стр. 106; Mattingly, IV, стр. 90, № 622, 623, табл. 13, 9).
6. Антонин Пий. Л. с.: ANTONINVS AVG PIVS P P TR P COS III. O. с.: IMPERATOR II. 143—144 гг. (?). (Н. Cohen. Указ. соч., II, стр. 163; Mattingly, IV, стр. 70, № 494, табл. 11, 2).
7. Антонин Пий. Л. с.: IMP CAES T AEL HADR ANTONINVS AVG. PIVS P P. O. с.: PAX TR POT XV COS IIII. 151—152 гг. (Н. Cohen. Указ. соч., II, стр. 208; Mattingly, IV, стр. 109, № 749—753, табл. 16, 8).
8. Антонин Пий. Л. с.: ANTONINVS AVG PIVS P P IMP II. O. с.: TR POT XX COS III. 157 г. (Н. Cohen. Указ. соч., II, стр. 332; Mattingly, IV, стр. 129, № 378—380, табл. 18, 17).
9. Марк Аврелий. Л. с.: M ANTONINVS AVG TR P XXIII. O. с.: VICT AVG COS III. 170 г. (Н. Cohen. Указ. соч., II, стр. 350; Mattingly, IV, стр. 460, № 532, табл. 63, 11).
10. Марк Аврелий. Л. с.: M ANTONINVS AVG GERM SARM. O. с.: TR P XXXI IMP VIII. COS III P P 177 г. (Н. Cohen. Указ. соч., II, стр. 327; Mattingly, IV, стр. 492, № 732, табл. 68, 8).
11. Марк Аврелий. Л. с.: M ANTONINVS AVG GERM SARM. O. с.: PIET AVG TR P XXXI IMP VIII COS III P P. 177 г. (Н. Cohen. Указ. соч., II, стр. 154; Mattingly, IV, стр. 495, № 744, табл. 68, 14).
12. Марк Аврелий. Л. с.: M ANTONINVS AVG GERM SARM. O. с.: DE GERM TR P XXXI IMP VIII COS III P P. 177 г. (Н. Cohen. Указ. соч., II, стр. 67; Mattingly, IV, стр. 493, № 738, табл. 68, 12).
13. Марк Аврелий. Л. с.: DIVVS M ANTONINVS PIVS. O. с.: CONSECRATIO. 180 г. н. э. (посмертно). (Н. Cohen. Указ. соч., II, стр. 31; Mattingly, IV, стр. 692, № 21, табл. 91, 10).
14. Коммод. Л. с.: L AEL AVREL COMM AVG PFEL. O. с.: LIB AVG VIII P M TR P XVII COS VII P P. 192 г. (Н. Cohen. Указ. соч., III, стр. 92; Mattingly, IV, стр. 747, № 312, 313, табл. 99, 5).
15. Коммод. Л. с.: M COMMODVS ANTON AVG PIVS. O. с.: P M TR P VIII I IMP VI COS III P P. 184 г. (Н. Cohen. Указ. соч., III, стр. 140; Mattingly, IV, стр. 711, № 127, 128, табл. 94, 8).
16. Коммод. Л. с.: M COMM ANT PFEL AVG BRIT. O. с.: P M TR P XIII IMP VIII COS V P P. 188 г. (Н. Cohen. Указ. соч., III, стр. 181; Mattingly, IV, стр. 734, № 245—247, табл. 97, 3).

¹ ДАК, 1873, № 11, лл. 13, 15; Ю. Б. Иверсен. О кладах..., стр. 250; ЗРАО, XI, вып. 1—2, стр. 290; Н. Моога. Die Eisenzeit Lettland bis etwa 500 Chr., II. Tartu, 1938, стр. 583, прим. 2; В. В. Кропоткин. Клады римских монет..., стр. 257, № 726; его же. Топография римских и ранневизантийских монет... № 72.

Каменский клад состоял, по определению Ю. Б. Иверсена, из денариев следующих императоров: Траяна (98—117 гг.) — 2 экземпляра, Адриана (117—138 гг.) — 1 экземпляр, Антонина Пия (138—161 гг.) — 5 экземпляров, Марка Аврелия (161—180 гг.) — 8 экземпляров, Коммода (180—192 гг.) — 5 экземпляров. Позднейшая монета в кладе — денарий Коммода — датирована 192 г., т. е. последним годом правления этого императора. Серебряная гривна, присланная вместе с монетами, хранится в Государственном Эрмитаже¹ (рис. 13).

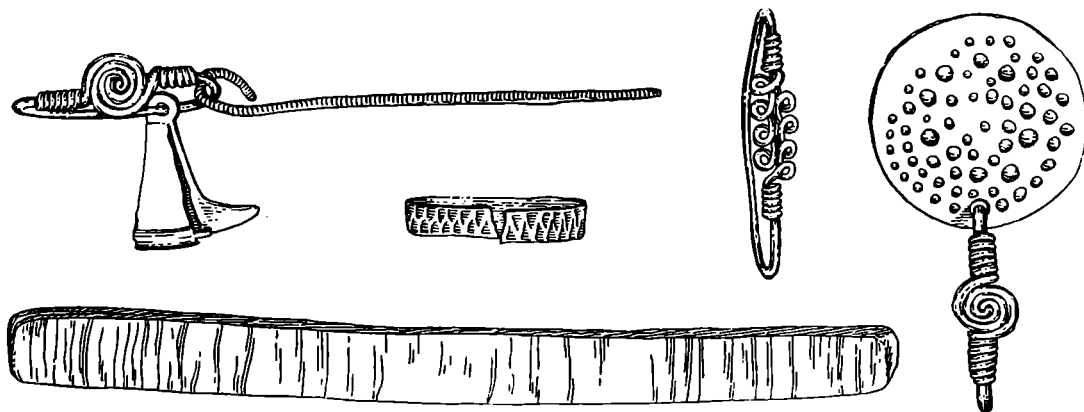

Рис. 13. Вещи из Каменского клада, 1873 г.

Вес гривны — 97,001 г. Каменский клад состоит из разновременных вещей. Гривна и решетчатый однозигзаговый перстень относятся к значительно более позднему времени, чем монеты, и были, повидимому, ошибочно отнесены к составу клада. Проволочные перстни и ситечко датируются по известным нам аналогиям первыми веками I тысячелетия н. э. Подобные ситечки найдены в известном Черняховском могильнике² и сарматском курганном могильнике у с. Большая Дмитриевка, Саратовской области³. Аналогии трем проволочным перстням с завитками, встреченным в Каменском кладе, известны в Крыму и Нижнем Поднепровье. В могильнике у с. Привольного, Днепропетровской области, в погребении 25 обнаружен проволочный перстень аналогичного типа. Ю. В. Кухаренко датирует погребение III—IV вв. н. э.⁴ Два бронзовых проволочных перстня с завитками найдены при раскопках М. Эберта в Херсонской области в женском погребении II в. н. э. (Марицын, погребение 3S)⁵. Аналогичный перстень найден в Тавельском кургане при раскопках Ю. А. Кулаковского в Крыму в 1897 г.⁶

¹ ГЭ, инв. № 151. Гривна описана и взвешена Н. П. Бауэром. См. опись в отделе нумизматики ГЭ, № 17, где сказано: «Продолговатый слиток с плоской поверхностью. Одна из них в морщинах, но не от литья, другая гладкая». Удельный вес — 10,302.

² В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЭРАО, XII, вып. 1—2, новая серия, 1901, стр. 173.

³ И. А. Волков. Больше-Дмитриевские курганы. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, т. I, вып. III, 1888, стр. 285—293. В женском погребении (курган № 96), ориентированном головой на запад, найдены римский бронзовый ковш, серебряное позолоченное ситечко и другие вещи, которые хранятся в Саратовском музее.

⁴ Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. СА, XXII, стр. 142, табл. IV, 9.

⁵ M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn Gouv. Cherson. Praehistorische Zeitschrift, V, 1913, стр. 74, рис. 83. См. также рисунок на стр. 100.

⁶ ОАК за 1897 г., стр. 36—38; Bela Pósta. Archaeologische Studien auf Russischem Boden, Bd. II. Budapest—Leipzig, 1905, стр. 482, табл. 266, 38.

Приведенные аналогии позволяют думать, что проволочные перстни и ситечко проникли в Белоруссию из Северного Причерноморья вместе с римскими денариями 117—192 гг. Межплеменная торговля северных славянских, летто-литовских и финно-угорских племен с более южными лесостепными областями Восточной Европы хорошо засвидетельствована в 1-й половине I тысячелетия н. э. не только кладами римских монет, но и многочисленными вещами южного происхождения.

Эта межплеменная торговля по Днестру и другим рекам Русской равнины возникла еще в скифское время, но в первые века нашей эры она достигла небывалой широты и размаха.

К. В. ГОЛЕНКО

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ РАННЕЙ ЧЕКАНКИ
РИСКУПОРИДА VI

Ввиду крайней ограниченности источников по истории позднейшего Боспора нумизматический материал этого периода, богато представленный в собраниях СССР и часто встречающийся среди археологических находок, приобретает первостепенное значение. Этот материал, в частности монеты Рискупорида VI, никогда не был предметом специального изучения. Лишь в самое последнее время, в связи с публикациями кладов¹, были подняты некоторые вопросы позднебоспорской нумизматики, которые не всегда можно признать окончательно решенными. Рассмотрению некоторых из них и посвящена данная работа.

Вопрос о времени возникновения чеканки и ранних выпусках монет Рискупорида VI, последнего боспорского царя, изучен слабо и очень запутан. Некоторые монеты Рискупорида VI рассматривались изолированно от остальной чеканки этого царя, что привело к произвольной датировке многих экземпляров с неясным или искаженным начертанием года. При этом не был применен наиболее объективный в нумизматике метод сравнения штемпелей². Кроме того, запутанность в вопросе датировки ранних экземпляров усугублялась редкостью многих из них и тем, что большинство нумизматов было убеждено в долговременном совместном правлении Рискупорида VI и предшествующего ему царя Радамсада. Некоторые исследователи относили даже начало чеканки Рискупорида VI к годам, предшествовавшим появлению монет с именем Радамсада³.

Таким образом, разрешение вопроса о времени возникновения чеканки Рискупорида VI тесно связано с датировкой последних выпусков монет Радамсада, которые в старой нумизматической литературе относили к 619 г. боспорской эры (322 г. н. э.). Х. Х. Гиль отодвинул эту дату до 615 г. (318 г. н. э.)⁴; А. Н. Зограф, правда, с рядом оговорок, был склонен принимать ее как 616 г. (319 г. н. э.)⁵.

¹ Л. П. Харко. Тиритакский монетный клад 1946 г. ВДИ, 1949, № 2, стр. 73—86; Д. Б. Шелов. Феодосийский клад боспорских «статеров». ВДИ, 1950, № 2, стр. 134 и сл.

² О значении и методе работы над сравнением штемпелей см. например, O. Ravel. Sulla importanza delle studie dei conii in numismatica greca. Rassegna Numisma, 1929, № 1, Roma, стр. 7 и сл.

³ См., например, А. В. Орешников. Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова, вып. VII. М., 1887, стр. 119.

⁴ Х. Х. Гиль. Новые приобретения моего собрания. ЗРАО, т. V, 1892, стр. 360.

⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 212.

К мнению А. Н. Зографа, очевидно, примкнул и Л. П. Харко, датировавший одну из изданных им монет Радамсада 616 г., хотя ее, — судя по прорисовке года, — можно отнести и к 615 г.¹

И, наконец, П. О. Карышковский счел нужным восстановить ранее принятую дату, считая 619 г. заключительным для чеканки монет Радамсада².

Попытаемся рассмотреть каждую из этих точек зрения.

615 г. в чеканке Радамсада не отрицался никем; монеты эти достаточно обычны (рис. 14—4, 13, 14). К 616 г. А. Н. Зограф относил две группы монет Радамсада; одна из них представлена в собрании Государственного Эрмитажа 4 экземплярами, битыми общим штемпелем лицевой стороны. На месте единиц в обозначении года стоят знаки $\uparrow\text{F}\uparrow$ (ср. рис. 14—2), которые А. Н. Зограф рассматривал как стигму (в цифровом значении 6) и читал год, таким образом, как 616³. Подобное предположение, на наш взгляд, малоприемлемо: 1) на довольно многочисленных монетах Рискупорида VI 616 г. (рис. 14—16—22; рис. 15—1—13), которые должны бы быть одновременными, стигма в году имеет устойчивую форму $\zeta\zeta$ и какие-либо отклонения не отмечались; 2) варианты знака $\uparrow\text{F}\uparrow$ содержат элементы гаммы, которая в своей обычной форме Γ известна в году монеты из Патрэйского клада⁴, чеканенной общим штампом лицевой стороны с монетами, отмеченными А. Н. Зографом (рис. 14—1).

Таким образом, дата выпуска группы монет Радамсада, отнесенной А. Н. Зографом к 616 г., падает, по нашему мнению, на 613 г. (316 г. н. э.).

Что касается монет Радамсада, относимых к 619 г. (322 г. н. э.), то, судя по публикациям и самим монетам, речь может идти только об экземплярах, воспроизведенных у Х. Х. Гиля и в каталоге Британского музея. Год на этих монетах W. Wroth читал определенно — 619⁵, Х. Х. Гиль⁶ полагал, что это тоже 619 г., но тэта вырезана резчиком по ошибке. С мнением Х. Х. Гиля отчасти согласился А. Н. Зограф, считавший, однако, что они выпущены в 616 г.⁷ Чтение года на этих монетах как 619 г. принял без всяких оговорок П. О. Карышковский⁸.

Кроме указанных выше монет, нам известно еще около десятка подобных им, причем все они чеканены общим штампом лицевой стороны (рис. 14—5—12). При внимательном просмотре обращает на себя внимание, что знак в обозначении года, поставленный на месте единиц, никогда не имеет форму $\Theta\Theta$, обычную для тэты на позднебоспорских монетах, а изображен в виде знака ϑ (рис. 14—6), знака δ (рис. 15—9), знака Δ (рис. 15—10). Чтение этого знака, известного, главным образом, на монетах царя Фофорса, разбирается нами в другой работе, где доказывается, что $\vartheta\delta\Delta$ не что иное, как дельта необычного начертания⁹. Правильность подобного чтения подтверждает и легенда лицевой стороны этих монет, где в имени царя ($\text{P}\chi\delta\chi\mu\sigma\acute{\alpha}\delta\iota$) вторая дельта имеет также необычное начертание; кроме того известен ряд монет общего штампа лицевой стороны с дельтой обычного написания (рис. 14—11, 12).

¹ Л. П. Харко. Указ. соч.

² П. О. Карышковский. Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты». ВДИ, 1953, № 1, стр. 110, 111.

³ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 212.

⁴ Патрэйский клад (397 экземпляров) найден в 1951 г. при раскопках. По своему составу он близок Тиритакскому (Л. П. Харко. Указ. соч.). В настоящее время Патрэйский клад подготовлен нами к публикации.

⁵ W. Wroth. Catalogue of the coins in the British Museum. Vol. «Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the kingdom Bosphorus». London, 1889, стр. 78, № 5. табл. XVIII.

⁶ Х. Х. Гиль. Указ. соч., стр. 359, табл. VII, 83.

⁷ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 212.

⁸ П. О. Карышковский. Указ. соч.

⁹ К. В. Голенко. К датировке одной группы монет Фофорса (подготовлено к печати).

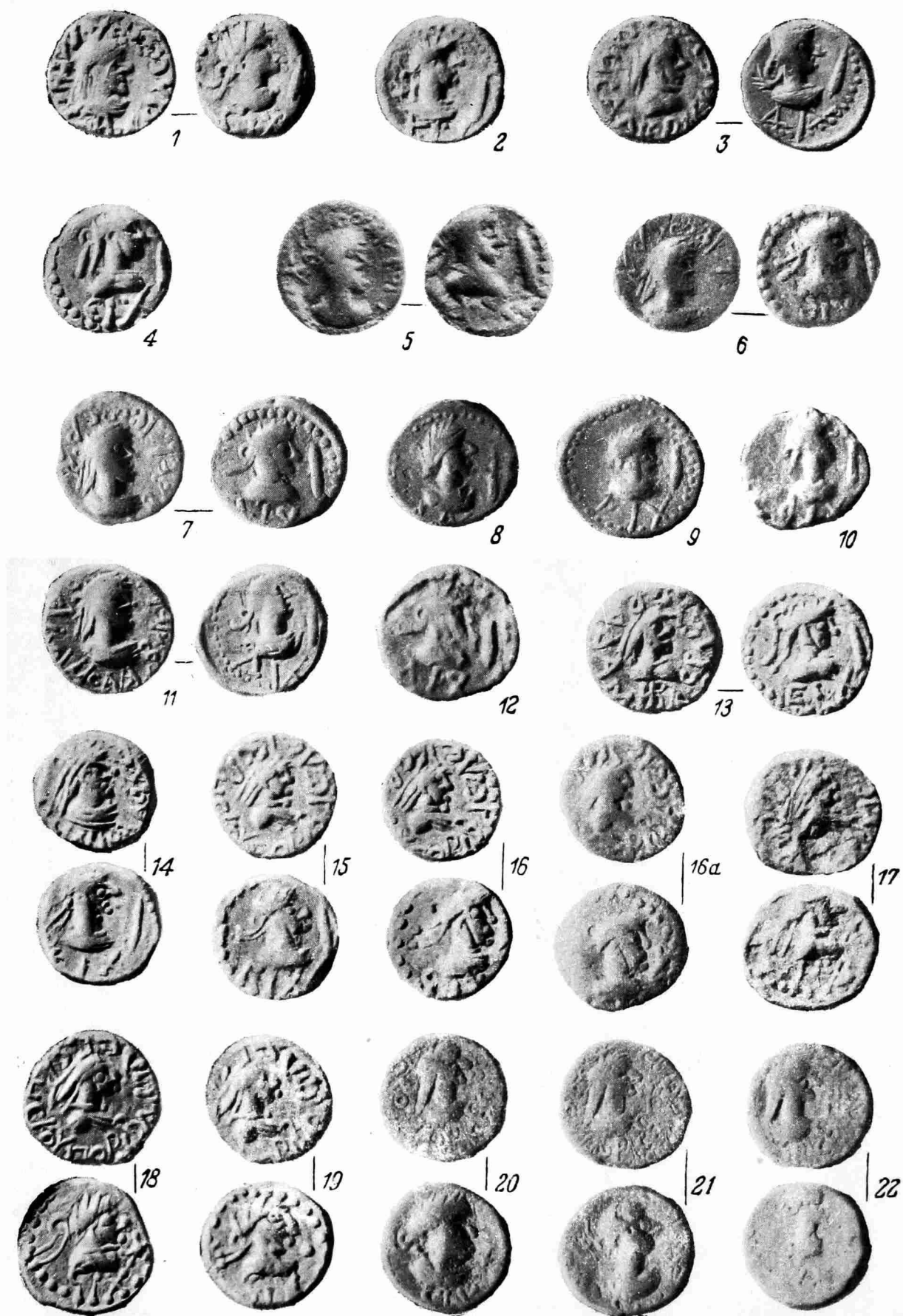

Рис. 14. Монеты Радамсада и Рискупорида VI.

Радамсада: 1, 2 — 613 г.; 3, 5—12—614; 4, 13, 14—615 г. Рискупорида VI: 15—615 г.; 16—22—616 г.
 1—4, 11, 13, 14, 16 — из второго Патрэйского клада; 5 — по Wroth (BMC. Pontus. . . , табл. XVIII);
 6 — по Гялю (ЭтАО, V, табл. VII, № 83); 7—9, 20—22 — из собрания ГЭ; 10, 15, 19 — из собрания
 ГИМ; 12, 16а, 17, 18 — из частных собраний. (Монета 5, в отличие от других, несколько увеличена)

Рис. 15. Монеты Рискупорида VI.

1-13 - 616 г.; 14-16 - 617 г.; 17-22 - 618 г.; 23-26 - 619 г.
 1, 5 - из собрания ГИМ; 2, 6-8, 10-26 - из второго Патрэйского клада; 3, 4, 9 - из собрания ГЭ

Все изложенное заставляет нас монеты, изданные W. Wroth'ом и X. X. Гилем как чеканенные в 619 г., и аналогичные им экземпляры отнести к 614 г. В этой связи нужно упомянуть и монету Радамсада, хранящуюся в коллекциях Копенгагенского музея, ошибочно отнесенную к 619 г.¹, но чеканенную, безусловно, в 612 г.; это подтверждается рядом экземпляров, битых с ней общим штампом лицевой стороны.

Таким образом, установив, что монеты Радамсада, относимые к 616 и 619 гг., чеканены в действительности в 612, 613, 614 гг., мы должны принять мнение X. X. Гиля, считавшего 615 г. последним годом чеканки Радамсада.

Более запутанным является вопрос о дате возникновения чеканки Рискупорида VI.

Во многих нумизматических работах конца XVIII в.—начала XIX в. опубликованы позднебоспорские монеты. К сожалению, авторы публикаций, работая в большинстве случаев над иностранными коллекциями, располагали лишь случайным материалом с нашего Юга, что привело к неправильным определениям. Это послужило причиной появления неверно определенных монет Рискупорида VI в сводках П. П. Сабатье² и Б. Кёне³, — единственных, кстати сказать, до настоящего времени для позднего Боспора. Ранние публикации создали у ряда нумизматов уверенность в необычной хронологической обособленности некоторых монет Рискупорида VI, начало чекана которого они вообще относили к очень раннему времени. В данной работе мы считаем возможным рассматривать монеты, приведенные только в трудах Б. Кёне и более поздних исследователей в области нумизматики Северного Причерноморья, знакомых с оригиналами изданных ими монет.

А. М. Подшивалов⁴ издал две монеты Рискупорида VI, которые датировал 600 и 602 гг. (303 и 305 гг. н. э.); воспроизведены они фототипией, что позволяет легко установить ошибку в чтении годов, происшедшую из-за сдвига штампа оборотной стороны. Одна из них чеканена общим штемпелем лицевой стороны с монетами конца 618 г.—619 г. (ср. рис. 15—22, 23) и дата ее выпуска, очевидно — 619 г. Другая принадлежит по типу к чеканке 620—624 гг. (323—327 гг. н. э.) и находит очень близкие аналогии среди монет 621—622 гг. (324—325 гг. н. э.).

В свое время были опубликованы и другие монеты Рискупорида VI (типа «лицевая сторона — трезубец; оборотная — знак У или звезда»), которые исследователи отнесли к 612 и 613 гг.⁵ Однако монеты этого типа появились лишь в 616 г., и неправильная их датировка была следствием неверного чтения знака единиц в обозначении года.

Просмотр монет Тиритакского клада, а также находящихся в собрании Государственного Исторического музея (где хранятся описанные А. В. Орешниковым экземпляры) и Государственного Эрмитажа⁶, убедил нас в том, что, за одним исключением⁷, все монеты, относимые к 612 и 613 гг., чеканены в действительности в 616 и 617 гг. В этом можно удосто-

¹ «Sylloge nummorum Graecorum. The royal collection of coins and medals Danish National Museum. Vol. «Bosporus—Bithynia». Copenhagen, 1944, табл. 3, 92.

² П. П. Сабатье. Керчь и Боспор. Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Боспорского. СПб., 1851.

³ Б. Кёне. Описание музеума кн. В. В. Кочубея..., т. II, СПб., 1857, стр. 344.

⁴ А. М. Подшивалов. Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosporus Cimmerius. Moskau, 1882, стр. 24, № 75, 76; табл. II, 41, 42.

⁵ А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 120. № 791, 792; Л. П. Харко. Указ. соч., № 48—50; Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 38, 39.

⁶ Пользуемся случаем выразить благодарность Л. Н. Беловой и Ю. С. Крушкю за разрешение осмотреть и опубликовать некоторые из интересующих нас монет собраний ГЭ и ГИМ.

⁷ Монеты 618 и 619 гг.; о них будем говорить особо.

вериться при сравнении их с монетами 616 и 617 гг., среди которых обязательно попадутся экземпляры, чеканенные общим штампом лицевой стороны. Неправильное чтение даты объясняется тем, что при сдвиге штампа оборотной стороны стигму и дзету¹ (6 и 7 в цифровом значении) очень легко принять за бэту и гамму (ВВГ — 2 и 3 в цифровом значении; ср., например, рис. 15 — 13, 14). Таким образом, при уверенности в очень ранней дате начала чеканки монет Рискупорида VI чтение даты на этих монетах как 612 и 613 гг. приобретает кажущуюся правдоподобность.

Ошибочность очень ранней датировки подтверждается и тем, что монеты со спорной датой принадлежат к разным, часто очень поздним типам и оторваны друг от друга хронологически. Подобное обстоятельство не могло иметь места при одновременной чеканке другого царя (Радамсада), которая была достаточно ровной и интенсивной.

Таким образом, отсутствие достоверных монет Рискупорида VI с датой, предшествующей 614 г., позволяет согласиться с А. Н. Зографом, рассматривавшим 615 г. как первый для монет с именем Рискупорида².

Монеты Рискупорида VI, чеканенные в 615 г., издавались неоднократно, но отнесение к этому году экземпляров типа «лицевая сторона — трезубец; оборотная — знак У»³ — не следует признавать удачным. Внимательное рассмотрение знака на месте единиц в обозначении года⁴ и сравнение штемпелей лицевой стороны со штемпелями других монет указывают на неправильность чтения даты, которая всегда оказывается 616 г. или 617 г. (см., например, рис. 15 — 9, 10, 13, 14, где у монет 9 и 13 левый знак похож на эпсилон).

Единственно достоверными, на наш взгляд, монетами 615 г. являются 4 экземпляра (два — в Государственном Эрмитаже, два — в Государственном историческом музее), чеканенные по типу монет Радамсада (лицевая сторона — без эмблемы, на оборотной — палица) и отличающиеся от них лишь именем царя⁵ (рис. 14 — 15).

Если принять во внимание интенсивность чеканки монет Радамсада в 616 г. (нам известны экземпляры, чеканенные 5 разными штемпелями лицевой стороны), то станет очевидным, что чеканка Рискупорида VI в 615 г. не могла быть обильной и падает на конец этого года, что подтверждается и самими монетами, битыми одной парой штемпелей. Если же, учтя сказанное, принять 615 г. как первый в чеканке Рискупорида VI, то следует признать несомненным, что факт совместного правления на Боспоре Радамсада и Рискупорида VI не имел места.

Случаи чеканки в одном и том же году монеты от имени двух царей, из которых один был преемником другого, известны в царской нумизма-

¹ При слабом наклоне поперечной черточки и при отсутствии нижней (из-за сдвига штемпеля) эта буква ничем не отличается по своему начертанию от гаммы (см., например, рис. 15 — 14).

² В этой связи необходимо упомянуть, во-первых, о монете 609 г., отнесенной А. В. Орешниковым (указ. соч., стр. 120, № 789) к монетам Рискупорида VI, которая (очевидно, № 4332 собрания ГИМ) принадлежит Радамсаду; во-вторых, о монетах, датированных рядом исследователей [например, Б. Кёне (указ. соч., стр. 344, № 2), А. В. Орешниковым (указ. соч., стр. 120, № 790)] 610 г., которые следует, вслед за А. Н. Зографом (указ. соч., стр. 158), рассматривать как подражания и которые, по нашему мнению, начали чеканиться не ранее 621 г. (ср. К. В. Голенко. О необычных монетах Рискупорида VI. КСИА, VI, 1956, стр. 57—61).

³ Б. Кёне. Указ. соч., стр. 345, № 3; А. Подшивалов. Московский публичный и Румянцевский музеи. Нумизматический кабинет, вып. 1. М., 1884, стр. 45. № 293.

⁴ На некоторых монетах 616 г. стигма в обозначении года имеет своеобразную форму Ϛ (например, рис. 15 — 9, 13), которую легко принять за луновидный эпсилон. Однако несомненная стилистическая близость оборотных сторон этих монет и общие штемпели лицевых с монетами 616 и 617 гг. (рис. 15 — 10, 15) указывают на то, что перед нами экземпляры 616 г.

⁵ Подобную монету со стертým годом издал Д. Б. Шелов (указ. соч., № 123).

тике (например, статеры 420 г. боспорской эры Савромата I и Котиса II; статеры 531 г. боспорской эры Рискупорида IV и Ининфимея). Выпуск монет по радамсадовскому типу легко объясним, если их рассматривать как первые в чеканке Рискупорида VI¹. Все монеты 615 г. имеют общие штемпели лицевой стороны с некоторыми монетами из чекана 616 г., что заставляет видеть в них первый выпуск 616 г. (рис. 14—15—19). Таким образом, чеканка штемпелем лицевой стороны монет 615 г. падает в основном на 616 г.

Интересно отметить, что после износа или частичной поломки штамп подвергся исправлению, сильно его изменившему² (рис. 14—18, 19; рис. 16—B, Г). Эти монеты 616 г., кажется, не изданы; они очень интересны, и следует рассмотреть их подробнее. Нам известно несколько подобных монет; в двух случаях они чеканены исправленными штемпелями лицевой стороны (рис. 14—18, 19), оборотные стороны биты 4 разными штампами (рис. 14—16, 16a, 17—19). От монет 615 г. (рис. 14—15) они унаследовали общий штамп лицевой стороны, но эмблемы оборотных сторон констатируют уже отход их от радамсадовского типа. Неустойчивость этих эмблем (рис. 14—17, 18—знак Ж; 19—крупная точка; 16, 16a—знак К, у которого точка посередине заставляет видеть в нем недописанную звезду) указывает, что в начале 616 г. определенный тип монет Рискупорида VI еще не сложился.

Более развитыми типологически следует считать примыкающие к указанным монеты 616 г. с изображением трезубца на лицевой стороне и маленькой многолучевой звезды (за исключением экземпляра на рис. 15—5) — на оборотной. Эти монеты также редки³ и чеканены, по нашим данным, 2 разными штемпелями лицевой (один — с незначительными исправлениями⁴) и 8 штемпелями оборотной стороны (рис. 14—20—22; рис. 15—1—5).

Монеты 616 г. с трезубцем и звездой очень важны для понимания типологии выпусков Рискупорида VI. Они являются переходными от самых ранних 616 г. к более поздним монетам 616 г. нового типа (лицевая сторона — трезубец, оборотная — знак Ψ; рис. 15—6—13), с которыми у них общая эмблема лицевой стороны.

К первой серии монет 616 г.⁵ третьего типа (знак Ψ), очевидно, нужно относить монеты, объединенные общим (вероятно, трижды исправленным)

¹ Монеты Рискупорида VI с изображением палицы первым отнес к началу чеканки этого царя Д. Б. Шелов (указ. соч., стр. 138).

² Исправлению подверглись портрет царя (кроме нижней части) и буквы АСІА в легенде. Принадлежность обеих монет (рис. 16—B, Г) одному штампу доказывается наложением изображений монет, при котором не исправленные части штампа полностью совпадают и равно удалены друг от друга, а исправленные детали штампа (кроме букв и мелких деталей, которые могли вырезаться заново) перекрывают первоначальные. Знакомством со способом наложения изображений мы обязаны И. Г. Спасскому. Случаи исправления штемпелей монет Северного Причерноморья, повидимому, не отмечались.

³ См. Б. Кёне. Указ. соч., стр. 345, № 4; А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 120, № 796; Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 40.

⁴ Рис. 15—5 — заново вырезанное изображение трезубца.

⁵ Очевидно, явное преобладание среди монет 616 г. типа со знаком «двузубца» объясняется не только эпизодичностью других типов, но прежде всего резким увеличением интенсивности чеканки Рискупорида VI. Приводим количественное распределение по годам чеканки монет 612—620 гг. из Патрэйского клада:

Год	Количество монет	Год	Количество монет	Год	Количество монет	Год	Количество монет
Радамсад				Рискупорид VI			
612	4	614	6	615	—	618	14
613	6	615	6	616	11	619	17
				617	13	620	45

штампом лицевой стороны (рис. 15 — 6—8). Несмотря на необычность портрета царя на этих монетах, их оборотные стороны находят очень близкие стилистические параллели среди более поздних выпусков (ср., например, рис. 15 — 9—13), имеющих общие штемпели лицевой стороны с монетами 617 г. (рис. 15 — 14—15). Последние чеканились так же интенсивно, но все они — одного типа, который вытеснил окончательно в чеканке 617 г. другие типы. Среди монет 617 г. есть различные варианты стилистического порядка.

Монеты 618 г. типа «лицевая сторона — трезубец; оборотная — знак Ψ » (рис. 15 — 17—19) обычны и примыкают к выпуску 617 г., с некоторыми монетами которого у них есть общие штемпели лицевой стороны (рис. 15 — 16, 17). На 618 г. падает возникновение другого нового типа, отличительным признаком которого является веночек на лицевой стороне при отсутствии эмблемы на оборотной, где знаки года расположены по сторонам бюста императора (рис. 15 — 20—22). Монеты этого типа 618 г. не представляют редкости и их выпуск приходится на вторую половину года, так как некоторые на них чеканены штемпелями лицевой стороны, общими с экземплярами уже 619 г. (рис. 15 — 23). Среди монет 618 г. нового типа обращают на себя внимание 2 экземпляра разных штампов оборотной стороны, но общего — лицевой; знаки года на них неверно расположены: $\chi \eta$ (рис. 15—20) вместо $\eta \chi$ (рис. 15—21, 22);

возможно, это первые монеты нового типа. К концу 618 г. — началу 619 г. относится группа монет, на которой мы позволим себе остановиться подробнее, так как правильная ее датировка чрезвычайно важна для позднебоспорской нумизматики. Эти монеты упоминались в литературе несколько раз.

В 1882 г. А. М. Подшивалов¹ издал монету Рискупорида VI (рис. 16—1), на которой дата читалась как 638 $\Lambda\chi$ (341 г. н. э.). В случае правильности чтения года он явился бы последним в боспорской чеканке, но был бы оторван от остальных монет Рискупорида VI на несколько лет.

А. В. Орешников², — правда, с оговорками, — принял эту датировку и издал монету с датой 639 г. $\text{O}\Lambda\chi$ (342 г. н. э.; рис. 16—5). А. Н. Зограф³, ставя под сомнение правильность подобной датировки, был склонен относить чеканку этих монет к 628—629 гг. (331—332 гг. н. э.), полагая, что лямбда Λ (в цифровом значении — 30) в обозначении года — это небрежно вырезанная каппа K (в цифровом значении — 20). Л. П. Харко⁴, соглашаясь с чтением А. Н. Зографа в отношении первой даты (628 г.), читал, на основании весьма сложных предположений, вторую как 612 г.

Монеты, вызвавшие такой интерес, принадлежат разным типам. Экземпляр, отнесенный А. М. Подшиваловым к 638 г., по своему типу уникален в боспорской нумизматике (лицевая сторона — веночек, оборотная — ветвь). Вторая монета принадлежит обычному типу со знаком Ψ .

Кроме этих монет, известны еще две (рис. 16—2, 3), которые чеканены общими с ними штампами. Следовательно, становится очевидной непосредственная преемственность. Датировки для этих монет предлагались самые различные, но недостаточно обоснованные. Рассмотрение лицевых сторон монет (рис. 16—1, 3, 5) убеждает в том, что они чеканились общими штампами с монетами, публикуемыми на рис. 16—2, 4 и одним

¹ А. М. Podschivalow. Beschreibung..., стр. 24, № 78, табл. II, 43.

² А. В. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического, царей Воспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. НС, т. II, М., 1913, стр. 47, № 13, табл. I, 13.

³ А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 212.

⁴ Л. П. Харко. Указ. соч., стр. 80.

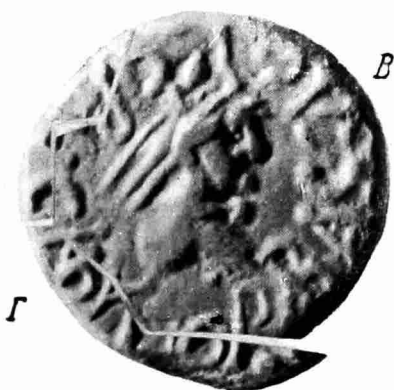
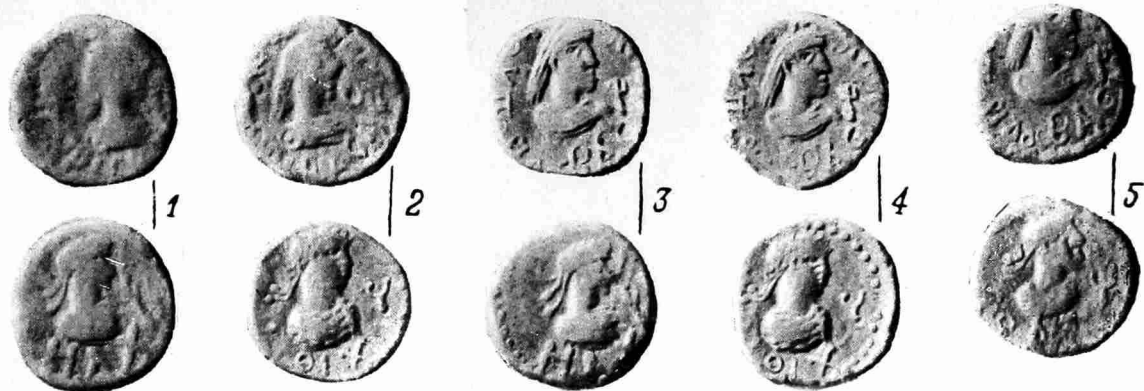

Рис. 16. Монеты Радамсада и Рискупорида VI.

А, Б — Радамсада; *В, Г, 1* (618 г.), *2* (619 г.), *3* (618 г.), *4* (619 г.), *5* (619 г.) — Рискупорида VI.
1 — по А. М. Подшивалову (*Beschreibung...*, табл. II, 43); *2-3* — из собрания ГИМ; *4* — из второго Пятрейского клада; *5* — по А. В. Орешникову (*Нум. сб.*, II, табл. I, 13). (Монеты *А, Б, В, Г* увеличены в 2 раза)

штампом оборотной стороны, на котором год изображен без искажения и ясно читается как 619 (ΘΙΧ). Неслучайность и правильность чтения даты подтверждают еще одна аналогичная монета другого штампа оборотной стороны, но общего — лицевой с помещенными на рис. 16 — 3—5¹.

Таким образом, на основании анализа штемпелей рассматриваемые монеты следует отнести к 618—619 гг.

Кроме анализа штемпелей, позднюю датировку интересующих нас монет опровергает наличие среди них экземпляров со знаком «двузубца», который пропадает на монетах Рискупорида VI после 619 г.²

Эта группа монет рубежа 618—619 гг. интересна с нескольких точек зрения. Экземпляры 1, 3 (рис. 16) свидетельствуют о попытке ввести в конце 618 г. новый монетный тип (рис. 16 — 1), но эпизодичность ее очевидна, так как известен лишь один штамп оборотной стороны нового типа. Следствием этой попытки было появление так называемых гибридных экземпляров (рис. 16 — 2 и, вероятно, 3), т. е. чеканенных штампами разных типологических групп. Подобные монеты в чеканке Рискупорида VI 616—621 гг. (319—324 гг. н. э.) встречаются впервые.

Кроме того, как мы уже говорили выше, все монеты с датой 619 г. старого типа (со знаком Υ) чеканились только одним (исключая экземпляр на рис. 16 — 2, который случаен) штампом лицевой стороны, связь которого с монетами 618 г. очевидна. Следовательно, монеты со знаком Υ чеканились в самом начале 619 г., и их надо рассматривать как последний выпуск этого типа.

Монетами 619 г. можно закончить рассмотрение ранней чеканки Рискупорида VI, так как новый тип (лицевая сторона — венок, оборотная — год по сторонам бюста императора) в этом году окончательно вытеснил старый. Помимо этого, в самом конце 619 г. возникает еще один монетный тип, отличительный признак которого — изображение трезубца на лицевой стороне и орла с венком в клюве — на оборотной (рис. 15 — 25, 26). В 620—621 гг. монета чеканилась уже только по этим двум типам. Они остались популярными также после 622 г., когда начали выпускаться монеты и других типов.

Рассмотрение ранней чеканки Рискупорида VI не будет полным, если не коснуться предположения, выдвинутого Л. П. Харко о принадлежности к категории тамгообразных знаков не только знака на монетах Фофорса, но и изображения палицы (как это принято считать) на монетах Радамсада (рис. 14 — 1—14) и знака Υ на монетах Рискупорида VI 616—619 гг.³ (рис. 15 — 6—19; рис. 16 — 2, 4, 5). Предлагая в знаках тамгу, Л. П. Харко сделал широкие исторические выводы. Знаки помещены на оборотной стороне монет и, по мнению Л. П. Харко, не могли относиться к царю, портрет которого находился на лицевой стороне; не могли они относиться и к изображению императора (на обороте). Таким образом, и знаки, и портреты, против которых они помещены, по мнению Л. П. Харко, могли быть связаны только с каким-то третьим лицом, — вероятно, наместником или соправителем боспорского царя. Последнее предположение Л. П. Харко объяснял уменьшением римского влияния на Боспоре⁴; он

¹ ГЭ, инв. № 75.

² Л. П. Харко Указ. соч., стр. 81.

³ Там же, стр. 80, 81.

⁴ Там же. В качестве добавочного аргумента Л. П. Харко выдвигал предположение об узурпации власти в этот сорокалетний период. Такое предположение ничем не подтверждается, и нам представляется невероятным, что три последних боспорских царя, один из которых носил традиционное имя Рискупорида, были узурпаторами. Кроме того, неясно, почему на монетах узурпаторов не должно помещаться изображение императора, так как монеты Фарсанза (253—254 гг. н. э.), — очевидно, действительно, узурпатора, — в типологическом отношении ничем не отличаются от обычных боспорских стартеров.

считал, что период чеканки этих монет охватывает все правление Фофорса¹, Радамсада и Рискупорида VI до 619 г.

С изложенными выше предположениями нельзя согласиться; ряд наблюдений убеждает нас в ошибочности этой гипотезы.

1. Тип боспорских статеров сложился еще в I в. н. э. и на протяжении всей чеканки боспорских царей не претерпевал никаких изменений, кроме замены имен царей, даты, символов и эмблем. На лицевой стороне статеров всегда помещался портрет царя вправо в диадеме и с длинными волосами, а на оборотной — портрет римского императора с короткими волосами и в лавровом венке. Принадлежность изображения оборотной стороны римскому императору ни у кого не вызывала сомнения, так как это изображение на всех ранних, более тщательно сделанных статерах имеет портретные черты и часто в случае совместного правления двух цезарей на боспорских статерах помещались изображения обоих (Марка Аврелия и Луция Вера — на статерах Евпатора II, Септимия Севера и Каракаллы — на статерах Савромата II). Замена портрета императора портретом другого лица более чем сомнительна.

2. Обязательной особенностью императорского портрета на боспорских монетах можно считать короткие волосы и лавровый венок. Эта деталь обязательна и для монет Фофорса, Радамсада и Рискупорида VI 616—618 гг. боспорской эры, не представляющих в данном отношении исключения. Если же принять точку зрения Л. П. Харко, придется констатировать, что изображению сопровителя царя были присущи особенности, свойственные портрету римского императора, что не может быть приемлемо.

3. По мнению Л. П. Харко, тамгообразный знак как местный не мог быть помещен перед портретом императора. Однако если внимательно просмолтеть эмблемы царских монет, можно отметить, что одни и те же эмблемы могут сопутствовать портрету и царя, и императора. Не составляют исключения и две упомянутые эмблемы — палица и трезубец, символы династических родоначальников боспорских царей — Геракла и Эвмолпа. Следовательно, совмещение царского символа с портретом императора было допустимым. Это можно отметить и для монет Фофорса, на которых незначительность свободного пространства лицевой стороны (из-за легенды) исключала помещение тамгообразного знака перед портретом царя.

4. Существенным аргументом в гипотезе Л. П. Харко о том, что второй портрет на монетах Рискупорида VI (до 619 г.) не мог принадлежать римскому императору, служит утверждение, что в 619 г. тип монет со знаком Y был заменен новым, уже с портретом императора и римской эмблемой — орлом (рис. 15 — 25, 26). Однако преемственности между этими типами монет, которые в 619 г. еще очень редки, нет; их разделяет третий тип (лицевая сторона — венок, оборотная — год по сторонам бюста). Такие монеты чеканились и после 619 г., когда, по мнению Л. П. Харко, был восстановлен принцип помещения портрета императора. Если принять точку зрения Л. П. Харко, окажется, что в 618 г. и начале 619 г. одновременно чеканились монеты как с портретом императора, так и с портретом наместника или сопровителя. Такое усложнение говорит не в пользу и без того сложной гипотезы.

5. По мнению Л. П. Харко, помещение на монетах портрета наместника или сопровителя вместо портрета римского императора было вызвано

---

¹ Л. П. Харко (указ. соч., стр. 80) был склонен относить начало чеканки Фофорса не к 583 г., как это принято (см. А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 212), а к 575 г. Ошибочность этого предположения доказана Д. Б. Шеловым (указ. соч., стр. 138).

уменьшением римского влияния. Однако и этот тезис не выдерживает критики.

В период действительного упадка императорской власти в III в. н. э. и особенно во время так называемых готских походов 50—60-х годов римское влияние на Боспоре было фактически сведено на нет; более того, — боспорские цари были вынуждены помогать варварам в борьбе с римлянами, предоставляя им свои корабли¹. Однако и в это время на боспорских статерах продолжали помещать изображения императоров, как об этом свидетельствуют монеты 568—571 гг. с парным портретом².

На эпоху нового усиления римского влияния, на время правления Диоклетиана и его преемников падает чеканка боспорских царей Фофорса, Радамсада и Рискупорида VI³. По мнению же Л. П. Харко, монеты этих царей характерны отсутствием портрета императора, связанным с ослаблением римского влияния. Таким образом, и историческое обоснование гипотезы не выдерживает критики.

Все перечисленные доводы убеждают нас в неправильности предположения Л. П. Харко о помещении на боспорских монетах 583—619 гг. портрета наместника или соправителя; второй портрет следует рассматривать как императорский.

Вызывает сомнение и утверждение о помещении на монетах Радамсада и Рискупорида VI тамгообразных знаков.

Для монет Радамсада вопрос разъясняется просто: перед императором изображена палица, которая на большинстве экземпляров, очень грубо исполненных, имеет вид черты. Ее Л. П. Харко, — вероятно, из-за отсутствия достаточного количества сравнительного материала, — склонен рассматривать как простейший тамгообразный знак. Исследователю остались неизвестными некоторые монеты Радамсада, тщательнее других исполненные, на которых предмет справа от императора имеет обычную форму палицы (см., например, рис. 14 — 3, 8; рис. 16 — А).

Сложнее обстоит вопрос со знаком Ψ на монетах Рискупорида VI (до 619 г.). Однако попытка рассматривать этот знак как тамгообразный вызывает следующие возражения.

1. Если знак Ψ носил характер царского тамгообразного, то логичнее было бы предположить его помещение на первых выпусках Рискупорида VI. Однако тип монет со знаком Ψ отделен от начала чеканки Рискупорида VI еще тремя типами, один из которых полностью повторяет радамсадовский.

2. Если признать знак Ψ тамгообразным, то единственной аналогией для монет Рискупорида VI являются монеты Фофорса. Однако на них тамгообразный знак известен на протяжении всей чеканки⁴, тогда как монетам Рискупорида VI со знаком Ψ сопутствуют одновременные другие типы, а в 619 г. тип со знаком Ψ исчезает.

3. Тамга на монетах Фофорса находит себе прямую аналогию среди других памятников⁵. Знак Ψ монет Рискупорида VI вообще ничего общего с ними не имеет.

¹ См. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 439 и сл.

² См., например, А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. L, 4—6, 8.

³ В этой связи Л. П. Харко (указ. соч., стр. 82) почему-то говорит об ослаблении императорской власти при Пробе, Каре и Диоклетиане в начале его правления.

⁴ Кроме одного штампа оборотной стороны (очевидно, первого года чеканки 583 г.), где отсутствуют портрет, год и тамга и изображен орел (см., например, А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. L, 21).

⁵ Н. А. Захаров. Вновь найденная плита со знаком из района кубанских плавень. Записки Северокавказского краевого об-ва археологии, истории и этнографии, т. I (II), вып. 5—6. 1929, стр. 9 и сл.

Ю. С. КРУШКОЛ

ПАТРЭЙСКИЙ КЛАД 1950 г.¹

В 1950 г. при раскопках Патрэя экспедицией Московского областного и Московского городского педагогических институтов под руководством А. С. Башкирова в горелом слое эллинистического здания на глубине 3,5 м был обнаружен монетный клад.

После расчистки монет А. Д. Чиварзиным оказалось, что клад состоял из 82 бронзовых монет, из которых четыре распались при чистке.

Клад относится к последнему десятилетию правления Митридата VI Евпатора на Боспоре — ко времени наместничества его сына Махара. Клады периода правления Митридата VI были известны, но не изданы.

Патрэйский клад состоит из 4 групп монет (рис. 17).

Первая группа, самая большая по количеству, — так называемые безымянные монеты. На лицевой стороне их помещено изображение Митридата VI Евпатора в виде бога Диониса в венке из виноградных листьев, вправо; на оборотной — скифский горит, украшенный головами грифонов и увитый лентами, и монограмма. Название города или имя правителя отсутствуют (рис. 17—1—5). Место чекана не обозначено, но, судя по находкам на Керченском и Таманском полуостровах, следует думать, что они чеканены в Пантикапее и Фанагории (А. Н. Зограф считал, что это могла быть также и Горгиппия).

Как удалось установить ранее², эти монеты чеканились в последнее десятилетие правления Митридата VI на Боспоре. На основании рассмотрения большого сравнительного материала можно сделать вывод, что монограммы на оборотной стороне монет содержат имена монетных магистратов. Срок занятия должностей магистратов в эллинистическое время был годичным, а на монетах Патрэйского клада встретилось 10 различных монограмм, поэтому, очевидно, разбираемые монеты относятся к десяти годам правления Митридата VI; благодаря наличию в кладе хорошо датированной синопской монеты можно установить, что это было последнее десятилетие его правления.

Вторая группа — монеты Пантикапея времени Митридата VI. На лицевой стороне их изображена голова бога Митры, вправо, в скифской шапке, украшенной венком, под ней — звезда и полумесяц (герб Ахеменидов); на оборотной — Дионис с тирсом, прямо, голова обращена влево;

. . . . ΤΙΚΑ
 . . . . ΤΩΝ
 [Πχν]τixx[Πχι]τῶν

¹ Зчитано на заседании секции нумизматики пленума ИИМК АН СССР в апреле 1954 г.

² Ю. С. Крушкол. Монеты с монограммами из Патрэйского клада 1950 г. ВДИ, 1952, № 3, стр. 137—147.

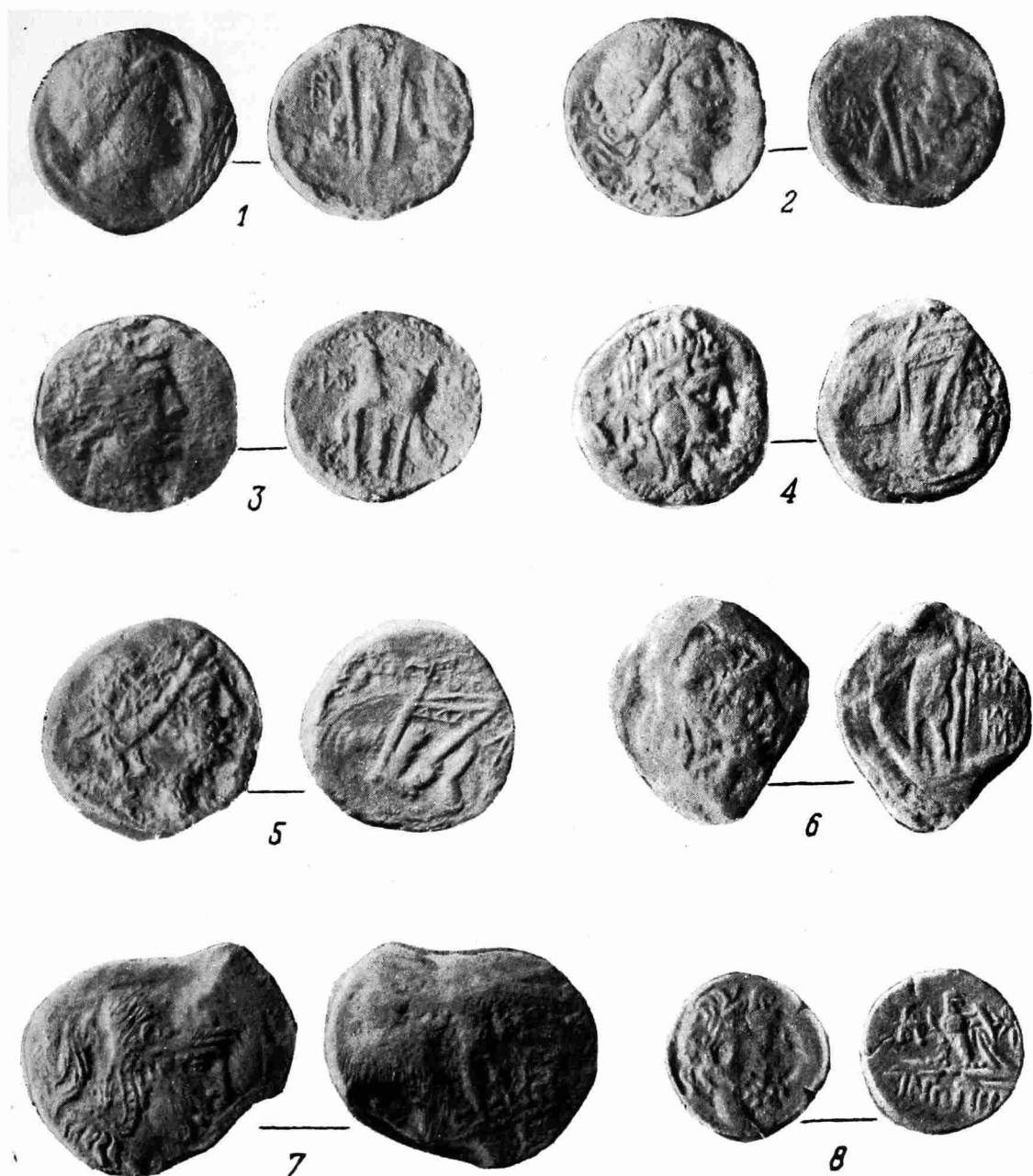

Рис. 17. Монеты из Патрэйского клада 1950 г.

1—5 — „безымянные“ монеты с различными монограммами; 6 — пантикапейская монета с изображением Митридата VI Евпатора в виде бога Митры; 7 — понтийская монета Амиса, Амастрии или Синопы; 8 — монета Синопы 80—70-х годов I в. до н. в.

сохранилась часть надписи; справа помещена монограмма (рис. 17—6). Это довольно редкий тип монет. Из двух найденных в кладе одна монета плохой сохранности, вторая — очень плохой.

Третья группа — монеты с изображением на лицевой стороне головы Афины в шлеме, вправо; на оборотной — Персея, стоящего прямо, держащего в левой руке голову Медузы; у ног его — туловище Медузы; по обеим сторонам фигуры Персея — название города; в поле монеты — монограммы (рис. 17—7). Таких монет в Патрэйском кладе — две, причем обе очень плохой сохранности; изображения на оборотной стороне почти не сохранились, стерты также монограммы и название города. Такого типа монеты чеканились во времена Митридата VI в нескольких городах Понта (Амисе, Амастрии и Синопе), поэтому определить, к какому именно городу следует отнести данные монеты, невозможно.

Четвертая группа — монеты Синопы. На лицевой стороне изображена голова Зевса вправо, на оборотной — орел на молнии; внизу — название города ΣΙΝΩΠΗ, слева — монограмма (рис. 17—8).

Ф. Имхоф-Блумер относил эти монеты к 80—70-м годам до н. э. А. Н. Зограф считал, что хронология этой группы монет установлена на основании твердых данных, так как на некоторых из них имеется дата понтийской эры — 223 г., т. е. 74 г. до н. э. Эта группа монет и датирует описываемый нами клад.

Состав Патрэйского клада 1950 г. и обстоятельства его находки позволяют сделать выводы как чисто нумизматического, так и исторического характера.

Ввиду того, что в составе Патрэйского клада есть твердо датированные монеты, можно более точно, чем это было сделано раньше, датировать и другие монеты клада. Следовательно, все приведенные выше типы монет относятся к концу правления Митридата VI.

На основании стратиграфических данных находки клада, его состава и сопоставления со свидетельством Аппиана можно установить дату разрушения Патрэя Фарнаком (в 63—62 гг. до н. э.). Осада и разрушение Фарнаком Патрэя возможны только в том случае, если в Патрэе было восстание народных масс против Фарнака, как в Фанагории. Таким образом, находка клада в слое пожарища служит доказательством не только осады города Фарнаком, но и восстания против него патрэйцев.

Большое количество монет из раскопок Патрэя в виде случайных находок (более 500) и в данном кладе свидетельствует о развитом денежном обращении в этом районе Боспора. Патрэй, входя в состав Боспорского государства, пользовался, судя по монетному материалу, во время правления Митридата VI монетами Пантикапея и понтийских городов; монеты последних, видимо, имели хождение на Боспоре в силу развитых экономических связей и политического объединения Понта и Боспора.

Н. П. РОЗАНОВА

О ЗОЛОТЫХ МОНЕТАХ С НАДПИСЬЮ ΚΟΕΩΝ¹

В Отделе нумизматики Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина хранится золотая монета (инв. № 52), следующим образом описанная А. В. Орешниковым: « Δ /21 мм, 8, 37 гр. Первый консул Л. Брут с двумя ликторами сзади и спереди, идущими влево; слева — монограмма В (т. е. LB — Lucius Brutus); под чертою ΚΟΕΩΝ ободок из точек.

Обр. Орел с приподнятыми крыльями, влево; правой лапой держит венок; ободок из точек»².

Кроме этого ауреуса, в отделе нумизматики Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина хранятся еще шесть золотых монет с надписью ΚΟΕΩΝ: пять из них без монограмм и одна с монограммой, такой же, как на экземпляре, изданном А. В. Орешниковым, но более тщательно выполненной.

1. Инв. № 1444. Л. с.: То же изображение и надпись с монограммой В. N Размер — 20,5 мм, вес — 8,264 г. Взаимоотношение осей ↑↑. Сохранность — отличная (рис. 18 — 2).

2. Инв. № 1446. Л. с.: То же изображение и надпись, без монограммы. N Размер — 19,3 мм, вес — 8,45 г. Взаимоотношение осей ↑↑. Сохранность — отличная (рис. 18 — 3).

3. Инв. № 1448. Л. с.: То же изображение и надпись, без монограммы. N Размер — 18 мм, вес — 8,431 г. Взаимоотношение осей ↑↑. Сохранность — отличная (рис. 18 — 4).

4. Инв. № $\frac{474}{28801}$. Л. с.: То же изображение и надпись, без монограммы. N Размер — 19—21 мм, вес — 8,428 г. Взаимоотношение осей ↑↑. Сохранность — отличная (рис. 18 — 5).

5. Инв. № 1447. Л. с.: То же изображение и надпись, без монограммы. N Размер — 18,8 мм, вес — 8,351 г. Взаимоотношение осей ↑↑. Сохранность — отличная (рис. 18 — 6).

6. Инв. № 1445. Л. с.: То же изображение и надпись, без монограммы. N Размер — 20 мм, вес — 8,226 г. Взаимоотношение осей ↑↑. Сохранность — отличная (рис. 18 — 7).

¹ Зачитано на заседании секции нумизматики пленума ИИМК АН СССР в апреле 1954 г.

² А. В. Орешников. Описание древнегреческих монет, принадлежащих Московскому университету. М., 1891, стр. 244, 245, № 1923.

Об ауреусах с надписью ΚΟΣΩΝ написано очень много; существуют различные мнения об их происхождении, которые мы вкратце здесь и изложим.

Еще «отец нумизматики» И. Эккель¹ сопоставил эти монеты со следующим текстом Аппиана: «Когда Брут собирал еще войска и деньги, во Фракии произошел такой случай: Полемократия, жена одного царька, после убийства последнего его врагами, боясь за своего сына, бывшего еще ребенком, пришла с ним к Бруту и передала ему сына и сокровища мужа. Брут отдал ребенка жителям Кизика, чтобы они воспитывали его до тех пор, пока не представится случай взойти ему на престол, а в сокровищах царя он (т. е. Брут) нашел неожиданно множество серебра и золота, из которого и велел чеканить монету»². Эккель предполагал, что из сокровищ Полемократии были выбиты монеты с надписью ΚΟΣΩΝ, причем ΚΟΣΩΝ он принимал за имя убитого мужа царицы.

Мнение И. Эккеля принял Б. Хэд. В каталоге монет Британского музея и в первом издании своего труда «*Historia numorum*» он отнес эти монеты к царю Фракии Косону³. Но во втором издании той же работы Б. Хэд⁴ считает рассматриваемые ауреусы принадлежащими чекану Ольвии, читая монограмму **Β** как Olbia.

Мнения И. Эккеля придерживался и Г. Лишин при издании монет своей коллекции⁵. Он называет Косона царем Фракии, с именем которого Юний Брут приказал выбить золотые монеты к 42 г. до н. э. В коллекции Г. Лишина находятся 2 экземпляра ауреусов с надписью ΚΟΣΩΝ, один из них — с монограммой.

Т. Момзен⁶ сначала принял положение И. Эккеля, но затем, основываясь на вновь найденных тогда эпиграфических документах, открыл, что имя мужа Полемократии было не Косон, а Садала, и сыновей ее звали Котис, Реметалк и Рискупорид. Таким образом, предположение И. Эккеля отпало. Нантейль⁷ считал Косона одним из скифских царей и, следуя Хэду, отнес чеканку к Ольвии. С. Грозэ⁸, издавая ауреус с надписью ΚΟΣΩΝ и монограммой **Β**, датировал монету 50 г. до н. э. Ссылаясь

на последнее издание труда Б. Хэда, С. Грозэ отнес ауреус к скифскому царю Косону (правда, со знаком вопроса) и отметил, что Е. Минз⁹ отвергает ольвийское происхождение этих монет.

Икар в своем труде, изданном в 1932 г., относит монеты с надписью ΚΟΣΩΝ (со знаком вопроса около нее) к Фракии¹⁰.

М. Барфельдт в специальной статье, посвященной монетам с надписью ΚΟΣΩΝ, понимает эту надпись как имя царя даков¹¹. Разбирая мнение М. Барфельдта, А. В. Орешников замечает¹²: «Автор так уверен в своем

¹ J. Eckhel. *Doctrina numorum veterum*, vol. VI. Vindobonae, 1796, стр. 23.

² App. *Bell. civ.*, IV, 75.

³ B. V. Head. *Historia numorum*. Oxford, 1887, стр. 244.

⁴ B. V. Head. *Historia numorum*. Oxford, 1911, стр. 272.

⁵ Collection G. N. Lischine [Monnaies grecques. Thrace. Catalogue, accompagné de vingt-quatre planches en phototypie]. Beyrouth, 1902, стр. 162, № 1499, 1500.

⁶ Th. Mommsen. *Histoire de la monnaie romaine*, III. Paris, 1865—1875, стр. 283.

⁷ H. D. Nanteuil. *Collection de monnaies grecques. Texte et Atlas*. Paris, 1925, стр. 235, табл. XLII, 692.

⁸ Fitzwilliam Museum. *Catalogue of the Mac Clean collection of Greek coins* by S. W. Grose, vol. II. Cambridge, University Press, 1926, стр. 200, № 4547, табл. 171, 6.

⁹ E. H. Minns. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, стр. 489, n. 6. «I cannot agree in assigning to Olbia the coins with ΚΟΣΩΝ». N. H.² l. c. cf., Berlin, *Beschr.*, стр. 23.

¹⁰ Icard. *Identification des monnaies* Paris, 1932.

¹¹ M. Bahrfeldt. *Ueber die Goldmünzen des Daker-Königs ΚΟΣΩΝ*. Berlin, *Blätter N. F.*, 1912, Bd. IV, стр. 251, 323, 360 и сл.

¹² А. В. Орешников. *Экскурсия в область древней нумизматики Черноморского побережья*. (Монеты царей гетов и царей скифов). ИС, III, М., 1915, стр. 5, 6.

открытии, что даже в заглавии поместил год смерти Косона в 725 г. от основания Рима, в 29 г. до Р. Х.». И далее: «... Для нас важны не заключения автора о принадлежности статеров царю даков Косону, а данные о находке этих монет далеко за пределами Ольвии. Автор говорит, что главные находки кладов со статерами Косона были сделаны в Южном Семиградье (Трансильвании), местности, где некогда жили даки, царю которых Косону он и относит чеканку статеров. В монограмме, читаемой разными авторами как BR, OLV и т. д., Барфельдт видит BA, т. е. начало титула βασιλεύς, и имя Косона сопоставляет с Котисоном, царем даков, или гетов, упоминаемым у Светония в жизнеописании Августа, который обручил свою дочь Юлию с царем гетов Котисоном, прибавляя при этом, что имя Cotison в некоторых рукописях Светония пишется Coson». Голь придерживается мнения Барфельдта¹.

Сам А. В. Орешников считал соображения М. Барфельдта остроумными и заманчивыми, но предупреждал, что принимать их за непреложные преждевременно. Другая группа исследователей в надписи видела не личное имя, а название города, чеканившего ауреусы.

Т. Мионнэ² сначала относил монеты к городу Этрурии Cosae, но позже отказался от своего мнения и приписал их городу Cossea во Фракии.

М. Коэн³ в 1857 г. в своем труде описал следующий серебряный денарий (рис. 18—8; инв. № ГМИИ 1097):

Л. с.: LIBERTAS, голова Свободы, в диадеме, вправо.

О. с.: Брут идет между двумя ликторами, предшествуемый accensus. внизу — надпись BRUTUS.

Далее М. Коэн пишет: «Можно прибавить к монетам фамилии Юния следующую монету, которая была выбита в Коссе, во Фракии, вероятно, по приказанию Брута», и далее приводит ауреус с надписью ΚΟΣΩΝ, имеющий на лицевой стороне монограмму, которую исследователь расшифровывает как Lucius Brutus.

Е. Бабелон⁴, при описании серебряного денария фамилии Юния с надписью Brutus, также говорит, что золотые монеты с надписью ΚΟΣΩΝ биты Марком Брутом во Фракии в городе Коссе (Cossea) для уплаты жалования войскам, а сходные по типу римские денарии биты в Македонии в период времени до битвы при Филиппах (до 42 г.).

Заллет считает, что рассматриваемые монеты чеканены в Македонии, и относит их ко времени Брута⁵.

Приведенный разбор мнений по вопросу о происхождении монет с надписью ΚΟΣΩΝ показывает, что единой точки зрения не существует и что правильный путь решения вопроса, намеченный еще Т. Мионнэ и вслед за ним М. Коэном и другими, был затемнен затем высказываниями Б. Хэда в 1911 г., М. Барфельдта в 1912 г. и определениями других западноевропейских ученых, принявших как непреложную истину последнее высказывание Б. Хэда.

Никем из этих исследователей не была привлечена интересная находка клада, состоящего из ста ауреусов с надписью ΚΟΣΩΝ, в Валахии,⁶

¹ Gohl. Kosson. (Kotison) dák király aranypenzei Num. Közleony XI Evfolyam, 1912. Budapest, 1912.

² T. E. Mionnet. Description de médailles antiques grecques et romaines. Paris, 1806—1808, vol. I, стр. 98; vol. II, стр. 276, № 445; vol. VII. Planches, табл. XV, 1233.

³ M. Cohen. Description générale des monnaies de la République Romaine, commencement appelés médailles consulaires par H. Cohen. Paris—Londres, 1857, стр. 174, 175, Junia, № 42.

⁴ E. Babelon. Description historique et chronologique des monnaies de la République Romaine, t. II. 1886. стр. 114. № 31; стр. 579, № 30.

⁵ Königl. Museen zu Berlin. Beschreibung der antiken Münzen, Bd. II. Berlin, 1889, стр. 23, табл. II. 16.

⁶ Bulletino d'Inst. 1848, стр. 33 и 36.

Рис. 18. Золотые монеты

а находка в Трансильвании отмечена только М. Барфельдтом и А. В. Орешниковым¹.

Об отнесении монет с надписью ΚΟΣΩΝ к Ольвии не может быть и речи.

Во-первых, ни исторические, ни эпиграфические, ни нумизматические данные не называют нам имени этого царя. Во-вторых, имя царя на ольвийских монетах пишется в родительном падеже единственного числа, причем с титулом βασιλέως перед именем царя: βασιλέως Σκιλοῦρου, βασιλέως Φαρζοίου. В-третьих, монограмма на ауреусах с надписью ΚΟΣΩΝ никак не может расшифровываться в слово Ολβίη, так как мы знаем, что имя этого города обычно сокращается на монетах слогом ΟΛ или ΟΛΒΙΟ, причем всегда — греческими буквами.

Кроме того, мы считаем, что монограмма на монетах с надписью ΚΟΣΩΝ состоит из двух букв, но не LB, как обычно ее расшифровывают, а BR, т. е. не L. BRUTUS — прадед и дед предка Марка Юния Брута, а просто BRUTUS, т. е., одно помен, которое может относиться как к знаменитому предку Марка Юния Брута, так и к нему самому, чеканившему эти монеты.

В основном главных выводов это не меняет, но служит дополнительным аргументом расшифровки монограммы как BR, т. е. BRUTUS, а ни в коем случае не OLB, т. е. OLBIA.

Если мы внимательно рассмотрим монограмму, то увидим, что верхняя часть ее содержит букву В, а нижняя часть (т. е. нижний полукруг от В и наклонная линия вправо) составляет букву R. Если считать первой буквой монограммы L, то нижняя палочка этой буквы должна была бы быть начертана горизонтально, а не наклонно, как мы видим на монетах (особенно хорошо это заметно на монете № 1444 — рис. 18 — 2).

Для сравнения начертания букв В, R, L можно взять одновременные разбираемым ауреусам денарии Марка Юния Брута (рис. 18 — 8) или Децима Юния Брута. Здесь в надписи на оборотной стороне ALBINUS BRUTI F буква L образует совершенно правильный угол, чего мы не наблюдаем в монограмме, а у буквы R правая нижняя черта так же наклонна, как и в монограмме ауреусов с надписью ΚΟΣΩΝ. На одновременных денариях Марка Юния Брута с изображением Свободы на лицевой стороне мы видим на оборотной то же изображение, что и на оборотной стороне ауреусов, хотя здесь представлены 4 фигуры, а не три, так как впереди идет ассensus; внизу — надпись BRUTUS, а не L. BRUTUS, что тоже служит подтверждением предлагаемой нами расшифровки монограммы² ΚΟΣΩΝ — название жителей города Коссы (Cossea, Κόσση) во Фракии, стоящее, как обычно на монетах, в genitivus pluralis; nominativus pluralis будет Κόσσοι. На ауреусах Марка Юния Брута мы наблюдаем одновременное употребление латинского и греческого алфавита: BR — латинские буквы, слово же ΚΟΣΩΝ начертано греческими буквами.

Выпуск монеты из драгоценного металла, полученного в качестве контрибуции, в I в. до н. э. обычен. О таком выпуске по приказанию, данному квестору Лукуллу римским полководцем Суллой в 83 г. до н. э., в Малой Азии, говорит Плутарх.

Когда Митридат, по заключении мира, удалился в Понт, Сулла наложил на провинцию Азии военную контрибуцию в 12 000 талантов и поручил Лукуллу получить ее в металле, а затем (из этого металла) вы-

¹ А. В. Орешников. Указ. соч. НС, III, 1915, стр. 5, 6.

² Так же расшифровывает монограмму Грюбер (A. Grueber, O. Codrington. Coinage of the Triumvirs Antony, Lepidus and Octavian. Num. Chron., 4-th. ser., vol. X, 1, 1911, стр. 129, 130, табл. VIII, 11).

бить монеты¹. Здесь мы находим на ауреусах легенду $\epsilon\upsilon\phi\epsilon\sigma\iota\omega\nu$ и обычный тип Дианы Ефесской. Из другого текста Плутарха² известно, что после того как Сулла приблизил к себе Лукулла, «он поручил ему, между прочим, чеканку монет. Большинство монет было выбито в Пелопоннесе, во время войны с Митридатом, под наблюдением Лукулла, вследствие чего они назывались «лукулловскими». Они очень долго существовали в обращении. Во время похода солдаты делали на них покупки, причем монету легко принимали». В 81 г. до н. э. Луций Манлий, квестор Луция Лициния Мурени, оставленный в Азии Суллой, так же как и Лукулл в 83 г. до н. э., выпустил монеты из металла военной контрибуции.

Такую же эмиссию золотых монет из металла военной контрибуции осуществил, очевидно, и Марк Юний Брут в городе Коссы, о чем свидетельствуют ауреусы с надписью ΚΟΣΩΝ .

Надпись ΚΟΣΩΝ на экземплярах с монограммами вырезана тщательнее, чем на экземплярах без монограммы. Буква Κ состоит из четырех точек Ϛ , соединенных между собой равными штрихами; Ο — меньшего размера, совершенно круглое и ровное; буква Σ состоит из пяти правильно расположенных точек, на некоторых штемпелях даже почти не соединенных штрихами. В слоге ΩΝ омега меньше размером, чем сигма и ню, и составляет с рядом стоящим Ν лигатуру ΝΩ . На экземплярах без монограмм надпись выполнена небрежно, но сохраняет в основном те же начертания букв; точек на оконечностях букв нет; Ο — очень маленькое и неровное; штрихи букв тонкие, как бы дрожащие. Изображения фигур на экземплярах с монограммами отличаются более тонким и художественным выполнением. Так, например, топорики ликторов видны целиком, до самого верха, тогда как на экземплярах без монограмм мы видим у ликторов на плечах только палочки. Изданный А. В. Орешниковым экземпляр с монограммой выполнен небрежнее, чем ауреус из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (инв. № 1444), и является, повидимому, переходным этапом от ауреусов с монограммами к ауреусам без монограмм.

Виновником чекана монет с надписью ΚΟΣΩΝ , очевидно, был Марк Юний Брут, один из убийц Юлия Цезаря. Время чеканки — 43 — 42 гг. до н. э. На лицевой стороне монеты изображен или сам Марк Юний Брут, или его предок Луций Юний Брут, первый консул.

Клады монет с надписью ΚΟΣΩΝ , найденные в Валахии и Трансильвании, могли быть зарыты легионерами Брута после его поражения.

---

¹ Plut. Lucullus, 4.

² Там же, 1, 2.

III. ХРОНИКА

Н. К. ЛИСИЦЫНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР В 1954 г.

В 1954 г. отделом полевых исследований Института истории материальной культуры АН СССР было выдано 132 открытых листа на право производства археологических раскопок и разведок на территории 50 областей, краев, автономных областей и автономных республик РСФСР. Исследования проводились в следующих местах: в Москве и Московской области, Новгороде, Пскове, Ленинградской, Великолукской, Смоленской областях и в Смоленске, Вологодской, Калининской, Владимирской областях и во Владимире, Горьковской, Ивановской, Костромской, Ярославской, Рязанской, Тульской, Калужской, Брянской, Курской, Воронежской, Пензенской, Молотовской, Челябинской, Свердловской, Чкаловской областях, Татарской, Башкирской, Чувашской, Мордовской, Удмуртской АССР, Ульяновской, Куйбышевской, Саратовской, Ростовской областях, Дагестанской, Кабардинской и Северо-Осетинской АССР, Краснодарском и Ставропольском краях, Томской, Новосибирской, Кемеровской, Читинской, Иркутской и Магаданской областях, Хакасской и Тувинской автономных областях, Амурской области, Алтайском (включая Горно-Алтайскую автономную область), Приморском и Хабаровском краях.

В 1954 г., так же как и в предшествующие годы, велись крупные археологические работы в зонах строительства Куйбышевской¹, Сталинградской, Новосибирской, Горьковской и Ангарской ГЭС².

Сталинградская археологическая экспедиция под руководством К. Ф. Смирнова проводила исследования четырьмя отрядами.

Заволжский отряд (руководитель — И. В. Сеницын — Институт истории материальной культуры АН СССР и Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского) вел работы на левом берегу Волги, в низовьях р. Еруслана, в районе сел Бережновка и Молчановка. Вскрыто 68 курганов, в которых обнаружено свыше 220 погребений; большинство их относится к эпохе бронзы (древнеямная, катакомбная и срубная культуры) и к скифо-сарматскому времени. Среди последних многие погребения сопровождалось вещами местного производства и привозными. Особенно интересны находки скарабеев и других предметов, свидетельствующих о широких торговых связях сарматских племен Заволжья с античными городами Северного Причерноморья. Кроме исследования курга-

¹ Н. Я. Мерперт и А. П. Смирнов. Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 года. КСИИМК, вып. 65, 1956.

² В тех случаях, когда результаты экспедиций отражены в печати, в данной статье о них даются только краткие сведения и ссылка на их опубликование.

нов, отрядом произведены разведочные раскопки на поселении эпохи бронзы к северо-востоку от с. Бережновка.

Нижневолжский отряд (руководитель — К. Ф. Смирнов) закончил раскопки курганов у с. Политотдельского (Николаевский район Сталинградской области) и приступил к исследованию курганной группы у пос. Быково, где вскрыто 6 курганов, в которых обнаружено около 100 погребений; наиболее древние из них относятся к ямной и раннесрубной культурам, но большая часть — к сарматской культуре III в. до н. э.—II в. н. э. Выявлена группа сарматских могил II—I вв. до н. э.—погребения воинов с оружием — железными наконечниками стрел и мечами, среди которых найдено 2 длинных с кольцевым навершием. Впервые на Волге обнаружены псалы кубанского типа.

Калиновский отряд (руководитель — В. П. Шилов) продолжал исследования на левом берегу Волги между с. Быково и р. Ахтубой. Полностью завершены раскопки Калиновского и Ново-Никольского курганных могильников и начаты раскопки могильника у с. Верхне-Погромное. Всего было вскрыто 47 курганов, содержащих свыше 200 разновременных погребений (III тысячелетие до н. э.—XII в. н. э.). Особенно следует отметить находки 2 богатых захоронений сарматского времени в обоих могильниках (I в. до н. э. и I в. н. э.). Кроме того, отрядом раскопан грунтовой могильник позднесрубного времени и начато исследование одновременного ему поселения к северу от с. Ново-Никольское.

Палеолитический отряд экспедиции под руководством С. Н. Замятнина продолжал начатое в 1952 г. исследование мустьерской стоянки в балке Сухая Мечетка близ Сталинграда.

Горьковской экспедицией во главе с Н. Н. Гуриной, в связи со строительством Горьковской ГЭС, исследовалось побережье Волги от г. Костромы до г. Городца в пределах Горьковской, Ивановской, Костромской и Владимирской областей. Обследованы ранее известные памятники эпохи неолита, бронзы и железа и открыты новые. Памятники эпохи неолита обнаружены по берегам небольших рек, но они отсутствуют на берегах Волги. Находки эпохи бронзы сделаны на поселениях, содержащих и неолитические слои, и слои эпохи железа. Имеются находки керамики и каменных орудий фатьяновского типа (Борань, Станок) на поселениях этого времени. Среди памятников эпохи железа обследованы неукрепленные поселения и городища, вскрыты жилища I тысячелетия до н. э. Находки предметов бронзолитейного производства, железные шлаки, кости животных и зерна злаков позволяют судить о форме хозяйства населения этой территории. В материальной культуре племен, обитавших здесь, наряду со своеобразием отдельных типов орудий и орнамента керамики, очень много общего с культурой населения соседних территорий; это видно на материалах поселений и городищ Верхнего Поволжья, городищ культуры и Прикамья. Носителем этой культуры, вероятнее всего, следует считать одно из мерянских племен.

М. П. Грязнов во главе Новосибирской экспедиции продолжал исследования, связанные со строительством будущей Новосибирской ГЭС. Основные работы велись близ с. Ордынского, где на надпойменной террасе на протяжении 250 м обнаружено 7 могильников и 2 стоянки, относящиеся к 7 различным хронологическим периодам. Самый древний неолитический комплекс получен на восточной стоянке; западная содержит керамику наиболее позднего неолитического типа из числа известных на верхней Оби (так называемого ирбинского типа). Неолитические могильники обнаружены на обеих стоянках. Позднее на месте восточной стоянки располагалось родовое кладбище карасукского времени; на месте западной находился могильник, датирующийся федоровским этапом андроновской культуры. Таким образом, работами 1954 г. обнаружены первые для

этих районов андроновские и карасукские погребения. Кроме этого, вскрыто несколько курганов, относящихся к бийскому этапу большеберченской культуры (V—VIII вв. до н. э.), и 2 кургана IX—X вв. н. э. (сросткинская культура).

Ангарская экспедиция под руководством А. П. Окладникова (Институт истории материальной культуры АН СССР, Иркутский государственный университет, Московский архивный институт) продолжала раскопки на Сосновом и Коноваловском островах р. Ангары. На Сосновом острове исследованы 3 памятника различного времени — эпохи неолита, бронзы и железа, на Коноваловском — двуслойное поселение бронзового и железного века. На поселениях эпохи неолита (китайское время) найдено множество предметов: орудий труда из зеленого нефрита, кремнистого сланца и халцедона, оружие, остатки глиняной посуды. Вскрыт ряд хозяйственных и производственных комплексов. На поселениях эпохи бронзы установлено наличие бронзолитейного производства, скотоводства и рыболовства. В эпоху железа на левых побережьях этих островов существовали поселения металлургов, о чем свидетельствуют остатки плавильных ям — горнов, крицы, шлаки, изделия из железа. Здесь обнаружены остатки землянок, полуземлянок и легких жилищ из бересты в виде шалаша. Судя по находке китайской монеты династии Ван-Мана (I в. н. э.) и тюркских стрел, население было тюркским. Экспедицией произведены также разведки на островах р. Ангары от Байкала до дер. Патроны.

Московская экспедиция (руководитель — А. Ф. Дубынин) продолжала свои многолетние работы, которые велись в Зарядье, на территории строительства многоэтажного здания¹.

Т. И. Макарова производила археологические исследования в Высоко-Петровском монастыре (Москва) в связи с реставрационными работами (Центральная архитектурно-реставрационная мастерская). Изучен культурный слой до начала XVI в. в центральной части монастыря и в его юго-западном углу — до рубежа XVII—XVIII вв. Найдены обломки белокаменных могильных плит, среди которых особенно интересна часть плиты 1509 г.

М. Г. Рабинович (Музей истории и реконструкции Москвы) продолжал начатые ранее раскопки Тушкова городка. Установлено, что первоначально здесь было неукрепленное поселение. Первые укрепления относятся к концу XI—началу XII в. В конце XII—начале XIII в. укрепления Тушкова городка были заброшены. Более поздние мощные укрепления датируются тамгой Токтамыша (1382—1395 гг.). Верхний горизонт культурного слоя датируется XIV—XVI вв. Близ городища исследовано кладбище с надгробиями и надписями XVI в.

П. А. Раппопорт обследовал городища, представляющие собой остатки городов, известных по письменным источникам XIV—XV вв. (Перемышь, Хотунь, Радонеж, Вышегород на Яхроме, Вышегород на Протве, Брашева)².

Т. В. Николаевой велись небольшие работы на территории Загорского историко-художественного музея-заповедника (г. Загорск, Московской области) в связи с архитектурным обследованием некоторых памятников (Центральная проектно-реставрационная мастерская Академии архитектуры СССР), главным образом, в юго-западной части монастыря на месте так называемых Бондарных палат, Келарской башни, Пивной башни, Крепостной палаты. Интересны находки полихромных изразцов и белокамен-

¹ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования в Зарядье в 1954 г. КСИИМК, вып. 65, 1956.

² П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, вып. 62, 1956.

ных надгробных плит; среди них наибольший интерес представляет надгробие 1535 г. Ивана Михайловича Воротынского.

А. В. Успенская во главе экспедиции Государственного Исторического музея и Звенигородского историко-краеведческого музея производила раскопки и разведки славянских селищ X—XIII вв. в Звенигородском районе Московской области. Вскрыто также два кургана близ с. Коралово. В посаде Звенигорода обнаружены 3 более поздних поселения. Наиболее крупные работы велись на Успенском городище. Обнаружены дьяковские и древнерусские слои (XI—XIII вв.)¹.

М. В. Фехнер (Государственный Исторический музей) продолжала работы, начатые в 1953 г. по исследованию остатков стеклянного завода XVII в. близ дер. Большое Буньково (Ногинский район Московской области)².

Г. П. Латышева (Музей истории и реконструкции Москвы) провела раскопки курганов у станции Матвеевская Киевской ж. д. (Московская область) и у станции Поваровка Октябрьской ж. д. В группе Матвеевская I вскрыты 2 кургана, принадлежащих вятичам XIII в.; в группах Поваровка II—4 кургана, Поваровка III—2 кургана. Обе последние группы принадлежат племени кривичей, хотя в инвентаре были вятичские решетчатые перстни; это объясняется близостью к племенной границе между вятичами и кривичами. Датируются курганы XIII в.

Ю. Л. Щаповой (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова) вскрыты 2 кургана X—XII вв. у с. Пирогово.

В Новгороде, под руководством А. В. Арциховского (Институт истории материальной культуры АН СССР и Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова) продолжала работу Новгородская археологическая экспедиция. Раскопки велись, как и в предыдущие годы, на Неревском конце. Найдено 30 грамот на бересте, из них 15 целых³.

В Пскове Г. П. Гроздилов во главе экспедиции Государственного Эрмитажа и Псковского областного музея произвел раскопки на территории Старого Застенья. Установлено наличие мощных (5 м) культурных напластований с остатками хорошо сохранившихся оснований деревянных жилищ и хозяйственных сооружений. Обнаружена часть замощенной улицы и переулка с пешеходными мостками, срубы колодцев и массивная деревянная труба — часть самотечного водопровода. Собрано много вещей, в том числе шиферные пряслица, проволочные витые браслеты, стеклянные позолоченные и пастовые бусы, свинцовые печати XI—XIV вв.

Н. Н. Гурина (Институт истории материальной культуры и Карело-Финский филиал АН СССР) продолжала обследование восточного побережья Приладжья для составления археологической карты. Стационарные работы продолжались на неолитическом поселении на стрелке рр. Паши и Рыбежной. Здесь же, неподалеку открыто поселение эпохи раннего железа.

На территории Великолукской области Западновинским отрядом Славянской экспедиции (руководитель — Я. В. Станкевич) Института истории материальной культуры АН СССР начаты раскопки городища близ г. Великие Луки на р. Ловати. Вскрыт культурный слой мощностью 0,5 м, остатки небольших наземных жилищ столбовой конструкции, погибших от пожара. В жилищах были округлые глинобитные печи. Городище

¹ А. В. Успенская. Успенское городище. КСИИМК, вып. 68 (готовится к печати).

² В. А. Мальм и М. В. Фехнер. Раскопки близ дер. Б. Буньково. КСИИМК, вып. 68 (готовится к печати).

³ А. В. Арциховский. Раскопки 1954 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1955, № 2.

датируется 2-й половиной X—XI в. Устанавливаются его связи с более древней группой славянских памятников этой области.

Славяно-латгальский отряд Славянской экспедиции (Институт истории материальной культуры АН СССР и АН Латвийской ССР) под руководством С. А. Таракановой производил разведки археологических памятников по р. Синей в пределах Себежского и Красногородского районов; велось обследование городища Большинская гора.

Д. А. Авдусин продолжал исследование древнего Смоленска (Смоленский краеведческий музей и Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова). Работы велись на Студенческой улице, где вскрыт сруб дома (4 × 4 м) XVI в. и другой — конца XIII—начала XIV в. Из вещей интересны: свинцовая вислая печать с надписью «Господи, помози рабу своему Василию» (XII в.), две свинцовые пломбы дрогичинского типа, светильник киевского типа, деревянное весло прекрасной сохранности, деревянные и костяные гребни и другие находки. Кроме раскопок в городе, в юго-восточной части Гнездовского могильника вскрыт курган с остатками трупосожжения в глиняном сосуде, изготовленном на круге. Вещи отсутствуют.

Е. А. Шмидт (Смоленский краеведческий научно-исследовательский институт) провел раскопки курганов в Смоленском, Хиславичском и Монастырщинском районах Смоленской области. У дер. Заборье вскрыто 3 удлиненных кургана, хронологически примыкающих к длинным курганам; у пос. Новоселки — 4 четырехугольных кургана конца IX—начала X в. По обряду погребения они аналогичны ранним Гнездовским. У пос. Коханово вскрыты 2 кургана: один — удлиненный, конца VIII—IX в., другой — XII—XIII вв. с женским погребением в грунтовой яме, сопровождаемым кривичскими вещами. У дер. Васильево раскопан один курган конца X—начала XI в. с остатками трупосожжения в гончарном сосуде, найденном на материке.

П. Н. Третьяков на территории Смоленской области предпринял разведку археологических памятников, известных по работам А. Н. Лявданского, с целью выяснения их состояния в настоящее время и возможности раскопок большого масштаба. Осмотрено около 40 городищ и курганных групп I тысячелетия до н. э., I тысячелетия н. э. и XI—XII вв.

В Вологодской области К. А. Раевский (Артиллерийский исторический музей) продолжал исследования оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря, а также произвел разведки в г. Устюжне, чтобы выяснить наиболее древние памятники оружейного и артиллерийского производства XV в. В г. Устюжне выделяются два места железоделательного производства: 1) бичевник р. Ижины в районе Ижинского городища и берег р. Мологи вверх по течению от города (XVI в.) и 2) в самом городе, на территории острога.

В. В. Гарновский предпринял небольшую разведку в Шольском районе Вологодской области. На берегу оз. Панкратовского открыта неолитическая стоянка. Небольшие раскопки произведены на Базегской и Яглобойской неолитических стоянках. На р. Чеведе обнаружены курганы.

А. Х. Ретман (Вышневолоцкий краеведческий музей) производил разведки археологических памятников в Удомельском, Есеновичском и Вышневолоцком районах Калининской области, по правобережью р. Пуйги между оз. Тишадро и болотом «Богданиха», в районе среднего течения р. Садвы и у Ревеницкого болота.

Н. Н. Воронин вел раскопки в Ростовском Успенском соборе XVI—XVII вв. (Ярославская область). Удалось установить, что в основании стен лежат части стен соборов 1162—1213—1231 гг., сохранившие фрагменты фресок; в результате работ можно реконструировать в основных чертах план собора 1162 г.

Д. А. Крайновым проведены работы разведочного характера на территории Ярославской области, в том числе — небольшие раскопки на Золоторученской стоянке, где обнаружены остатки древнерусской, дьяковской, фатьяновской и неолитической культур. На вновь открытой стоянке Золоторучье III найдено много орудий и заготовок микролитического облика и залежи кремня. Здесь, очевидно, была кремневая мастерская типа Старицкой, Городищенской и т. п. На Карашском торфянике обнаружены следы стоянок, на Введенском холме (в 7 км от Карабихи) — следы уничтоженного работами по добыче гравия фатьяновского могильника, рядом с которым располагалась стоянка того же времени.

Е. И. Горюнова раскапывала курганы в Ярославском районе Ярославской области (Ярославский областной краеведческий музей). В 1-м Харитоновском могильнике вскрыто 6 курганов середины XI в. — 1-й половины XII в., во 2-м Харитоновском могильнике — 1 большой и 3 малых кургана. В 1-м Пекшинском могильнике вскрыто 8 курганов, во 2-м Пекшинском — один большой. Обследовано Пекшинское селище, которое, так же как и оба могильника, относится к XI—XII вв.

Разведки Н. Н. Воронина в Боголюбове (Владимирская область) показали, что древний культурный слой на территории города полностью нарушен поздним строительством или отсутствует. В результате исследования западного вала установлено, что в его насыпи нет деревянных конструкций, но на гребне сохранилось основание каменных стен. Очевидно, замок был каменным, как об этом говорится и в летописи. У Покрова на Нерли открыты основания галереи, окружавшей храм с трех сторон, с лестницей для входа на хоры. Галерея была открытой, с гульбищем на арках и существовала до XVII в., когда на ее основаниях была выстроена кирпичная паперть с подвалами, ликвидированная в XIX в.

В Сусанинском районе Костромской области произвел разведку М. И. Матасов (Буйский краеведческий музей). Обнаружены 2 старые домницы для выплавки болотной железной руды у с. Домнинского (Юсуповские болота). На неолитической стоянке на р. Водыш найдена керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом.

Экспедиция Государственного Исторического музея под руководством М. В. Фехнер вела разведку в Рязанском районе Рязанской области. Обследованы 4 славянских селища.

С. А. Изюмова (Тульский областной краеведческий музей и Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова) обследовала 5 городищ и 1 селище I тысячелетия н. э. — начала II тысячелетия н. э. на р. Упе в пределах Дубенского, Одоевского и Крапивинского районов Тульской области. Некоторые из этих памятников двуслойные — нижний слой VI—IX вв. н. э., верхний — XII—XIII вв.

Т. Н. Никольская раскапывала городище и курган (1-я половина I тысячелетия н. э.) в дер. Николо-Ленивец (на р. Угре) в Дзержинском районе Калужской области. Вскрыты 2 овальные полуземлянки, сохранившие остатки деревянных конструкций, каменные очаги с фрагментами лепной и черной лощеной керамики. Раскопанный курган был сооружен над остатками трупосожжения.

М. Е. Фосс производила обследование и раскопки археологических памятников эпохи неолита, раннего железа и более позднего времени в бассейне р. Десны в пределах Брянской области. Обнаружены 5 неолитических стоянок (где отмечен слой с остатками селищ эпохи раннего железа), поселение и вскрыты 5 курганов, относящиеся к среднеднепровской культуре. Особенно интересно то, что наряду с местной керамикой встречалась черная лощеная керамика культуры полей погребальных урн IV—V вв. н. э. Кроме селищ этого времени, исследовались ранние городища (Овстуг) и славянские селища.

В. А. Падин (Трубчевский краеведческий музей) вел разведки в Суземском, Почепском и Трубчевском районах Брянской области и в районе нижнего течения р. Нерусы от дер. Смелижа до пос. Челюскин. Обследовано городище Лапотный городок, относящееся, повидимому, к юхновской культуре, и место находки 2 каменных топоров и 2 сосудов у пос. Белые берега (в 20 км к юго-востоку—востоку от Брянска). Находки эти, очевидно, относятся к существовавшему на этом месте фатьяновскому могильнику.

На территории Курской области Ю. А. Липкинг (Курский областной краеведческий музей) обследовал археологические памятники в бассейне верхнего и среднего течения р. Сейма: городища Старогородское, Сугровское, Арбузовское, Марицкое и поселения у пос. Песчанки и у с. Успенка, относящиеся к I тысячелетию до н. э. и I тысячелетию н. э.

П. Д. Либеров (Институт истории материальной культуры АН СССР) провел раскопки на месте известной скифской курганной группы «Частые курганы» в Воронеже. Вскрыто 5 курганов, датирующихся IV—III вв. до н. э. Все они оказались ограбленными в древности. Наиболее интересен курган № 11, ограбленный лишь частично. В нем обнаружены золотые и бронзовые бляшки, обломки железной пластины, железные наконечники стрел — плоские и трехлопастные с втулкой, большой бронзовый котел, железный меч в ножнах, изделия из золота (птица с пластиной — оковкой венчика деревянного сосуда и вторая пластина от оковки венчика сосуда с изображением оленя), остатки узды.

Обряд погребения, отмеченный в курганах, — захоронение в ямах огромных размеров, с деревянным настилом.

А. Н. Москаленко раскапывала городище Титчиха боршевского типа в Давыдовском районе Воронежской области. На мысу городища обнаружены остатки 3 полуземляночных жилищ и за пределами вала — еще двух. В процессе вскрытия вала и рва установлена сложная система оборонительных укреплений. Датируется городище IX—X вв. н. э.

М. Е. Фосс близ с. Щучье, Лискинского района, Воронежской области, были проведены работы по извлечению древнего челна, найденного в обрыве берега Дона. При раскопках обнаружен долбленный дубовый челн длиной 7,5 м. Часть челна, покоившаяся под землей, прекрасно сохранилась. Дно у него округлое, нос заострен и оформлен рельефно выступающим бортиком. Датируется челн II тысячелетием до н. э.

В Костенках, Гремяченского района, Воронежской области, А. Н. Рогачев (Институт истории материальной культуры АН СССР) продолжал исследование верхнепалеолитических стоянок в Покровском логу. В основном изучались многослойная палеолитическая стоянка Маркина гора (Костенки XIV), где было обнаружено погребение¹, а также Костенки XII и XVI. В Костенках XVIII были извлечены из ямы кости мамонта.

М. Р. Полесских произвел разведки в ряде пунктов Пензенской области и небольшие раскопки на могильнике у дер. Селиксы.

В 1954 г. на территории Башкирской АССР работала совместная археологическая экспедиция Института истории материальной культуры и Башкирского филиала АН СССР. Исследования производились 3 отрядами под руководством А. В. Збруевой. 1-й отряд (руководитель — А. В. Збруева) производил раскопки Касьяновской стоянки (в Гафурийском районе), датируемой концом эпохи бронзы. 2-й отряд (руководитель — Г. В. Юсупов) продолжал изучение памятников Курман-Тау, Касьяновского городища. Разведки производились на городище Воскре-

¹ А. Н. Рогачев. Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV (Маркина гора). «Советская этнография», 1955, № 1; Г. Ф. Дебец. Палеолитические находки в Костенках. Там же.

сенская гора и на вновь обнаруженной Михайловской стоянке. На горе Курман-Тау («гора жертвоприношений») частично вскрыты 2 кострища с зольным слоем (в 70—80 см) и костями животных.

Толстый слой золы кострищ указывает на их длительное существование. Материал, собранный на городищах Касьяновское и Воскресенская гора, сходен с материалом памятников горы Курман-Тау.

Караидельский отряд (руководитель — Л. Я. Крижевская) продолжал исследование открытой в 1951 г. стоянки на левом берегу р. Уфы у устья р. Юрюзани. На центральной части террасы находилось поселение эпохи железа. Среди находок из неолитического слоя много заготовок крупных орудий — топоров, тесел, долот, нуклеусов и ножевидных пластин, датируемых серединой III тысячелетия до н. э.

Южноуральская археологическая экспедиция Свердловского государственного университета работала двумя отрядами на территории Башкирской АССР под руководством В. П. Викторова. Отряд В. П. Викторова производил раскопки на селище Береговское I (Воскресенский район). Вскрыты остатки прямоугольного жилища-полуземлянки со столбами для двускатной кровли. На одном участке селища открыто совместное залегание керамики абашевской и срубной культур. Небольшие работы были организованы на селище Береговское II абашевской культуры (стерлитамакский вариант).

Мелеузовский отряд экспедиции во главе с В. Д. Красноперовой (Викторовой) производил разведки в Воскресенском, Мелеузовском и Кююргазинском районах Башкирской АССР от дер. Береговка до дер. Средне-Муталово. Осмотрено Васильевское селище и открыто еще 12 селищ, в основном относящихся к эпохе бронзы (срубная культура), 3 курганные группы, 4 одиночных кургана.

А. Е. Алихова во главе экспедиции Мордовского научно-исследовательского института вела археологические работы в Кадошкинском районе Мордовской АССР. Главными объектами были Верхне-Паевское селище и городище (Казна-Панда). Эти памятники были обитаемы дважды — в эпоху бронзы и в городищенское время. Обследованы также Ново-Пшеневское городище (IV—III вв. до н. э.), поселение Старое Нагорное Алексово (2 горизонта: первый — с лепной керамикой и второй, относящийся к XVII—XVIII вв.), поселение Нагорное Алексово (середины или конца I тысячелетия н. э.).

П. Д. Степановым (Саратовский педагогический институт) на территории Чувашской АССР открыто 30 разнообразных памятников в Сундырском, Советском и Аликовском районах. К эпохе бронзы относятся Сунарское селище, 2 поселения и 1 могильник фатьяновской культуры. Очень интересен могильник Хонки-Сет, в котором впервые для фатьяновской культуры обнаружен обряд трупосожжения. Исследованы также памятники эпохи железа — городища Сардон и Пичке Серт, позднее Шокинское селище, кратковременная стоянка на поселении Хонки-Сет, конца I тысячелетия до н. э.—начала I тысячелетия н. э., и чувашские памятники — поздние селища у деревень Выла-Базар, Пизинер и могильник у дер. Корклов.

Экспедиция под общим руководством В. Ф. Генинга (Удмуртский научно-исследовательский институт и Республиканский музей) работала на территории Удмуртской и Татарской АССР и Молотовской области. Разведки производились по средней Каме от пристани Сайгатка Молотовской области до с. Красный Бор Татарской АССР и в бассейне р. Иж. По правому берегу Камы обследовано 76 археологических памятников (из них 24 открыто вновь), в том числе стоянок — 1, селищ — 19, городищ — 42, могильников — 11, местонахождений — 3. Раскопки производились на могильнике I в. до н. э.—II в. н. э. Ныргында II; вскрыты 34 погребения

ния. К этому же времени относятся могильник Чеганда II, где раскопано 50 погребений, и городище Чеганда I, на котором обнаружены остатки двух железоплавильных горнов. На могильнике IV—V вв. н. э. Ныргында I вскрыто 8 могил. Исследования производились также на Мазунинском могильнике I—VII вв. (вскрыто 11 погребений), на городище Ныргында II и Барановском селище — болгарского времени.

В 1954 г. завершались работы в зоне строительства Камской ГЭС и развертывались работы в районе Воткинской ГЭС. Экспедиция под руководством О. Н. Бадера производила исследования в основном в пределах Молотовской области, частично захватывая Удмуртскую АССР и Башкирскую АССР. Обследовано течение Камы (на участках Сайгатка — Сарапул и от с. Николо-Березовка до пос. Дербешкинского), течение р. Очер (от г. Очер до Оханска), течение небольших речек, притоков Камы — Тюремки (до Раздорских островов), Ножевки и Медведки, где обнаружены стоянки, селища, городища, курганные и различного времени (от мезолита до эпохи позднего железа) бескурганные могильники. Велись раскопки на Заозерской стоянке позднемезолитического времени, Ольховско-Первомайской, на мезолитических стоянках — Барская Пристань и Верхне-Раздорной, поселения 2-й половины II тысячелетия до н. э. Басенький Борок (вскрыты 4 полуземлянки), поселения борского этапа турбинской культуры Бор V, поселениях Бор III, Боровое озеро II, Бор VII, Ерзовском, на Больше-Вятском селище.

В. А. Оборин (Верхнекамский отряд Камской археологической экспедиции) продолжал исследование Кыласова городища X—XIV вв. н. э. и Орла-Городка XVI—XVII вв.

В. П. Денисовым произведены раскопки на Хуторской стоянке, датирующейся поздним неолитом — концом III тысячелетия до н. э., и в меньшем объеме — на Чашкинской стоянке, где получен аналогичный материал.

А. М. Ширинкина вскрыла жилище четырехугольной формы с 2 выходами и 3 очагами на поселении Камский Бор II конца II тысячелетия до н. э.

В. Ф. Генинг (Коми-Пермяцкий краеведческий музей) произвел рекогносцировочные раскопки на Важгортском и Каневском могильниках. На первом из них вскрыто 6 погребений, на втором — 30. Оба могильника в основном относятся к IX—X вв. н. э.

В. Ф. Генингом (экспедиция Молотовского областного краеведческого музея) проведены также раскопки поселения в с. Федотово (Верхне-Муллинский район Молотовской области). Вскрыты остатки нескольких жилищ и хозяйственных сооружений, датируемых позднегляденовским временем — II—III вв. н. э.

И. А. Лунегов (Чердынский краеведческий музей) обследовал археологические памятники на территории Чердынского и Ныробского районов Молотовской области. Исследованы 11 городищ, 3 селища и 2 могильника, относящихся в основном к IX—X вв. н. э.

И. А. Талицкой была предпринята поездка на Роданово городище (Молотовская область) для проверки стратиграфии памятника, данной М. В. Талицким.

Уральская экспедиция Государственного Исторического музея под руководством В. М. Раушенбах производила раскопки стоянки Полуденка I раннегорбуновской культуры (2-я половина III тысячелетия до н. э.). Во время разведки на старых берегах Черноисточенского пруда обнаружены стоянки эпохи бронзы.

А. И. Россадович (Нижнетагильский краеведческий музей) вела разведки археологических памятников в бассейнах рр. Тагила, Выйки, Зырянки, Бандея, Лебы и Лаи, продолжала раскопки на Лайском кострище и на Лебской домнице. Найдена керамика конца III тысячелетия — на-

чала II тысячелетия до н. э. и керамика эпохи бронзы и железа. Лайский мыс был заселен в эпоху неолита и бронзы. Приблизительно к концу эпохи бронзы он был превращен в место жертвоприношений и оставался им до III—IV вв. н. э. Но вместе с тем здесь же обнаружены остатки медеплавильного производства. В результате разведок открыто 12 новых памятников эпохи бронзы и железа и средневековые кузницы.

К. В. Сальников во главе экспедиции Челябинского областного краеведческого музея производил раскопки 1-го Даутовского городища V—III вв. до н. э. Обнаружены остатки наземных жилищ, собраны многочисленные находки. Среди них интересны ритуальный сосуд с костями, бронзовый котелок скифского типа и глиняная копия такого котелка. На некоторых предметах встречены тамги.

Н. П. Кипарисова (отряд экспедиции Челябинского музея) продолжала раскопки многослойной Абселямовской стоянки. Найдена керамика эпохи неолита и бронзы; обнаружена андроновская керамика (не ранее алакульской стадии). Находки эпохи раннего железа относятся к неукрепленному поселению VII—V вв. до н. э., встречена также поздняя гончарная керамика. Кроме раскопок, производились разведки в Каракульском и Октябрьском районах Челябинской области, к востоку от г. Троицка. Обследованы места находок различных предметов и курганы на берегу оз. Червиного, у дер. Деньгино и у с. Больше-Никольское.

В Чкаловской области экспедиция Чкаловского областного краеведческого музея во главе с Н. П. Кипарисовой обследовала места случайных находок эпохи бронзы, а также археологические памятники в Гавриловском, Сакмарском и Домбровском районах области.

На территории Дагестанской АССР работала экспедиция (под руководством Р. М. Мунчаева) Института языка, литературы и истории Дагестанского филиала АН СССР и Республиканского краеведческого музея. Велось разведочное обследование Кулинского, Лакского, Гунибского, Хунзахского и Акушинского районов. В местности Нохолад, около сел. Чох (Гунибский район) открыты неолитическая стоянка и могильник эпохи бронзы. Памятники эпохи бронзы обнаружены, кроме того, в Кулинском (поселение у аула Кули) и Акушинском (могильник у сел. Муги) районах. Исследовались также памятники эпохи железа и средневековые (в Кулинском, Лакском и Гунибском районах).

Много экспедиций работало на территории Краснодарского края.

Таманская экспедиция (Институт истории материальной культуры АН СССР, Государственный Исторический музей, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова) под руководством Б. А. Рыбакова продолжала исследование древней Тмутаракани (Темрюкский район). Раскопки велись на центральной части городища и его восточном крае; производились поиски южной стены города, некрополя и Тмутараканского монастыря. В центре городища вскрыты остатки фундамента крестообразного храма середины X в., фундаменты жилых домов X—XII вв. и шестигранного (или семигранного) здания IX в. На восточном участке выявлены слои IX—XI вв., жилые комплексы с печами, хозяйственными ямами и колодцем IX в.

Синдский отряд Таманской экспедиции (Институт истории материальной культуры АН СССР и Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова) под руководством В. Д. Блаватского продолжал изучение синдских поселений и хоры (сельскохозяйственной территории) азиатской части Боспорского государства. Работы производились на Раевском городище (совместно с Новороссийским музеем) и в районе горы Зеленского. К западу от нее в урочище Макитра находились древние коши, перепаханные в более позднее время. Здесь собраны предметы, относящиеся к эллинистическому и средневековому времени. Западнее,

в 2 км от горы Зеленского раскопано древнее поселение VI в. до н. э. — III—IV вв. н. э., а к северу — поселение VI в. до н. э. — III—IV вв. н. э. и более позднего времени. В 0,5 км к югу открыт некрополь, в котором обнаружены 3 могилы античного времени. На Раевском городище (с IV в. до н. э. до средневековья) найдены остатки каменных строений с очагами; собраны обломки черепицы и керамика из Горгииппии, с Родоса, Коса и др.

Кубанский разведочный отряд Таманской экспедиции под руководством В. Б. Деопик работал в пределах Теучежского, Тахтамукайского (Адыгейская автономная область), Горяче-Ключевского, Северского, Абинского, Крымского, Варениковского районов Краснодарского края. Обследованы средневековые памятники (28 поселений); на некоторых из них обнаружен материал эпохи бронзы (поселения Крымская I, Абинская I и II, Ястребовская) и античного времени (поселения Воченший IV, Киевская II, Крымская II, Красная Батарейка). Собрана керамика различных народов: косо́гов, болгар, кочевников — печенегов казарских и др. На большинстве поселений имеется также материал VI—VII и VIII—IX вв.

В Фанагории производились раскопки под руководством М. М. Кобылиной (Институт истории материальной культуры АН СССР, Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Институт истории искусств АН СССР). Работы велись в юго-восточной и центральной частях городища и на его западной окраине. В юго-восточном районе вскрыты остатки сильно разрушенного здания IV в. до н. э., керамическая свалка этого же времени и мощные оборонительные сооружения IV—III вв. до н. э. В IV в. н. э. юго-восточный район был разрушен, и жизнь здесь прекратилась. На центральном раскопе, на территории большого винодельческого хозяйства, открытого ранее, над слоем античного городища обнаружено 5 средневековых напластований, из которых лучше всего сохранился верхний слой с фундаментами жилых зданий. На западной окраине городища вскрыты остатки богатого здания с мраморной облицовкой, кирпичным полом, водопроводными и теплопроводными трубами. Вероятно, это термы.

Н. В. Анфимов руководил работами Адыгейской, Урупской, Даховской экспедиций, связанных со строительством крупных водохранилищ на территории Краснодарского края.

Адыгейской экспедицией (Адыгейский и Кабардинский научно-исследовательские институты и Адыгейский музей) обследованы левые притоки р. Кубани. Открыт ряд памятников меотской культуры и средневековых.

Урупская экспедиция (Краснодарский краевой историко-краеведческий музей) обследовала течение р. Урупа от станицы Удобной до хутора Ильича. У станицы Удобной обнаружены 3 городища, 2 укрепления, 2 грунтовых могильника меото-сарматской культуры¹ и 2 средневековых селища (XIII—XV вв.). В окрестностях хутора Ильича обследованы пещеры, в которых обнаружены погребения аланского времени. Были проведены раскопки на 2 курганных адыгейских могильниках XIV—XV вв.

Даховская экспедиция (Краснодарский краевой историко-краеведческий музей) обследовала район станицы Даховской (левая терраса р. Даха и долина р. Белой). Обнаружены дольмены и курганы.

Восточно-Синдская экспедиция под руководством Н. В. Анфимова (Краснодарский краевой историко-краеведческий музей) продолжала раскопки Семибратнего городища, исследуя крепостные стены на северо-восточном раскопе. Впервые выявлена кладка крепостной стены 1-го слоя (III в. до н. э.).

¹ Н. В. Анфимов. Могильники сарматского времени в долине р. Урупа. КСИИМК, вып. 65, 1956.

По среднему течению р. Псекупса Н. В. Анфимовым (Краснодарский краевой историко-краеведческий музей), при участии С. Н. Замятнина, производились разведки с целью поисков памятников палеолита. Найдены ручное рубило и кремневые отщепы во вторичном залегании. Это первые находки подобных орудий конца шелльской эпохи на этой территории.

И. В. Поздеева вела охранные раскопки некрополя, открытого при строительстве в г. Анапе (Горгиппии). Выяснено, что на этой территории во 2-й половине III в. до н. э. был могильник. Позднее образовалась свалка, делящаяся на 2 слоя — II в. до н. э. и I в. н. э. Во II—IV вв. н. э. на этом месте находился сарматский могильник.

В Черкесской автономной области (Ставропольский край) Т. М. Минаева (Ставропольский краевой музей) продолжала исследования на городище Адиух. Новые материалы подтверждают датировку городища — VII—XIII вв. и его принадлежность аланам.

Е. П. Алексеева (Черкесский научно-исследовательский институт) продолжала раскопки у аула Жако, в балке Тамгацик (Хабезский район). Раскопки велись на южном холме, где вскрыты остатки древнего поселения VI в. до н. э. Поселение подверглось нападению, после чего оно продолжало существовать на других холмах. В V в. н. э. жизнь здесь вообще прекратилась. Продолжалось исследование черкесских курганов XV в. (кабардинского типа). Полностью исследован курганный могильник на школьном дворе аула Жако.

М. И. Рыбенко (Пятигорский музей) вел наблюдения за земляными работами строительства на Ново-Пятигорском кургане.

Экспедиция Кабардинского научно-исследовательского института во главе с П. Г. Акритасом производила разведки памятников палеолита и неолита и раскопки кабардинских курганов XV в. У сел. Лашкуты С. Н. Замятниным найдена верхнепалеолитическая кремневая пластинка. У сел. Докшукино (Урванский район) при рытье котлована обнаружены 2 погребения с круглодонной керамикой конца неолита. У с. Каменомостское вскрыты 2 каменных ящика.

Кабардинские курганы раскапывались в группах у селений Чечем II, Докшукино, Аушигер, Урух, Урвань, Кызбурун III и Лечинская.

В Северо-Осетинской АССР В. П. Любин (Институт истории материальной культуры АН СССР) произвел небольшие рекогносцировочные работы в долинах рр. Терека, Черной и Гизель-Дона. В долине Терека в 3 км к юго-западу от г. Орджоникидзе, у подножья Лысой горы обнаружен первый на территории центральной части северного склона Большого Кавказского хребта нижнепалеолитический памятник (ашель — мустье). Единичные палеолитические находки встречены в долине р. Черной. На вюрмской террасе р. Гизель-Дона обнаружены макролитические орудия.

В Молчановском районе Томской области А. П. Дульзон (Томский педагогический институт) раскопал 9 курганов у устья р. Пачанги; 16 курганов, датируемых XVI и XVII вв., вскрыты вблизи Остяцкой горы. Курганы, очевидно, принадлежали остякам (хантам). Кроме того, в Пачангском могильнике исследовано 7 погребений, относящихся к концу карасукского — началу тагарского времени.

В. И. Матющенко (Музей истории материальной культуры Томского государственного университета) провел разведку в Томском районе и небольшие раскопки в пос. Самусь (на могильнике Самусь I, поселении Самусь III, стоянке Самусь IV). Кроме этого, обследованы: городище (у пос. Самусь), где найдена керамика с чеканно-гребенчатым орнаментом; неолитическая стоянка у дер. Нагорный Иштан и недалеко от нее — могильник и городище. Разведкой охвачены также берега р. Томи

(правый — от Томска до дер. Константиновка и левый — от дер. Варюхино до Томска).

Под руководством С. И. Руденко А. А. Гаврилова (Институт истории материальной культуры АН СССР) доследовала большой каменный курган на могильнике Катанда II (Горно-Алтайская автономная область), ранее частично раскопанный В. В. Радловым. Выявлены устройство погребального сооружения и захоронение 22 коней. Найдены 3 глиняных сосуда, из которых два — с наlepным орнаментом в виде спирально закрученных меандров, что свидетельствует о связях между населением Алтая и долины Енисея. Датируется курган раннешибинским временем (II—I вв. до н. э.). В насыпи обнаружены остатки впускных погребений тюркского времени. В том же могильнике раскопано еще 5 малых курганов, относящихся к тюркскому времени (VII—VIII вв. н. э.).

На территории Кемеровской области У. Э. Эрдниев (Сталинский краеведческий музей) продолжал раскопки на городище Маяк. Подтвердилась выявленная ранее стратиграфия (памятник двуслойный); на основании новых данных верхний слой правильнее датировать VII—VIII вв. н. э., а нижний, с остатками столбового жилища — 2-й стадией тагарской культуры (V—III вв. до н. э.). Интересна находка глиняного котелка; подобные котелки встречены в тагарских погребениях этого времени. Кроме того, произведена разведка вдоль рр. Томи и Иня на территории Мысковского, Кузнецкого (сельского), Крапивинского, Кемеровского, Яшкинского и Ленинск-Кузнецкого районов. Небольшие раскопки были организованы на Бедаревском селище № 2 (XVII в.).

М. Г. Елькин производил разведку в Гурьевском районе Кемеровской области (средняя школа № 1 г. Прокопьевска), раскопки Дегтяревской неолитической стоянки и нескольких разрушенных курганов в окрестностях сел. Ур-Бедари. Дата погребений — VI—VIII вв. н. э.

С. В. Киселев (Хакасский научно-исследовательский институт и Институт истории материальной культуры АН СССР) начал раскопки Большого Салбыкского кургана в Усть-Абаканском районе Хакасской автономной области. В кургане окружностью 500 м и высотой 11,5 м были сняты 4 полы и открыты 4 стены ограды из массивных плит песчаника, врытых на ребро. При расчистке ограды попадались кости баранов и коровы, а при расчистке западной стены в юго-западном и юго-восточном углах ограды найдены остатки погребений. На вершине кургана частично снята насыпь; основное погребение в 1954 г. не вскрыто.

В Тувинской автономной области С. И. Вайнштейн (экспедиция Тувинского краеведческого музея) вел археологические работы на горной южной оконечности Алашского плато вблизи вершины горы Кызылган. В долине р. Хемчика раскопано 7 курганов, относящихся к скифской эпохе. В 2 км к юго-востоку от Кызылгана открыто несколько древних кострищ.

В Иркутской области П. П. Хороших (Иркутский областной краеведческий музей) проводил разведочные работы в нескольких местах области. Недалеко от неолитической стоянки на берегу р. Уляхи (в 4 км выше с. Олонки) найдены верхнепалеолитические кремневые и кварцитовые орудия рядом со следами кострища и обожженными костями. Палеолитические орудия обнаружены еще в двух местах близ с. Олонки. У дер. Кулаковой на р. Ангаре найдены остатки очага эпохи неолита, фрагменты керамики и орудия из серого кремня, а в местности Лисиха (близ Иркутска) — кости ископаемых животных (шерстистого носорога, ископаемого зубра, ископаемой лошади, северного, благородного и гигантского оленей). В бухте Ая, на оз. Байкал, осмотрены наскальные рисунки на площади 25 кв. м. Наиболее древние из них датируются VII—I вв. до н. э. (тагарское время), некоторые относятся к курыканскому времени

(VI—IX вв. н. э.) и к монгольскому. На вершине скалы в бухте Ая сохранились сооружения из камней, на которых совершались жертвоприношения. Жертвенными животными были лошади и бараны.

Дальневосточная экспедиция под руководством А. П. Окладникова (Институт истории материальной культуры и Дальневосточный филиал АН СССР, Анадырский краеведческий музей и другие музеи Дальнего Востока) несколькими отрядами вела археологические работы на огромной территории Дальнего Востока. Амурский разведочный отряд начал исследования в долине р. Ингоды у г. Читы, затем плыл по р. Шилке и далее — по р. Амуру. Обнаружен еще один палеолитический памятник в районе с. Куларского. Большой материал собран по неолиту верхнего Амура, начиная со стоянок по р. Ингоде, где выявлена связь поздне-неолитического населения с Восточной Монголией, с племенами районов Тамцак-Булака и оз. Буир-Нур. Исследования показали, что на огромном протяжении долины рр. Шилки и Амура, почти до Благовещенска, жили племена Даурско-Монгольской группы. Выявлены связи племен этой культуры с племенами Прибайкалья, Якутии и отчасти нижнего Амура. Здесь, очевидно, обитали предки тунгусских племен. Впервые обнаружены писаницы, выполненные красной охрой, — на скалах у г. Читы, на скале «Гребень» по р. Каре, в глухом таежном районе по рр. Джалинде и Ключевой, в Усть-Карском районе, в устье р. Шайкиной, по Шилке. Датируются эти рисунки, очевидно, неолитом и эпохой бронзы. В сел. Усть-Кара обнаружены остатки двух разрушенных в древности могил эпохи бронзы.

В г. Ворошилове работал 2-й отряд экспедиции (руководитель — Н. Н. Забелина); производились раскопки искусственного холма, стоявшего на месте древнего городища бохайцев и джурчженей Шуайбаня. Найдены китайские монеты, фарфор, орнаментированная черепица кровли парадного здания. 3-й отряд экспедиции (руководитель — Р. В. Чубарова) изучал древние поселения на юге острова Сахалина. 4-й отряд под руководством В. В. Нарышкина (Чукотский краеведческий музей) вел раскопки двух Канчеланских поселений, недалеко от г. Анадыря, Чукотского национального округа, Магаданской области. Раскопано 9 землянок: 5 — на одном поселении и 4 — на другом. Одна из них была двойная, эскимосского типа. Инвентарь также находит аналогии в предметах древней эскимосской культуры. Жители занимались в основном охотой на северного оленя, морского зверя и рыболовством. Поселения относятся к 1-й половине I тысячелетия н. э.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ, I — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Дополнены и изданы высочайше утвержденной комиссией, т. I, 1294—1598 гг. СПб., 1836
 АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. I, 1334—1598 гг. СПб., 1841
 АН — Академия наук
 АС — Археологический съезд
 АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачева, т. I. СПб., 1857
 БСЭ — Большая советская энциклопедия
 ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
 ВДИ — Вестник древней истории
 ГИМ — Государственный Исторический музей
 ГМГ — Государственный музей Грузии
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ДАК — Дело Археологической комиссии
 Дополнения к АИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией, т. I. СПб., 1846
 ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ЗНО РАО — Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИАН — Известия Академии наук
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова
 ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
 МАО — Московское археологическое общество
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НС — Нумизматический сборник
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
 ООИД — Одесское общество истории и древностей
 ПСЭ — Полное собрание законов Российской империи
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 СА — Советская археология
 САГУ — Среднеазиатский государственный университет
 СВ — Советское востоковедение

- СГГид, I — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, часть первая. М., 1813
- ТМНО — Труды Московского нумизматического общества
- ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
- ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН
- ФАН — Филиал Академии наук СССР
- ЭВ — Эпиграфика Востока
- ЮТАКЭ — Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция
- СВМ — Catalogue the British Museum
- IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
- Mattingly — H. Mattingly. Coins of the Roman Empire in the British Museum, tt. I—V. London, 1923—1950.
- Z. f. N. — Zeitschrift für Numismatik (Berlin)
- JHS — Journal of Hellenic Studies
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Д. Б. Шелов. Состояние работы в области нумизматики и ближайшие задачи	3
И. Г. Спасский. Алтын в русской денежной системе	12
В. Л. Янин. Алтын и его место в русских денежных системах XIV—XV вв.	21
М. П. Сотникова. К вопросу о технике чеканки русских монет в XV в.	31
Е. А. Давидович. Денежная реформа 1708 г. в Бухаре	36
Е. А. Пахомов. Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье с половины XIV в. до начала XV в. по монетным данным	47
Г. А. Федоров-Давыдов. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в.	51
М. Ю. Браичевский. К вопросу о происхождении Оболонского клада	59
В. М. Брабич. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э.	65
П. О. Карышковский. О классификации серебряных статов Ольвии IV в. до н. э.	69

II. СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Л. Л. Полевой. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхоя	78
Д. Г. Капанадзе. Изображение знаков власти на древнегрузинских монетах	83
Х. А. Мушегян. Монетные находки из раскопок Двина	89
О. И. Смирнова. Монеты городища Пянджикента (Краткая общая характеристика)	93
В. В. Кропоткин. О некоторых кладах римских монет, найденных в России (Из истории русской нумизматики)	100
К. В. Голенко. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI	107
Ю. С. Крушкoл. Патрэйский клад 1950 г.	116
Н. П. Розанова. О золотых монетах с надписью ΚΟΣΩΝ	118

III. ХРОНИКА

Н. К. Лисицына. Археологические исследования в РСФСР в 1954 г.	123
Список сокращений	137

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры, выпуск 66

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева. Технический редактор Т. В. Полякова.

РИСО АН СССР № 124—83В. Сдано в набор 21/VIII 1956 г. Подп. в печать 8/XII 1956 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 8,75 = 11,99 + 8 вкл. Уч.-изд. лист. 11,8 + 8 вкл. (1 уч.-изд. л.).
Тираж 1500. Изд. № 1788. Тип. зак. 818. Т-11738.
Цена 8 р. 10 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21.
1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА „АКАДЕМКНИГА“

*ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ СЛЕДУЮЩИЕ ВЫПУСКИ СЕРИИ
«МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР»:*

- № 7. Материалы и исследования по археологии Москвы. Том 1. Под редакцией А. В. Арциховского (1147—1947). Сборник посвящается 800-летию Москвы. 1947. 180 стр. с илл. Ц. 20 р. 70 к. в пер.
- № 10. Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетие до н. э.). 1949. 247 стр. с илл., 7 вкл. Ц. 25 р. 20 к. в пер.
- № 12. Материалы и исследования по археологии Москвы. Том II. Под ред. А. В. Арциховского. 1949, 310 стр. Ц. 31 р. 50 к. в пер.
- № 13. Материалы по археологии Верхнего Поволжья. Под ред. П. Н. Третьякова. 1950. 178 стр. Ц. 18 р. в пер.
- № 14. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». Сост. под руковод. А. Н. Бернштама. 1950. 157 стр. с илл. Ц. 24 р. 30 к. в пер.
- № 15. Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, Таджикского филиала АН СССР и Государственного Эрмитажа. Том I. 1946—1947 гг. Под ред. А. Ю. Якубовского. 1950. 250 стр. 160 табл. илл. Ц. 31 р. 95 к. в пер.
- № 16. А. Н. Зограф. Античные монеты. 1951. 250 стр. с илл. Ц. 31 р. в пер.
- № 17. А. Н. Якобсон. Средневековый Херсонес XII—XIV вв. 1950. 255 стр. 40 табл. илл. Ц. 30 р. 15 к. в пер.
- № 18. А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Части I и II. 1950. 411 стр. с илл. Ц. 40 р. 95 к. в пер.
- № 19. Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Том I. под ред. В. Д. Блаватского и Б. Н. Гракова. 1951. 291 стр. с илл. Ц. 27 р. в пер.
- № 20. Поселения эпохи неолита и раннего металла на севере европейской части СССР. Под ред. М. Е. Фосс. 1951. 172 стр. с илл. Ц. 18 р. в пер.
- № 21. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Том II. Под ред. А. Я. Брюсова. 1951. 269 стр. с илл. 1 вкл. Ц. 30 р. 60 к. в пер.
- № 23. Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Под ред. Е. И. Крупнова. 1951. 306 стр. с илл. Ц. 31 р. 50 к. в пер.
- № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. Том I. Под ред. С. В. Киселева. 1952. 156 стр. с илл., 5 вкл. Ц. 18 р. в пер.
- № 25. Боспорские города. I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. Под ред. В. Ф. Гайдукевича и М. И. Максимовой. 1952. 421 стр. с илл. Ц. 35 р. 75 к. в пер.
- № 26. А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. 1952. 346 стр. с илл. Ц. 31 р. 35 к. в пер.
- № 31. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Том II. Под ред. Н. Н. Воронина. Авторы: А. Л. Монгайт, П. А. Раппопорт, В. В. Косточкин и др. Крепостные сооружения древней Руси. 1952. 379 стр. с илл. 4 вкл. Ц. 27 р. в пер.
- № 34. Материалы по археологии Юго-западного Крыма (Херсонес, Мангуп). 1953. 436 стр. с илл. Ц. 30 р. 75 к. в пер.
- № 35. Древняя история Нижнего Приобья. Авторы: В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, И. А. Талицкая. Под ред. А. В. Эбруевой. 1953. 377 стр. с илл., 8 вкл. карт. Ц. 27 р. в пер.
- № 36. Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. 1954. 239 стр. с илл. Ц. 17 р. в пер.
- № 40. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Том I. Отв. ред. А. П. Смирнов. 1954. 505 стр. с илл., 2 вкл. Ц. 36 р. в пер.

Книги продаются в магазинах «Академкнига». Иногородним заказчикам книги высылаются по почте наложенным платежом.

Заказы направлять по адресу: Москва, ул. Куйбышева, № 8, Контора «Академкнига».

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
91	1 сн.	(рис. 11—3 и 11—4)	(Рис. 9—3 и 9—4)
102	3 сн.	Б. В. Лукин	Б. В. Луин